

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В.А. Воропанов, Е.А. Крестьянников** — М.М. Сперанский и сибирская система правосудия в XIX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.В. Кива** — Дэн Сяопин 19

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А.Ю. Ватлин** — Финансовая политика советских властей Баварии в 1919 г. 37

СООБЩЕНИЯ

- Г.А. Куренков** — Обеспечение системы защиты информации накануне Великой Отечественной войны 48

- В.А. Поляков** — Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь в 1922 г. 60

- М.М. Фролова** — Лейб-гвардии Конный полк в кампании 1814 г. 77

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- С.Б. Панин** — Англо-русская конвенция 1907 г. и ее влияние на политические отношения с Афганистаном 94

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- М.А. Фельдман** — В.В. Адамов и его научное наследие ... 111

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- П.В. Густерин** — Становление Восточного факультета Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе 120
- В.А. Перминова** — Японский колониализм: особенности управления 129

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- С.А. Иникова** — «Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому»: история создания 136

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В.В. Познахирев** — Турецкие воинские формирования Красной армии в 1918—1920 гг. 159
- А.С. Смыкалин** — С.О. Шалапин. Церковно-пенитенциарная система в России XV—XVIII веков 169
- С.В. Кретинин** — В. Чу. Немецкое меньшинство в Польше в период между мировыми войнами 173

М.М. Сперанский и сибирская система правосудия в XIX в.

В.А. Воропанов, Е.А. Крестьянников

В XIX столетие Россия вступала с юстицией, характеризовавшейся подчиненностью администрации, сословностью, господством розыскных начал и канцелярской тайны в уголовном процессе. Скромность задач, поставленных верховной властью перед судебной системой, способствовала ее наполнению чиновниками, часто неспособными сознательно и добросовестно служить Фемиде, оправдывая постоянный контроль и опеку со стороны государства над деятельностью в сфере правосудия.

Между тем, Александра I беспокоило положение дел в Сибири: «С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края»¹. Желая видеть в должности доверенное лицо и намериваясь исправить ситуацию в регионе, царь указом от 22 марта 1819 г. определил пензенского гражданского губернатора М.М. Сперанского сибирским генерал-губернатором с целью изучить наболевшие проблемы в практике регионального администрирования, удовлетворить массовые жалобы и иски сибиряков, пересмотреть кадровый состав служащих².

Император связал его возвращение в столицу с успешным завершением миссии в Сибири. «Потщитесь исполнить возлагаемое мной на вас ныне поручение с тем дарованием и исправностью, кои вас отличают, — наставлял и обнадеживал император вновь назначенного генерал-губернатора, — и тогда приедете в Петербург с явной новой заслугой, оказанной отечеству, и которая поставит меня в действительную возможность основать уже ваше пребывание навсегда при мне в Петербурге»³. В то же время при планировании реформы сибирского управления перед Сперанским стояла задача избежать возможного гнева недоброжелателей, не допустив «либеральных излишеств» (один из мемуаристов вспоминал о нереализованных намере-

Воропанов Виталий Александрович — кандидат исторических наук, доцент Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; *Крестьянников Евгений Адольфович* — кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета.

ниях «великого реформатора»: «Раз, я случайно слышал, как говорили люди, имеющие возможность знать многое, что Сперанский сначала хотел сделать из Сибири Финляндию, но получил совет — не начинать» ⁴).

Имелось ли у Сперанского желание внимательно отнестись к удовлетворению нужд Сибири сверх предписанного императором и продиктованного местными условиями? Чиновник с предубеждением относился к краю ⁵, принял назначение с «чувством глубокой печали» ⁶, а его знаменитое — «Сибирь есть просто Сибирь» — являлось важной составляющей программы. Эта часть России представлялась ему лишь «прекрасным» местом для ссылки, выгодным для определенных видов торговли и разработки некоторых полезных ископаемых, любопытным для генералов; для «жизни и высшего гражданского образования» оно признавалось непригодным ⁷. Здесь Сперанский чувствовал себя некомфортно и изолированно. «Вы пишете, что в Сибири, ничего не читая, можно заржаветь. Сие в Сибири так, как и везде. Здесь многие и весьма многие ржавчиной провоняли», — своеобразно подбадривал генерал-губернатора министр внутренних дел и влиятельнейший сановник О.П. Козодавлев ⁸.

В конце мая 1819 г. Сперанский прибыл в Тобольск ⁹. Оправданно считая направление за Урал временным поручением, а себя более ревизором, чем администратором ¹⁰, руководитель огромной территории начал масштабную проверку деятельности местных государственных органов, исследуя, между прочим, состояние юстиции ¹¹. В своем распоряжении он имел «Инструкцию для обревизования губерний» от 17 марта 1819 г. ¹², которая предписывала, наряду с другими обязанностями, выяснить, «все ли судилища и места наполнены определенным числом чиновников и канцелярских служителей, и буде нет, то какие именно причины производят сей недостаток», и «нет ли в числе уголовных дел таких, по коим подсудимые изнуряются долговременным содержанием под стражей» ¹³?

Сперанский, по словам лидера сибирского областничества Н.М. Ядринцева, «застал Сибирь в жалком положении» ¹⁴. Приступив к ревизии, он сразу столкнулся с характерными для края традициями, не оставлявшими сомнений в том, что у сибиряка и местного чиновника бытовали взаимоотношения особого рода. При въезде в Тюмень депутация городского общества преподнесла генерал-губернатору хлеб с солью на дорогом серебряном блюде. Хлеб-соль он принял, блюдо и солонку возвратил ¹⁵. Тюменцы не смогли до конца понять и оценить символический жест нового сибирского начальника, обещавший беспристрастность в дальнейших обследованиях. До этого единственная крупная ревизионная проверка Западной Сибири была проведена в 1800 г., но, по мнению одного из биографов Сперанского, А.Э. Нольде, она «результатов никаких не дала» ¹⁶, следовательно, оставалось неизвестным, в каком положении находилась и юстиция. В конце 1810-х — начале 1820-х гг. новоиспеченный ревизор «нашел явные следы неправосудия и пристрастия» в регионе, обнаружил, что «лицеприятие в судах не переводилось» ¹⁷. Уголовные дела рассматривались десятками лет ¹⁸, в частности, волокита отмечалась в большинстве уездных судов Тобольской губернии ¹⁹, а в Тобольской уголовной палате обнаружилось много производств, остававшихся «в нерешении с давнего времени» ²⁰.

Проволочки и злоупотребления были свойственны всей юстиции Российской империи, но на окраине они усугублялись недостатком надзора и произволом никем неконтролируемого чиновничества. И.Б. Пестель, бывший до Сперанского сибирским генерал-губернатором (с 1806 г.), с которым император связывал большие надежды по созданию в крае справедливого суда ²¹, предпочел управлять из столицы, и на деле, как указывал Ядринцев, «отрезал Сибирь от всякого правосудия» ²². Местные же губернаторы, поставленные им, не отличались служебным рвением и честностью, чтобы бороться с неправым судом. По разным характеристикам, тобольский губернатор Ф.А. фон Брин «был в очень преклонном возрасте и ни во что не входил», «слабый и ничтожный, представлял одно игрище окружавших его лиц», «старый и слабый, зять Пестеля и, следовательно, покорнейший слуга»; томский же губернатор Д.В. Илличевский представлялся «обыкновенным взяточником того времени, из мелких», «самым грязным взяточником низшего разряда», «недалеким, безнравственным и деспотичным» ²³.

Ревизор выявил множественные злоупотребления управленцев, что неудивительно. Дореволюционный исследователь В.К. Андриевич, давая самые негативные оценки тогдашней российской административно-судебной системы («Взяточничество и лихоимство царили повсеместно и не считались явлением предосудительным... При таком режиме общественной жизни чиновники администрации и суда, поддаваясь общему влечению, тоже кривили душой и жали подчиненных и слабых; произвол властей стал нормальным порядком»), подчеркивал, что такая «непривлекательная» картина применительно к Сибири «слаба», «там жизнь народа была просто невыносима» ²⁴.

Наказания, которым подверглись в ходе ревизии провинившиеся чиновники, не являлись суровыми. Например, в 1821 г. Тобольское губернское правление во главе с губернатором А.С. Осиповым требовало от Тобольского уездного суда объяснений за выявленные в ходе проверок недостатки и злоупотребления. Судьи без особого труда ушли от ответственности, заявив, что беспорядок достался им с «прежних времен», «упущения» допустили «бывшие в сем суде присутствовавшие». Правление «пожурило» членов суда, действовавшего в губернском центре, обязав их привести делопроизводство в надлежащий порядок, нерешенные дела «кончить в немедленном времени», а в будущем «иметь дела в совершенной исправности». Чиновники Омского уездного суда за беспорядок отчитались перед губернским правлением тем, что дела решались неправильно бывшими судьями. Сейчас же, уверяли они, «неисправности прежних лет приводятся в возможный порядок и должны кончиться с приведением в исправность дел» ²⁵. Губернское правление поверило и этому обещанию.

Невысокая степень репрессий в отношении провинившихся служащих соответствовала общему духу проверки. Как известно, из привлеченных к ответственности в Сибири почти семи сотен лиц пострадали немногие, что объяснялось, кроме прочего, «природной снисходительностью» и «неспособностью по своей природе» «к крутым мерам» Сперанского ²⁶. Его современник Э. Стогов с характерным сарказмом рассказывал про нанесенный тогда сибирским чиновни-

кам урон: «Сперанский немилосердно, жестоко наказал этих грабителей — он сослал их в Россию! Они, бедные страдальцы, переехали — кто в Москву, кто в Петербург. Хотя жестокое, но оригинальное наказание — ссылка из Сибири в столицы»^{27!}

В феврале 1821 г. генерал-губернатор, раздав поручения местному начальству, отбыл «по делам службы» в столицу²⁸, где представил в учрежденный по его инициативе Сибирский комитет отчет о состоянии сибирского управления²⁹ и в короткое время составил проект его реформирования. 1822 г. ознаменовался утверждением ряда законодательных актов, устанавливавших в Сибири новую административную систему, прежде всего, «Учреждения для управления сибирских губерний» (далее — «Сибирское учреждение»)³⁰. В рамках преобразования проводилась судебная реформа, продолжившая процесс унификации местной системы правосудия с учетом комплекса особенностей удаленного края.

Возглавили местную юстицию губернские суды, рассматривавшие «гражданские дела по апелляциям, а уголовные и следственные по ревизии», им же передавались обязанности совестных судов. В округах — аналоге российских уездов — создавались окружные суды. Согласно новым штатам, в Западной Сибири действовали 19 судов общей подсудности первого звена: 9 в Тобольской губернии, 6 в Томской губернии и 4 в Омской области.

Преобразование юстиции проводилось в сжатые сроки. Сибирский комитет 9 октября 1822 г. предписал осуществить его в начале 1823 года. Изменения в составе и наименовании судебных органов заключались в следующем: тобольские палаты уголовного и гражданского суда «соединялись в одно установление под именем губернского суда»; Томский гражданский и уголовный суд теперь «назывался губернским судом»; закрывались «совестные суды в губерниях Тобольской, Томской и Иркутской и дела, в оных находящиеся», передавались в губернские суды; «уездные суды и судьи переименовывались в окружные». Тобольское губернское правление отчиталось за действия по введению нового судоустройства перед преемником Сперанского генерал-губернатором Западной Сибири П.М. Капцевичем 19 января 1823 года. Томское губернское правление представило отчет по введению «Сибирского учреждения» 16 февраля³¹.

Оценка реформы 1822 г. и ее судебной составляющей как неудачной³² связывалась, помимо прочего, с тем, что «войти глубоко, войти с любовью в сибирские дела, Сперанский не хотел» и «все время мысли его были далеко от Сибири»³³; он «слишком положился на одни официальные, коллегиальные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать самые учреждения»³⁴. Созданная тогда система не изменила старых порядков, при которых многое зависело от личности чиновника, его ответственности, деловых и нравственных качеств, а ее функционирование не избавилось от подчиненности сибирским условиям. Сам Сперанский в письме Капцевичу скромно оценивал глубину изменений: «Общая черта всех учреждений есть та, чтоб вводить новый порядок постепенно и по мере местных способов, не разрушая старого. Все они представляют более план к постепенному образованию сибирского управления,

нежели внезапную перемену»³⁵. Надо отметить, что «великий реформатор» пытался заглянуть в перспективу: «Михаил Михайлович трудился не над исправлением прошедшего зла, чего и невозможно было исправить, была бы бесплодная работа, он трудился над устранением зла в будущем и работал — пересоздать управление Сибири»³⁶. Однако сделать это в полной мере не удалось.

Устоявшаяся традиция делить дореволюционную историю Сибири на эпохи «до Сперанского» и «после Сперанского»³⁷ связана скорее с величием личности государственного деятеля, нежели с тем, что он дал краю. В каком-то отношении реформатор в своей жажде вернуться в Петербург даже скомпрометировал себя деятельностью по преобразованию сибирского региона. Так, еще один его преемник, восточносибирский генерал-губернатор А.С. Лавинский неоднократно говорил о нем: «Человек готовился лазить на колокольню и звонить в колокола, а ему поручили переделать край! Хорош реформатор!» И прибавлял непечатные слова³⁸. На предубежденное отношение Сперанского к краю и «тоскливое стремление к столице»³⁹, на его надежды, что поэты «из рода тунгусов и остяков воспоют имя его, как греки воспевали Кадма или скандинавы Одина»⁴⁰, сибиряки отвечали порой неприязненно. «Михайло Сперанский, сын не дворянский, сын попов, из больших плутов», — передавали они между собой⁴¹.

При этом нельзя отрицать, что управленческая модель, насажденная тогда в Сибири, служившая даже примером для последующих царских сановников⁴², создала относительно стройную и менее запутанную, по сравнению с общероссийской юстицией, судебную систему. В то же время, несколько упорядочив судоустройство, реформа 1822 г., сводившаяся по большому счету к разного рода «переименованиям», не улучшила правосудие в целом. «Сибирское учреждение» оставило в неприкосновенности процесс: «В прочем наблюдаются правила, для производства судебных дел вообще установленные»⁴³. В течение последующих шести десятков лет судоустройство в Сибири подвергалось лишь частным и незначительным изменениям, зачастую следовавшим вслед за «ревизионными встрясками»; ведь только они в условиях отсутствия общественного контроля над деятельностью государственных органов позволяли хоть как-то выяснить настоящее положение дел; реорганизации судебной системы в крае впредь определялись тенденциями развития общероссийской административно-судебной системы (С.М. Прутченко указывал: «Сибирское управление развивалось, однако, в зависимости от общерусского управления в ядре государства; важнейшие организационные вопросы, затронутые учреждением 1822 г., должны были испытать влияние хода событий, обусловивших развитие русского областного управления в эпоху, последовавшую за сибирской реформой»⁴⁴) и диктовались необходимостью ее приспособления к сибирским условиям.

В ходе преобразований Сперанского перестраивались городские сословные суды. Хотя характерный «екатерининский» взгляд на правосудие, когда «каждое состояние должно судиться равным себе состоянием»⁴⁵, еще существовал, в первой половине XIX в. он стал переосмысливаться. При проведении административно-судебной реформы в Сибири принцип сословного судопроизводства сохранился,

но в несколько ослабленном виде. В населенных пунктах, признанных «многолюдными», вместо привычных городских магистратов в качестве первой инстанции по делам купцов и мещан открывались городские суды, имевшие сокращенный состав присутствий, в «средних» городах «хозяйственная часть» и суд объединялись в ратуши, население «малолюдных» городов не получало собственного судебного органа — его дела ведались в окружных судах. Законодатель подтвердил, что «по делам людей духовного, купеческого и мещанского звания, там, где нет особенных городских судов, присутствуют в суде депутаты сих состояний»⁴⁶. Впрочем, избрание заседателей от горожан предоставлялось на их усмотрение: 9 октября 1822 г. Сибирский комитет инструктировал местную администрацию о том, что городские обыватели «могут избирать и не избирать». Купцы и мещане Тобольска и Томска отказались от представительства сословий в губернских судах⁴⁷. К концу реформы в крае действовали 4 городских суда — Кузнецкий, Тобольский, Томский, Тюменский и 6 ратуш — Барнаульская, Каинская, Нарымская, Семипалатинская, Тарская и Туринская. Ведомству судов принадлежало словесное судопроизводство, ратуши осуществляли функции опекунских органов. В «малолюдных» поселениях предусматривались выборы старост и словесных судей, дела их жителей передавались для разбирательств в окружные суды⁴⁸.

Городские сословия серьезно относились к членству в собственных судах, выборы в которые проходили достаточно демократично и заинтересованно с их стороны. Так, в 1827 г. при избрании состава Томского городского суда за одного кандидата в городские судьи было подано 102 голоса, за другого — 69; за заседателей от купечества соответственно 107 и 78, от мещан — 108 и 85⁴⁹. Однако, несмотря на динамичное развитие городских сословий в Западной Сибири во второй четверти XIX в., роль купечества и мещанства, не превышавших 2,5—3% жителей, в экономическом и культурном подъеме региона оставалась недостаточно активной. Города края являлись, прежде всего, центрами сосредоточения правительственной администрации. В 1840-х гг. на долю дворян и чиновников приходилось более 7% городских обывателей, еще 5% представлял контингент ссыльных. В ряде городов сохранялся высокий удельный вес крестьян, в частности, 62,5% — в Тюкалинске, 39,2 — в Колывани, 27 — в Тюмени, по 21% — в Ишиме и Ялуторовске⁵⁰. После введения «Сибирского учреждения» потребовалось совершенствование системы управления и суда, не всегда разумно устроенной и применимой к местным условиям. Рационализация, унификация и упрощение являлись главными векторами развития сибирской юстиции в 1820-х — 1860-х годах. Так, в 1830 г., задолго до начала кампании по упразднению сословных судов, Сибирский комитет, удовлетворяя желание нарымских мещан упразднить ратушу, возложил «хозяйственное управление» в Нарыме на словесный суд и старосту, передав разбор судебных дел Томскому окружному суду⁵¹. В 1831 г. в разряд средних по числу жителей поселений был переведен Кузнецк, и магистрат окружного центра переименовали в ратушу⁵².

Реформа Сперанского в Сибири закрепила управленческую модель, при которой юстиция тесно взаимодействовала с администра-

цией и ей подчинялась; генерал-губернаторы получили право и обязывались в порядке управления во всех ведомствах побуждать чиновников к скорейшему разрешению дел, определять и увольнять служащих, проводить ревизии государственных органов; гражданским губернаторам предписывалось пересматривать уголовные дела и обозревать/ревизовать губернские присутственные места⁵³. Таким образом устанавливался ревизионный административный порядок: «основные цели программы» Сперанского — «контроль, гласность и “публичность” управления, — констатировал Ядринцев, — не были им достигнуты вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им»⁵⁴.

«Великий реформатор» подчеркивал: «Двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточны, чтобы расстроить и привести в беспорядок наилучше устроенную губернию»⁵⁵. В период действия «Сибирского учреждения» правительство провело всего две масштабные ревизионные проверки Западной Сибири: в 1827 г. сенаторами Б.А. Куракиным и В.К. Безродным, в 1851 г. — членом Государственного совета Н.Н. Анненковым. Роль местных ревизоров, таким образом, еще более возрастала. Начало обследованию судебных органов было положено в первый год их деятельности. Тогда Капцевич при ревизии Ишимского и Тарского окружных судов обнаружил медленность делопроизводства, «запущения и расстройство в делах», а на виновников нарушений наложил пени⁵⁶. Осипов же выявил незаконное расходование средств в Тобольском городском суде, с членов и секретаря которого предписывалось взыскать растрченную сумму⁵⁷.

Некоторые руководители, «обозрев» деятельность местной юстиции, пытались сигнализировать об ее недостатках столичным чиновникам. Тобольский губернатор, бывший декабрист А.Н. Муравьев в своей записке А.Х. Бенкендорфу «О злоупотреблениях и злоупотребителях Тобольской губернии» от 12 декабря 1833 г. рассказывал о деятельности окружных судов: «злоупотребления в сих местах гораздо менее и реже, чем в земских судах, хотя и в них личные виды составляют перевес в некоторых делах». Сравнительное благополучие этих судов объяснялось отнюдь не честностью судей, а мизерностью числа гражданских дел, рассмотрение которых позволяло бы «воспользоваться деньгами», и предварительными поборами («стеснительными сборами») полицейских чиновников — после них взять с подсудимого было нечего. Тобольский губернский суд, отмечал губернатор, работал весьма медленно, гражданских дел производилось в нем мало, а его председатель С.И. Кукуранов был бездеятелен и неприлежен «в решении дел»⁵⁸.

В середине XIX в. внимание к потребностям правосудия, обусловленное изменением правительственного курса по отношению к Сибири, переходом самодержавия от фискального подхода к решению социально-экономических и политических проблем края, повысилось⁵⁹. Активизировалась ревизионная деятельность, толчком к чему послужила проверка состояния Западной Сибири Анненковым. Хотя император поручил ему лишь «осмотреть главнейшие части военно-сухопутного ведомства, и по гражданскому отделению те части, кои он признает нужным»⁶⁰, по словам главного помощника ревизора В.А. Арцимовича, предпринимались «строгие и подробные реви-

зии» местной юстиции ⁶¹. Деятельность в качестве ревизора и губернатора позволила последнему составить целостное представление о судебных порядках края. Став начальником Тобольской губернии в 1854 г., он обследовал окружные суды. В Тюмени таковой «оказался неудовлетворительным, ибо решал мало дел, многим из них давал неправильный ход, иные оставлял без движения требованием излишних сведений и справок, которые были до того странны, что их можно отнести только или к намеренному продолжению дела, или к весьма мелочному, вовсе неслужебному любопытству. Самый состав суда был неудовлетворителен». Помощник губернатора и его шурин, чиновник особых поручений В.М. Жемчужников (в будущем — поэт, один из создателей Козьмы Пруткова) рассказывал об обнаруженных в ходе проверок анекдотических случаях из деятельности судебной системы. Так, в Ялуторовске «окружной судья, исполняя должность городничего, пьяный, украл при обыске у одного мещанина две серебряные ложки», в другом случае «заседатель окружного суда укрывал в подполье всех беглых, сам освобождал их из острога и делился с ними краденными вещами» ⁶².

Ревизионный порядок продемонстрировал свою полную несостоятельность. Вскрывавшиеся в ходе обследований недостатки не исправлялись, повторяясь от проверки к проверке. Так, ревизия Ялуторовского окружного суда в августе 1859 г. обнаружила некоторые дела, которые «давно могли бы быть кончены, если бы суд более заботился о скорейшем их производстве и своевременно относился по ним со своими требованиями в другие присутственные места» ⁶³. Через 6 лет в производстве уголовных дел отмечалась та же «медленность в вырешении». В те же сроки не повысилась скорость рассмотрения дел и в Омском суде: в 1866 г. тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович констатировал, что там «медленность в производстве дел встречается почти по каждому делу» ⁶⁴. В это время, как отметил губернатор, множество уголовных и гражданских дел и в других «обревизованных» окружных судах «не имели движения» ⁶⁵.

На тщетность всяких проверок указывал в переписке с западно-сибирским генерал-губернатором Г.Х. Гасфордом и Арцимович: «Несмотря на все стремление и заботливость вашего превосходительства, строгие и подробные ревизии и мои посильные труды об устройстве окружных судов, места сии далеко не соответствуют видам правительства, полагаю даже, что и невозможным достигнуть существенных улучшений по этой части управления, при условиях службы в судебных инстанциях первой степени и недостатке образованных юристов и во внутренних губерниях» ⁶⁶. Представители сибирской общественности также сигнализировали о неэффективности ревизионных осмотров. «Ревизии решительно не помогают делу», — писал в 1877 г. знаменитый сибирский деятель В.И. Вагин ⁶⁷.

Между тем, с 1830-х гг. в стране стала применяться практика отказа от сословного правосудия, которое все меньше удовлетворяло чиновников и общественность. Начальник Второго отделения его императорского величества канцелярии М.А. Балугьянский еще в 1820-х гг. писал о тех, кто осуществлял суд: «Определение судей посредством выборов на три года преграждает навсегда возможность, чтобы когда-нибудь судьи приобрели нужные сведения, опытность и то уважение,

которым отличается судья долговременно и непременно производящий правду. Какой судья деревенский помещик, отставной офицер или мещанин, избранные на три года и ожидающие с нетерпением своей смены»⁶⁸? В свою очередь руководство западносибирских губерний не раз обращало внимание на сомнительное качество контингента депутатов от сословий. Томский губернатор А.Д. Озерский, ознакомившись с положением дел в судах, заключил, что их члены, избранные городским обществом, «малограмотны и иногда совершенно неграмотны»⁶⁹. Западносибирский генерал-губернатор И.А. Вельяминов прямо указывал на то, что члены Томского городского суда были «невежественны»⁷⁰. В 1859 г. Гасфорд доводил до сведения Сибирского комитета: «Между купеческим и мещанским сословием там весьма трудно найти людей с тем образованием и сведениями, какие нужны для исполнения обязанности городских судей, то эта часть управления находится везде в более или менее неудовлетворительном состоянии, от чего неизбежно терпят и благосостояние частных лиц, и общественное спокойствие и порядок»⁷¹.

Соответствующие оценки получала деятельность сословных органов. Так, в 1822 г. только что вступивший в должность Капцевич обнаружил дела Томского магистрата «в беспорядке», и производились они «столь медленно», что нашлись такие, которые были заведены еще в 1784 г.; в 1830 г. Вельяминов вскрыл серьезные «неисправности и упущения» в функционировании Каинской городской ратуши; в 1845 г. все городские ратуши и некоторые городские суды Томской губернии получили выговоры и «строжайшие выговоры» Томского губернского правления за «недоставление» сведений о работе, а за повторные нарушения такого рода их членам была обещана «чувствительная пеня»; в 1846 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков обратил внимание на недостатки в деятельности каинской ратуши, причиной которых, по его мнению, являлись «явное нерадение и беспечность ратуши»; в 1854 г. члены Томского городского суда, как выяснил томский окружной стряпчий, не посещали службу (он «не нашел в оном ни одного из членов того суда, кроме секретаря»); в 1850-х гг. в том же суде «допускались беспорядки по делопроизводству», а одна из ревизий выявила там дело, которое тянулось более 16 лет⁷².

Тем не менее, рассматривая возможности объединения судов сословных и общей юрисдикции первого звена в целях облегчения выборов в малых городах, оптимизации расходов по ведомству и улучшения порядка судопроизводства, правительство сталкивалось с устойчивостью корпоративного самосознания. Купцы и мещане высоко оценивали собственные органы. Так, еще во время осуществления реформы Сперанского к числу «малолюдных» был отнесен Курган, лишившийся ратуши. Жители окружного центра обратились к губернским властям с просьбой оставить статусный сословный орган: «Город Курган, по Высочайшему учреждению 22 июля 1822 г. об управлении Сибирских губерний, причислен к городам малолюдным, в коих городское хозяйство ведают городские старосты и словесные суды, а дела тяжёбые и уголовные суды окружные; ратуши же должны упраздниться. Но как общество по двадцатилетнему существованию ратуши, привыкнув к образу сего управления, не считает для

себя обременительным ни выборов в общественные должности, ни расходов по сей части, то просит оставить ратушу на прежнем основании, если сие не будет противно упомянутому Учреждению». Не против такого обхода закона выступали тогда Осипов, Капцевич и председательствовавший в Сибирском комитете граф В.П. Кочубей, но после проверки состояния города Тобольской казенной палатой Совет главного управления Западной Сибири приказал закрыть курганскую ратушу ⁷³.

В 1837 г. Министерство внутренних дел опросило городские условия империи и убедилось в повсеместном нежелании горожан доверить свои дела чиновному аппарату. К примеру, купцы и мещане Тобольской губернии «решительно отказались от присоединения дел своих к уездным судам» ⁷⁴. Но в июне 1846 г. Государственный совет признал «необходимым уничтожить постепенно отдельные городские судебные места и всю судебную часть сосредоточить в уездных судах» ⁷⁵. В 1850-х гг. в российских городах уже допускалось объединение городских судов и ратуш с уездными судами в виде особых законодательных исключений. В поле зрения высших государственных органов попали и городские суды, действовавшие в Сибири. Сибирский комитет, считая, что «опыт этого соединения мог бы быть полезным при окончательном обсуждении предполагаемого Министерством внутренних дел общего преобразования городских судов», предложил Главному управлению Западной Сибири обсудить его применение в крае. В 1859 г. Александр II, согласно представлению Гасфорда и положению Сибирского комитета, «признавая полезным в городах Омск Тобольской губернии и Каинск Томской губернии соединить в виде опыта городские суды с окружными судами», повелел «городские суды сих двух городов упразднить, и затем все подлежащие рассмотрению их уголовные и гражданские дела отнести к ведомству местных окружных судов». В состав окружных судов включили депутатов от городских «обществ». Словесные суды перешли в зависимость от окружных. В малонаселенных заштатных городах обязанности словесных судей по-прежнему возлагались на старост ⁷⁶. В 1859—1860-х гг., не дожидаясь результатов данного эксперимента, Тобольский и Томский губернские советы рассмотрели вопрос о соединении магистратов и ратуш с местными окружными судами, настаивая на осуществлении этой меры ⁷⁷. После трехлетнего испытания правосудия без сословных судов в Омске и Каинске Совет Главного управления Западной Сибири признал опробованный «опыт полезным» и предложил реализовать его повсеместно ⁷⁸.

Положение Сибирского комитета от 24 июля 1864 г. упразднило городские суды в Тобольске, Томске и Тюмени, ратуши в Барнауле, Кузнецке, Таре и Туринске. Было подтверждено исключение из компетенции окружных судов в Тобольске и Томске права свидетельствования крепостных и явочных актов, предоставленного губернским правлениям, нотариусам и маклерам. В то же время в Березовский, Бийский, Ишимский, Курганский, Мариинский и Ялуторовский суды вводился дополнительный заседатель «как для законного ограждения прав подлежащих ведомству их граждан, так и для единообразного устройства вообще окружных судов в Сибири». В производстве Петропавловской городской ратуши, учрежденной вза-

мен «хозяйственного управления» лишь в 1852 г., оставили «все исковые и тяжёбные дела», а уголовные подлежали передаче в Ишимский окружной суд ⁷⁹. Таким образом, наносился очередной удар по сословному правосудию: хотя представительство купцов и мещан в окружных судах сохранилось, горожане лишились обособленной юстиции.

Где-то к такой мере горожане были давно готовы. Например, еще с 1853 г. из Каинска поступали «предположения» о закрытии Каинской городской ратуши, так как «в малочисленном обществе этого города ощущался недостаток в людях, могущих занимать общественные должности». В 1855 г. Томское губернское правление «нашло закрытие Каинской городской ратуши полезным для общества, ибо с уничтожением ратуши, общественные расходы значительно уменьшатся, а равно и жители будут облегчены от общественной службы» ⁸⁰. В иных городах закрытие корпоративных судебных органов шло вразрез с интересами купеческо-мещанского населения. Уже в январе 1862 г. Омская городская дума адресовала западносибирскому генерал-губернатору А.О. Дюгамелю «приговор» о желании «общества» восстановить городовой суд. Однако Совет Главного управления Западной Сибири, руководствуясь реформаторскими целями правительства, отклонил ходатайство и, напротив, обосновал необходимость распространения новых правил судоустройства на весь край. «Все вообще городские суды и ратуши при нынешнем их составе находятся в неудовлетворительном состоянии, так как судьи и заседатели, по недостатку образования, оставляют все дела на произвол секретарей», — аргументировали чиновники, настаивая на объединении присутствий «для более правильного и успешного производства уголовных и гражданских дел, входящих в круг их занятий» ⁸¹.

В 1860-х гг. в империи началось введение в действие Судебных уставов Александра II, и участь российской сословной юстиции была решена. Ей не осталось места в «равном для всех» судопроизводстве. Разложение сословных устоев отмечалось и в деятельности юстиции Западной Сибири. Так, в 1866 г. Омский окружной суд перестал решать дела горожан. Один из заседателей, избираемых обществом купцов и мещан, «с давнего времени совершенно не являлся в суд», лишь расписываясь в прочтении повесток. Не помогали ни доносы на него в Тобольское губернское правление, ни внушения губернатора Деспот-Зеновича. Другой заседатель от горожан также редко посещал место службы, «будто бы по болезни», и окружной суд вынужден был просить Омскую городскую думу прислать «для заседаний в присутствии одного из гласных», но та просьбу проигнорировала ⁸². Окружной город не востребовал право представительства в суде общей юрисдикции.

Ревностное отношение купцов и мещан к собственным судам и пренебрежительное к членству в судах общей подсудности составляли, судя по всему, устойчивое явление. Когда ликвидировались магистраты и ратуши, горожане не видели резона посещать заседания «чиновничьего» суда. Вместе с тем, реализация в Сибири городской реформы 1870 г. продемонстрировала несовместимость новых порядков с отживающими: бессословность городских дум никак не согласовалась с выборами ими сословных представителей в судебные органы. В Томске по этому поводу произошло столкновение между губернским советом и думой, которые, однако, сходились в том, что ситуация коренным

образом изменилась. Городской голова З.М. Цибульский выразил такое мнение: «Выборы заседателей в окружные суды до градских дум не относятся...: означенные выборы находятся вне действия Городового положения, в которых о выборах заседателей окружных судов ни слова не говорится». Совет же постановил, что думы должны избирать заседателей, притом управляющим казенной палатой было высказано особое мнение: «Заседатели и кандидаты к ним избирались прежде односословным городским обществом, ныне думы всесословные. Почему возлагать на думы выбор заседателей от известного только сословия не нахожу основания, да и вообще, цель, для которой выбирались заседатели по упразднению городских судов утратила силу. Почему настоящее обстоятельство полагал бы представить на благоусмотрение генерал-губернатора»⁸³. Неудивительно, что в ходе судебного преобразования 1885 г. в Сибири, внедрившего в судоустройство и судопроизводство некоторые начала Судебных уставов, отменялось присутствие в судах и участие при производстве досудебных следствий по делам о купцах и мещанах представителей от этих сословий⁸⁴.

Потребность коренного преобразования сибирской юстиции назрела сама собой в ходе реализации в России судебной реформы 1864 г., которая привела к организационно-правовому обособлению судебных органов от администрации, улучшению их деятельности в империи. Высшая администрация Западной Сибири, постоянно замечая в работе местных судов «неуспешность» и «чрезвычайную медленность в производстве», «совершенное бездействие»⁸⁵, «чрезвычайную запутанность накопившимися с давних лет» делами⁸⁶, «не весьма хорошее состояние»⁸⁷, чудовишную волокиту, видела стратегической задачей в судебном строительстве подготовку края к введению Судебных уставов. Чиновники, обнадеженные циркулярами столичных ведомств, старались оказать намеченному мероприятию всяческое содействие. Так, Деспот-Зенович 15 августа 1865 г. «наказывал» подчиненным: «Ввиду предстоящего осуществления судебной реформы, представляется весьма важным, для облегчения перехода от старого порядка судопроизводства к новому, принять меры к скорейшему окончанию дел, производящихся в существующих ныне судебных местах»⁸⁸. Уверенные в том, что скоро в крае будут введены мировые суды, члены Томского губернского совета, возглавляемого губернатором Г.Г. Лерхе, на заседании 24 января 1868 г. обязали окружных исправников собрать необходимые для реализации этого мероприятия сведения⁸⁹.

Однако в связи с наметившимся изменением отношения правительственных кругов к юстиции, процесс учреждения новых судов на территории империи подвергся корректировке. Комиссия под председательством В.П. Буткова, разрабатывавшая проект преобразования судебных органов Сибири, в 1870 г. была закрыта⁹⁰. Западносибирским администраторам и общественности оставалось привлекать внимание правительства к нуждам края, указывать на желательность здесь реформы судоустройства и судопроизводства и, в меру сил, готовить для нее почву. В частности, современникам запомнилось «блестящее управление»⁹¹ западносибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова (1875—1881 гг.), который целенаправленно исправляя ошибки прежних управляющих и заботясь о повышении образовательного

уровня чиновничества, способствовал распространению просвещения. К его личным заслугам относили открытие первого сибирского университета в Томске, реальных училищ в Тюмени и в Томске, гимназии в Омске и т.д.⁹². Желая улучшить правосудие, он приглашал для работы в местных судах молодых юристов из Европейской России⁹³, постоянно обращался за юридическими советами к выдающемуся судебному деятелю А.Ф. Кони и даже сделал последнему предложение занять должность тобольского губернатора⁹⁴.

В 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири упразднили, ее губернии подчинили «общему порядку губернского управления»⁹⁵, что стало поводом вновь поднять вопрос о необходимости преобразования суда. «Судебная реформа более других необходима, — докладывал министру юстиции один из чиновников, участвовавший в мероприятии по ликвидации генерал-губернаторства, — оставить Тобольскую и Томскую губернии в настоящем их положении невозможно»⁹⁶. Местное правосудие не удовлетворяло ни население, ни уже саму государственную власть. «Сибирский вестник» в преддверии намеченного судебного преобразования подвел определенный итог работы юстиции, действовавшей со времен Сперанского: «Отсутствие правильного и быстрого судопроизводства одинаково парализовало деятельность и администрации, и органов общественного самоуправления, упрочивая произвол и пренебрежение к закону, который в умелых руках исполнителей весьма легко обращался против обывателя»⁹⁷. Томский губернатор И.И. Красовский в записке министру юстиции Д.Н. Набокову в 1884 г., указывая на «крайнюю необходимость» совершенствования системы правосудия, отмечал, что «настоящий порядок следствий и суда самым вредным образом отзывается на всей деятельности местной администрации»⁹⁸.

Благодаря инициативе Набокова, представившего в Государственный совет записку с предложениями «о некоторых изменениях в законах», регламентировавших деятельность сибирской системы правосудия⁹⁹, участь суда, преобразованного Сперанским, была окончательно решена. Судебная реформа 1885 г. ввела элементы состязательности и гласности процесса, установила новые институты судебных следователей и товарищей прокурора и т.д.¹⁰⁰, но, в целом, внесла сомнительные улучшения в судебные порядки края (ее называли не иначе как «полуреформа»). Только распространение в 1897 г на сибирский регион Уставов Александра II в полном объеме позволило поднять правосудие на новый, более качественный уровень.

Традиционная для времени Сперанского ставка на бюрократическое регулирование судебной системы Западной Сибири, сделанная «Сибирским учреждением», оказалась несостоятельной. Руководители администрации не обладали инструментарием действенного воздействия на юстицию; закрытость судопроизводства, укомплектование судов чинами с низкой квалификацией и сомнительной нравственностью, неспособными сознательно осуществлять правосудие, сословные начала и специфические условия края — все вместе делало функционирование судебной организации неэффективной. Незначительные преимущества в судоустройстве на территории Западной Сибири разом минимизировались, когда в России стала распространяться судебная реформа 1864 г. и правосудие ставилось под общественный контроль.

1. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1872. СПб. 1872, с. 105—106; ШИЛЬДЕР Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб. 1898, с. 148.
2. М.М. Сперанскому прямо предписывалось исправить «все то, что будет в возможности, обличив лиц, предающихся злоупотреблениям, предав, кого нужно, законному суждению» (Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб. 1841, с. 1).
3. Цит. по: КОРФ М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб. 1861, с. 175—176; СПЕРАНСКИЙ М.М. Юридические произведения. М. 2008, с. 178—179; ШИЛЬДЕР Н.К. Ук. соч., с. 148—150.
4. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова]. — Русская старина. 1878, т. 23, с. 525.
5. См.: ЯДРИНЦЕВ Н.М. Чувства Сперанского к Сибири. — Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876, с. 397—408.
6. КОРФ М.А. Ук. соч., с. 177.
7. См. напр.: Н.Я. [ЯДРИНЦЕВ Н.М.] Сибирь перед судом русской литературы. — Томские губернские ведомости. 5.III.1865; Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М. 1869, с. 11—12; ПОТАНИН Г.Н. Нужды Сибири. Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб. 1908, с. 285.
8. КОРФ М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М. 2010, с. 305.
9. Письма Сперанского..., с. 5.
10. БЫЧКОВ И.А. М.М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова). — Русская старина. 1902, т. 112, с. 40; МИНАЕВА Н.В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVIII — первая половина XIX вв. М. 2009, с. 304.
11. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск. 1884, с. 102.
12. «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова». Письма М.М. Сперанского. 1819—1821 гг. — Исторический архив. 2006, № 5, с. 171.
13. Полное собрание законов (ПСЗ). Собр. I, т. 36, № 27722.
14. Н.Я. [ЯДРИНЦЕВ Н.М.] Ук. соч.
15. Граф М.М. Сперанский в Тюмени. — Русская старина. 1896, т. 87, с. 294.
16. НОЛЬДЕ А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М. 2004, с. 150.
17. АНДРИЕВИЧ В.К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2. (Период с 1806 по 1819 г.). СПб. 1889, с. 308, 313.
18. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. 1892, с. 513.
19. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 329, оп. 12, д. 25, л. 24об.; д. 30, л. 8—9; д. 34, л. 1—4; д. 35, л. 1—2.
20. Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 376.
21. ПСЗ. Собр. I, т. 29, № 22143.
22. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 484.
23. АНДРИЕВИЧ В.К. Ук. соч., с. 304; НОЛЬДЕ А.Э. Ук. соч., с. 152; ШИЛЬДЕР Н.К. Ук. соч., с. 146.
24. АНДРИЕВИЧ В.К. Ук. соч., с. 280.
25. ГАТ, ф. 329, оп. 12, д. 25, л. 19, 24об.; д. 30, л. 8—9.
26. НОЛЬДЕ А.Э. Ук. соч., с. 156—159.
27. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова], с. 525.
28. ГАТ, ф. 329, оп. 13, д. 889, л. 100.
29. В комитет под председательством В.П. Кочубея входили А.А. Аракчеев, Д.А. Гурьев, А.Н. Голицын, Б.Б. Кампенгаузен, М.М. Сперанский. ПСЗ. Собр. I, т. 37, № 28706; РЕМНЁВ А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). М. 2010, с. 255.
30. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125.

31. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 85, л. 5—10, 15—17об., 27—37об.
32. В частности, в наиболее фундаментальном дореволюционном исследовании сибирской управленческой политики М.М. Сперанского «Сибирские окраины» С.М. Прутченко говорилось, что «даже официальные ревизии свидетельствовали о “безжизненности” важнейших установлений, организованных по Сибирскому учреждению, произнося тем самым весьма суровый приговор самой системе управления края». ПРУТЧЕНКО С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. СПб. 1899, с. 390. По словам Н.М. Ядринцева, «новое учреждение сибирского управления не удовлетворило ожиданиям и страдало недостатками, которые с первого же раза были замечены». ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 516.
33. СЕРЕДОНИН С.М. М.М. Сперанский. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. Т. 25. СПб. 1910, с. 237.
34. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 527.
35. СПЕРАНСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 194—195.
36. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова], с. 525.
37. См. напр.: ВАГИН В.И. Исторические сведения о деятельности М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 1. СПб. 1872, с. 1—2; МИНАЕВА Н.В. Ук. соч., с. 304; «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова»..., с. 167.
38. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова], с. 526.
39. КОРФ М.А. Жизнь графа Сперанского, т. 2, с. 192.
40. СЕРЕДОНИН С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб. 1909, с. 113—114.
41. ЧЕРЕПАНОВ С. Отрывки из воспоминаний сибирского казака. — Древняя и новая Россия. 1876, № 6, с. 191.
42. В комитете 6 декабря 1826 г., например, предлагалось распространить некоторые черты сибирского управления на остальную Россию. См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб. 1894, с. 226.
43. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 305.
44. ПРУТЧЕНКО С.М. Ук. соч., с. 400.
45. Рассуждения неизвестного (статс-секретаря М.А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб. 1894, с. 217.
46. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 72, 120, 126.
47. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 85, л. 9об.—10об., 22, 24—26об.
48. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 132, 373.
49. Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 51, оп. 1, д. 400, л. 54.
50. См.: РУТЦ М.Г. К вопросу о состоянии городов Западной Сибири в первой половине XIX в. Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул. 1998, с. 124—126; ЕГО ЖЕ. К вопросу об особенностях социальной структуры городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. Там же. Барнаул. 2000, с. 306—309.
51. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 901, л. 1—32 об.; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1264, оп. 1, д. 183, л. 1—4.
52. РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 192, л. 1—5.
53. ПСЗ. Собр. I, т. 38, № 29125, ст. 19, 33.
54. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 527.
55. Там же, с. 523.
56. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 228, л. 14—14об.
57. ГАТ, ф. 329, оп. 1, д. 3, л. 3, 10—13.
58. Переписка А.Н. Муравьева. В кн.: Выдющиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень. 2000, с. 319, 321.
59. РЕМНЁВ А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск. 1995, с. 191.
60. ГАТ, ф. 154, оп. 20, д. 2036, л. 1об., 29.
61. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 31.

62. СК-ЕВ [СКРОПЫШЕВ Я.С.] Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854—1858 гг.). — Вестник Европы. 1897, № 11, с. 13—15.
63. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4573, л. 7—7об.
64. ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 221, л. 2, 7об.
65. См. напр.: Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 16 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). Тобольск. 1867, с. 301.
66. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 31—31об.
67. СИБИРЯК-ЮРИСТ [ВАГИН В.И.] Опыты гласного суда в Сибири. — Сибирь. 17.VII.1877.
- 68.. Рассуждения неизвестного..., с. 222.
69. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 1160, л. 235.
70. ГАТО, ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 25.
71. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 8—8об.
72. ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 2659, л. 2, 17; оп. 13, д. 179, л. 11об.; ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 10; ф. 50, оп. 1, д. 3853, л. 1; ф. 51, оп. 1, д. 1291, л. 132 об.—133; д. 1578, л. 1—1об.
73. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 234, л. 1—13об.
74. Там же, д. 1623, л. 1—9об.
75. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 1, оп. 2, д. 521, л. 118об.—119.
76. ПСЗ. Собр. II, т. 3, № 2079; т. 12, № 10505; т. 24, № 23503; т. 26, № 25695; т. 27, № 26597; т. 29, № 28397; т. 34, № 34406; т. 36, № 37785; ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 1—4; ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 566, л. 65—66; РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 1—3.
77. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 1160, л. 235—241об.
78. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 154—175.
79. Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии..., с. 159—168; РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 7об.—19об.
80. ГАТО, ф. 3, оп. 6, д. 566, л. 65.
81. РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 7об.—19об.
82. ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 221, л. 5—7об.
83. ГАТО, ф. 233, оп. 2, д. 131, л. 2—12.
84. ПСЗ. Собр. III, т. 5, № 2770, ст. II.
85. ГАТО, ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 9, 10об., 21—21об.
86. ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 33—34.
87. ГАТО, ф. 3, оп. 13, д. 53, л. 2—2об.
88. Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии..., с. 228.
89. ГАТО, ф. 292, оп. 1, д. 157, л. 2.
90. РГИА, ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1об.
91. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирь как колония..., с. 539.
92. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г., с. 116—117.
93. Восточное обозрение. 15.VII.1882.
94. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. КОНИ А.Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М. 1966, с. 230.
95. ПСЗ. Собр. III, т. 2, № 886.
96. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 2.
97. Сибирский вестник. 16.V.1885.
98. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 2, 26об.
99. Там же, ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1—1об.; ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 1—1об.
100. ПСЗ. Собр. III, т. 5, № 2770.

Дэн Сяопин

А.В. Кива

О Дэн Сяопине написано много и разного, но в основном положительного и даже хвалебного.

В России Дэн Сяопину посвящено немало статей и несколько книг¹. А на Западе о нем вышло огромное количество работ, включая монографии². Статьи о Дэн Сяопине имеются едва ли не во всех западных энциклопедиях и энциклопедических справочниках, в частности, в Британской энциклопедии (*Encyclopedia Britannica*), Оксфордском словаре биографий политиков (*Oxford Dictionary of Political Biography: Deng Xiaoping*), Энциклопедическом сборнике биографий (*Gale Encyclopedia of Biography: Deng Xiaoping*), Орфографическом словаре (*Dictionary of Cultural Literacy: History: Deng Xiaoping*). В целом, за отдельными исключениями, деятельности Дэн Сяопина дается положительная оценка. Однако по-разному трактуется его решение подавить вооруженным путем выступления молодежи и студентов в начале июня 1989 г. на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь. Есть отдельные, мало чем обоснованные утверждения о том, что успешным реформам Китай обязан не Дэн Сяопину, а Чжоу Эньлаю и его бывшим сподвижникам — генеральному секретарю ЦК КПК Ху Яобану и премьеру, а потом и генсеку Чжао Цзяяну, которые были смещены по инициативе Дэна со своих постов за поддержку прозападно настроенной радикальной молодежи.

Дэн Сяопин родился 24 августа 1904 г. в деревне Пайфан уезда Гуаньань, в провинции Сычуань, известной своей богатой историей. Мать умерла рано. Отец — Дэн Вэньмин — по деревенским меркам, был состоятельным и образованным человеком и хотел, чтобы его старший сын получил хорошее образование. Поэтому он отдал его в одну из лучших школ города Чунцин. Учился Дэн хорошо и в 15-летнем возрасте вместе с другими 80 учениками был направлен для дальнейшего обучения в Париж. Тогда была широко распростра-

Кива Алексей Васильевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Института востоковедения РАН.

нена практика посылать способных учеников для дальнейшего обучения в Европу. Дэн несколько раз менял свое имя: при рождении его называли Дэн Сяньиэн, в школе он числился как Дэн Сисянь, а Дэн Сяопином стал значительно позже.

В Париже он жил в одной комнате с Чжоу Эньлаем, который впоследствии станет выдающимся политическим и государственным деятелем Китая, пользующимся доверием Мао Цзэдуна, который не раз будет приходить ему на выручку. Родительских денег хватило ненадолго, и Дэн был вынужден подрабатывать — на автозаводе «Рено», а также в качества грузчика, пожарного, официанта. Тем самым он рано познал тяжелую жизнь людей труда и встал на их сторону. Дэн познакомился с идеями марксизма и включился в политическую жизнь. В 1921 г. он вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а в 1923 г. — в Коммунистическую партию Китая, точнее, ее европейское отделение, и стал активным пропагандистом марксистских идей среди китайских рабочих во Франции. Но в январе 1926 г. он срочно уезжал из Франции. На следующий день полиция нагрянула в общежитие работавших на заводе «Рено» китайцев. По докладу проводивших обыск сотрудников, в комнате, которую занимал 22-летний Дэн с двумя товарищами, обнаружили «много брошюр на китайском и французском языках, пропагандирующих коммунизм (“Китайский рабочий”, “Завещание Сунь Ятсена”, “Азбука коммунизма” Николая Бухарина и др.), китайские газеты, включая издающуюся в Москве...”³. Получила хождение версия о том, что якобы французская полиция завела на Дэна дело по обвинению в организации покушения на некоего Хо Лучи, лидера соперничающей китайской молодежной организации во Франции. Но есть и версия о том, что его отозвало руководство компартии, чтобы направить на учебу в СССР.

Так или иначе, в начале 1926 г. Дэн оказывается в Москве и до сентября того же года учится в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1925 по 1930 г.) В то время в СССР шла острая борьба вокруг нэпа, и Дэн имел возможность познакомиться со взглядами русских большевиков и не в последнюю очередь — со взглядами Н. Бухарина на переходный период от капитализма к социализму. В целом идеи Бухарина, несомненно, оказали на Дэна влияние. Историк-синолог, писатель Александр Панцов вспоминает: «Приехав первый раз в Китай в 1987 г., я был поражен тем, что в библиотеках можно было свободно читать любую антисталинскую литературу, в том числе Троцкого, Зиновьева, Авторханова, Орлова и Солженицына. Но особенно много было Бухарина — главного теоретика советского нэпа. В то время в СССР чтиво такого рода хранилось в спецхранах: гласность еще набирала обороты, и до реабилитации даже «любимца всей (большевицкой) партии» (так звал Бухарина Ленин) оставалось несколько месяцев. В КНР в то время Дэн Сяопин вел реформу, делая, как и Бухарин, ставку на кулака. Он считал, что только фермерское хозяйство могло обеспечить ускорение экономического развития в целом. В стране процветал рынок, набирали силу китайские нэпманы, но при этом вся крупная промышленность по-прежнему находилась в руках государства. КНР шла на двух ногах, успешно соединяя социалистический план и капиталистический рынок»⁴.

То, что взгляды Бухарина оказали определенное влияние на мировоззрение Дэн Сяопина, вопросов не вызывает. Однако не следует и преувеличивать. Прежде, чем начать «Реформу и открытость», как официально в Китае называют реформы Дэн Сяопина, его командой были тщательно изучены, кроме нэпа, неудавшиеся преобразования Н. Косыгина, успешные шаги, предпринятые в Венгрии и соседних быстро растущих странах и особенно в Сингапуре. В Пекин для беседы был даже приглашен «крестный отец» неолиберализма, ныне покойный Нобелевский лауреат по экономике Милтон Фридмен. «Единственным различием между Бухариным и Дэном, — пишет далее Панцов, — было то, что Бухарин, точно так же, как Ленин и все другие большевики, определял нэп как переходный период к социализму, а Дэн Сяопин вел разговор о сочетании плана и рынка в условиях самого социализма...»⁵.

На деле различие состоит не только в этом. Дэн Сяопин с самого начала реформ отказался от идеи коммунизма в пользу «социализма с китайской спецификой», который очень широко трактуется и будет построен, как говорят китайские лидеры, не раньше, чем через 50—100 лет, а то и больше. Что же касается того, что Дэн начал реформы с сельского хозяйства, что было воспринято некоторыми российскими политиками и аналитиками как закономерность реформирования коммунистического режима, то это ошибочный взгляд. На уровне низкого общественного развития Китая, когда преобладающее большинство населения составляло крестьянство, это действительно был верный шаг. Причем не требовались финансовые вложения, достаточно было снять с сельчан обручи коммуны и передать землю в семейный подряд, как трудолюбивые китайцы при прежней агротехнике, точнее, инвентаре, в считанные годы в несколько раз увеличат производство продовольственных, а также необходимых для промышленности технических культур. Что же касается идеи развития фермерских хозяйств, то при остром дефиците пригодной для обработки земли такая задача не ставилась, поскольку она реализуема только в слабо заселенном Синьцзян-Уйгурском автономном районе страны и в ряде других мест.

Для стоявшего на более высоком уровне общественного, экономического и научно-технического развития СССР сельское хозяйство не могло стать приоритетным направлением реформ, его сравнительным преимуществом был научно-технический потенциал, требовавший вложения в него доходов от экспорта энергоносителей. В Китае же, несмотря на крайне низкий стартовый уровень экономического и научно-технического развития, почти одновременно с реформой в деревне началось строительство промышленных предприятий и создание базы для технологического развития.

В Москве Дэн Сяопин, однако, долго не задержался, и уже в сентябре того же 1926 г. руководством компартии он был отозван в Китай как подающий надежды молодой революционер. Прибыв на родину, Дэн активно включился в борьбу против феодального режима, став одним из руководителей восстаний в ряде районов Китая, организатором двух корпусов «рабоче-крестьянской Красной армии» и их политкомиссаром. Он работал в Главном политическом управлении Военного совета ЦК КПК в качестве главного редактора газеты

«Красная звезда» («Хунсинбао»), участвовал в «Великом походе» Красной Армии Китая на северо-запад страны, стал заведующим Секретариатом ЦК КПК, принимал активное участие в антияпонской борьбе Красной Армии, названной впоследствии Народно-освободительной Армией Китая (НОАК). В то же время Дэн приходилось заниматься и хозяйственными вопросами. В 1945 г. он стал членом ЦК КПК и на всех постах успешно справлялся со своими обязанностями.

Но уже в те годы над ним нависла первая угроза расправы и, кстати говоря, за активную поддержку Мао Цзэдуна. Произошло это в 1933 году. Перед лицом начавшейся в 1931 г. агрессии Японии против Китая Коминтерн или, точнее, Сталин через Коминтерн (13-й пленум которого в 1933 г. принял решение о создании объединенных народных фронтов), настаивал на создании единого фронта компартии с Гоминьданом с целью совместной борьбы против японской агрессии. Но отношения этих двух сил уже были омрачены кровавыми конфликтами в 1927 г., в которых, как и бывает в гражданских войнах, не было ни правых, ни виноватых, а каждая сторона стремилась победить другую. Неудивительно, что Мао Цзэдун не хотел, чтобы компартия вошла в объединенный фронт с Гоминьданом. Коминтерн (скорее, по решению Сталина или с его одобрения) добился снятия Мао с поста руководителя компартии и на его место назначил «своего человек» Ван Мина. (Забегая вперед, замечу, что начавшийся в 1934 г. «Великий поход» (1934—1935 гг.) с Центрального советского района в юго-восточной провинции Цзянси на север, в пограничный район провинций Шэньси-Гансю-Нинси стал результатом попыток Чан Кайши ликвидировать советские районы, которые создавались компартией на контролируемых ею территориях, и самих коммунистов как враждебную силу) ⁶. По приказу Ван Мина пять видных сторонников Мао были объявлены троцкистами и казнены. Дэн чудом остался жив. «Ван Мин обвинил меня в том, что я плету интриги с целью противопоставить его группе Мао Цзэдуна, — вспоминал Дэн. — Он меня выгнал, и я три года вынужден был ждать реабилитации. К ней дошел черед в 1935 г...» ⁷. Но Ван Мин не обладал масштабом личности Мао Цзэдуна и долго не продержался на этом посту. Какое-то время он фигурировал на политической сцене нового Китая, но в 1956 г. уехал в Москву, где был обласкан как ярый критик Мао и маоизма, и в неизвестности умер на одной из подмосковных дач в 1974 году ⁸.

После победы революции и образования Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Дэн Сяопин, наделенный поистине недюжинными организаторскими способностями, шаг за шагом стал подниматься к вершине власти. Он был назначен первым секретарем Бюро ЦК КПК по Юго-Западному Китаю. В 1952 г. стал заместителем премьера Государственного административного совета КНР (премьера), а в 1956 — генеральным секретарем ЦК КПК. В то время эта должность была важной, но не первой в партии, которая возглавлялась председателем ЦК КПК, имевшим к тому же заместителей. Тогда на генерального секретаря в основном было возложено решение организационных вопросов партии. Но в силу своей незаурядной личности Дэн, несомненно, был одним из самых влиятельных партийных руководителей.

Первая пятилетка в Китае при опоре на помощь СССР (1953—1957 гг.) была на редкость успешной, что, очевидно, и вскружило голову Мао Цзэдуну, который решил в отсталой крестьянской стране построить коммунизм. Вторая пятилетка (1958—1962 гг.) под лозунгом Мао «Три года напряженного труда — десять тысяч лет счастья!» должна была решить гигантские задачи: увеличить выпуск промышленной продукции в 6,5 раза, сельскохозяйственной — в 2,5 раза, среднегодовой рост промышленной продукции должен был составить 45%, сельскохозяйственной — 20%, выплавка стали — увеличиться в 10 раз — с 10 до 100 млн тонн. Как ни странно, в ходе работы второй сессии VIII съезда КПК, проходившей в мае 1958 г., этот план был одобрен. Более того, была одобрена и новая политика партии «трех красных знамен»: новой генеральной линии, большого скачка и народных коммун. Провозглашалось резкое ускорение производства, борьба с консерватизмом и «коммунизация» вначале деревни, а потом и города. Кроме того, ставилась задача ликвидации «четырех вредителей»: крыс, воробьев, мух, комаров. Десятилетний план развития Мао Цзэдун хотел осуществить за три года, за 15 лет по уровню экономического развития догнать Британию, а за 20 лет — США.

То, к чему все это привело, хорошо известно. Вкратце можно напомнить, что крестьяне были отвлечены от сельскохозяйственных работ, поскольку их обязали кустарным способом выплавлять сталь, используя для этого все, что попадется под руку, включая посуду, — ведь предусматривалось питание в общественных столовых. Выплавленная сталь была непригодна для промышленного производства. Уничтожение воробьев способствовало резкому увеличению сельскохозяйственных вредителей (в частности, гусениц и саранчи). Резко уменьшилось производство продовольствия и начался массовый голод. Производство как сельскохозяйственной, так и промышленной продукции, падало.

Несмотря на очевидный провал политики «трех красных знамен» и бедствия людей, окружавшие Мао льстецы трубили о колоссальных успехах политики «большого скачка», в то время как Дэн Сяопин начал ей противодействовать. (Позже он скажет, что «не имеет значения, какого цвета кошка, желтая или черная, пока она ловит мышей», что, конечно же, в глазах правоверных марксистов-ленинцев расценивалось как приспособленчество, конформизм и каралось, иногда сурово.) Перед очевидным фактом провала политики «большого скачка» и ее открытой критики со стороны ряда авторитетных государственных деятелей, Мао вынужден был в 1959 г. передать пост председателя КНР Люшаоци, но добился снятия с поста министра обороны маршала Пэн Дэхуая, поставив на его место в то время верного себе маршала Линь Бяо, отличавшегося необыкновенной лестью по отношению к «великому кормчему». После этих перемен Мао фактически отошел от дел вплоть до начала «культурной революции» (1966—1976 гг.). Надо отдать должное ему как стратегу: он передал руководство армии преданному себе человеку и этим фактически решил вопрос о власти. «Культурная революция» не состоялась бы, если бы ее не поддерживала армия. Хотя недовольство политикой Мао росло и в ее рядах.

Немного истории. Раскол в высшем руководстве по поводу проводимой Мао политики вылился наружу в какой-то степени неожиданно. Популярный в стране, один из самых талантливых командиров Красной армии, командующий китайскими «добровольцами» в годы «Корейской войны» (1950—1953 гг.), член Политбюро ЦК КПК, министр обороны КНР маршал Пэн Дэхуай написал личное письмо Мао Цзэдуну, в котором дал реальную картину последствий осуществления политики «трех красных знамен». Но Мао распространил это письмо среди участников совещания руководящих кадров перед 8-м пленумом ЦК КПК, проходившим в г. Ухани (июль 1959 г.). Мао уже не доверял Пэн Дэхуаю, поэтому на 8-м съезде КПК (1958 г.) он остался только членом политбюро ЦК КПК, в то время как его заместитель Линь Бяо стал одним из заместителей председателя ЦК КПК. Мао Цзэдун, сознавая провал «большого скачка» и неблагоприятную для него расстановку сил в руководстве страны, решил взять реванш. Он обвинил Пэн Дэхуая и некоторых других партийных деятелей в правом уклоне и создании антипартийной группировки и прибег к шантажу, заявив, что если его не поддержит армия, то он создаст новую армию, а не поддержит партия — создаст новую партию. Присутствующие на этом совещании руководители не хотели раскола армии и партии и неизбежных при этом новых катаклизмов, которых и так было немало в новой истории Китая, и вынуждены были пойти на те уступки, о которых говорилось выше. На 8-м пленуме ЦК КПК (июль 1959 г.) Мао добился одобрения этих кадровых перестановок и самой политики «трех красных знамен», хотя задания второго пятилетнего плана были подкорректированы⁹.

Совершенно очевидно, что Мао Цзэдун уже действовал как диктатор, не терпящий критики в свой адрес и не склонный прислушаться к мнению своих старых и верных товарищей по гражданской войне.

Дэн Сяопин как-то сказал о себе, что он трижды умирал и трижды воскресал. Вторая угроза его жизни пришла с началом «культурной революции». О Дэне Мао скажет так: «Этот человек никогда не признавал классовую борьбу как решающее звено. Ему все равно — черная кошка или белая, марксизм или империализм»¹⁰.

Создав в лице студенческой и школьной молодежи организации «хунвейбинов» («красногвардейцы»), а из рабочей молодежи организации «цзаофаней» («смутьяны» или «бунтовщики»), Мао превратил их в основную движущую силу «культурной революции», которую подпирала армия во главе с Линь Бяо. Но удар по своим оппонентам в партии и государстве Мао начал готовить еще в 1965 г. при опоре на Шанхай, где у него были активные сторонники, куда он уехал осенью 1965 г. и оставался до весны 1966 года. На Пекин он не мог опереться, поскольку средства массовой информации контролировали сторонники Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Первый выстрел прозвучал 10 ноября 1965 г. появлением статьи будущего активного деятеля «культурной революции» публициста Яо Вэньюана «О новой редакции исторической драмы “Разжалование Хай Жуя”», которая готовилась под руководством жены Мао Цзян Цин и, как считали аналитики, правилась им самим. Знающим ситуацию в стране людям было

ясно, что эта статья была направлена против тех, кто был не согласен с утопическими проектами Мао и, в конечном итоге, против Лю Шаоци и Дэн Сяопина.

Мобилизации молодежи на борьбу с «обуржуазиванием оторвавшейся от народа верхушки общества» способствовал такой, казалось бы, мало-значущий повод, как наличие мяса в меню столовой для преподавателей Шанхайского университета. Пропагандисты Мао жизнь впроголодь многих студентов, возможно, никогда в глаза не видевших мяса, постарались объяснить не последствиями «большого скачка», а тем, что «идущие по капиталистическому пути» люди во власти несправедливо распределя-

ют общественные блага. Поэтому призыв Мао «бить по штабам» — партийным комитетам и органам государственной власти — понравился оглувленной пропагандой молодежи. Как и лозунг «Старое — на свалку истории, даешь дорогу молодежи!». Лю Шаоци и Пэн Дэхуай оказались в тюрьме, где и закончили свою жизнь, а Дэн Сяопина, который напрямую не критиковал Мао, но на практике противодействовал проведению его политики, лишили всех постов и репрессировали.

Дэну вменялось в вину многое, в том числе то, что не вкладывается или с трудом вкладывается в рамки здравого смысла. На первом месте, конечно, была «кошка, умеющая ловить мышей», а далее — по длинному списку. Будучи генеральным секретарем ЦК КПК, Дэн Сяопин якобы выходил за рамки своих полномочий. Осуждал культ личности, что наносило ущерб председателю КПК Мао Цзэду. Ввел систему ученых степеней и званий в 1963 году. Отклонился от политики Мао Цзэдуна в области просвещения, основанной на сочетании умственного и физического труда. Не соглашался с критикой со стороны Мао Цзэдуна в области культуры. Приказал подавлять выступления «революционных студентов» в Пекинском университете (что действительно имело место в самом начале «культурной революции»). В вину Дэну было поставлено и то, что он увлекался игрой в бридж, который считался уделом буржуазии. Трезвомыслящих партийных и государственных деятелей, которые критически относились к политике «трех красных замен», Мао обвинял в том, что, находясь у власти, они идут по капиталистическому пути. Хунвейбины их называли «каппутистами».

По чьему приказу арестовали Дэн Сяопина, ясности нет по сей день. И даже ссылка на слова его младшей дочери Дэн Жуан, напи-

савшей книгу «Мой отец — Дэн Сяопин», о том, что два года отец находился в изоляции, не проясняет вопрос, был ли это домашний арест или тюрьма. Гораздо больше известно о ссылке. По данным многих аналитиков, Дэна сослали в Синьцзяньский уезд одной из самых бедных провинций Цзянси, где он, человек, которому уже исполнилось 65 лет, якобы работал слесарем на тракторном заводе, а его жена зачищала шурупы. После работы Дэн рубил дрова, трудится на огороде, выращивая дыни, кабачки и зелень. По некоторым сведениям, с ними была младшая дочь, позже к ним присоединился старший сын Дэн Пуфан, оставшийся на всю жизнь инвалидом. Его, студента знаменитого ныне Университета Цинхуа, ставшие хунвейбинами коллеги сбросили с третьего этажа после того, как, несмотря на избиения и пытки, он отказался назвать адрес, где прячется отец. Тогда самосуд был частым явлением. Под лозунгом «Разбить собачьи головы» хунвейбины из студентов глумились над профессорами, истязали видных политиков и государственных деятелей. Других детей Дэн Сяопина (трех дочерей и младшего сына) маоисты отправили в далекую провинцию на «перевоспитание»¹¹.

При этом Дэн оказался более гибким, чем его единомышленники. Дело в том, что Мао ввел иезуитскую практику требовать от обвиняемых людей, включая первых руководителей государства, покаяния в совершенных ошибках и преступлениях. Лю Шаоци и Пэн Дэхуай заявили, что им не в чем каяться, за что поплатились жизнью. В 1987 г. в беседе с испанскими социалистами Дэн Сяопин скажет: «Многие старые кадры были объектом гонения и нападков, в их числе был и я. Лю Шаоци был первым “лицом, облеченным властью и идущим по капиталистическому пути”, а я — вторым. Лю Шаоци был “главнокомандующим”, а я — “заместителем главнокомандующего”»¹².

Дэн Сяопин как был, так и остался прагматиком. Он покаялся, но его покаяние было под стать его личности. Он заявил, что оторвался от масс, тем самым показав свое несоответствие тем функциям, которые возложил на него Центральный комитет, а его ошибки во время «культурной революции» свидетельствуют о том, что его мелкобуржуазная и интеллигентская идеология не перестроилась соответствующим образом. В заключение Дэн заявил, что он искренне желает перестроиться. Хотя это покаяние и не спасло его от репрессий, но сохранило ему жизнь.

Поскольку «культурная революция» дезорганизовала нормальную жизнь в стране, резко усугубила экономическую и социальную ситуацию, то оставшемуся в доверии у Мао уже часто болеющему премьеру Чжоу Эньлаю понадобился сильный заместитель, и ему в 1973 г. удалось убедить Мао Цзэдуна вернуть Дэн Сяопина из ссылки.

Дэн, став заместителем премьера, начал постепенно внедрять рыночные отношения в экономику, расширять свободу действий крестьян в коммунах. В 1975 г. он уже стал и заместителем председателя ЦК КПК и начальником генерального штаба НОАК. В стратегическом плане Дэн выдвинул план четырех модернизаций: сельского хозяйства, промышленности, вооруженных сил, науки и техники. В качестве неотложных мер он предложил программу «трех расширений и одного закрепления»: расширение приусадебных участков, рас-

ширение свободного рынка в городе и деревне, увеличение числа самокупаемых мелких предприятий, закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами. В какой-то мере это напоминало политику нэпа. Но в глазах руководителей «культурной революции» это воспринималось как «мелкобуржуазный уклон» и отход от стратегической линии Мао. А то, что экономика, благодаря усилиям Дэна, пошла в рост, в расчет не принималось. Его по-прежнему обвиняли в том, что он насаждает в стране капитализм, и только и ждали момента, чтобы с ним расправиться.

По мере усугубления болезни Мао Цзэдуна власть в стране все больше переходила в руки «Группы по делам культурной революции», которая фактически заменила Политбюро ЦК КПК. Впоследствии ее руководители стали известны как «банда четырех»: это жена Мао — министр культуры Цзян Цин, ее брат Яо Вэньюань, секретарь ЦК КПК Чжан Цуньчао и вождь «цзаофаней» Ван Хунвэнь. Их возможности влиять на ситуацию в стране резко возрастали по мере ухудшения состояния Мао и особенно после смерти Чжоу Эньлая в январе 1976 года. Соответственно резко обострялась борьба за власть между прагматиками, лидером которых однозначно был Дэн Сяопин, и деятелями «культурной революции» и их сторонниками. Пока Мао был жив, перевес сил оставался за леваками, которые решили наконец расправиться с Дэном. Для этого они организовали «движение за критику Дэна и отпор правоуклонистскому вихрю и пересмотру правильных оргвыводов». Дэн в очередной раз был снят со всех постов и над ним нависла угроза расправы. Версия о том, что, узнав об этом, Дэн бежал из Пекина и прятался где-то на юге страны, некоторыми авторами отвергается. Вполне правдоподобным кажется предположение, что на стороне Дэна было армейское руководство, которое никак не могло быть довольным результатами разрушительной «культурной революции», поэтому министр обороны маршал Е Цзяньинь и командующий Гуандунским военным округом Сюй Ший вывезли Дэна на курорт около Гуанчжоу, где он находился под охраной военных вплоть до кончины Мао Цзэдуна в сентябре 1976 года¹³. Возможно, это тоже одна из версий. Дэн Сяопин не рассказывал о годах своих мытарств, тем более этого не делали и не делают его близкие и окружение. То ли не желают ворошить темные страницы своей истории, к которой они бережно относятся, то ли не хотят лишний раз напоминать о жестокостях эпохи Мао, которого по-прежнему почитают китайцы, а люди старших поколений даже находят позитивные стороны жизни при его руководстве.

Дэн Сяопин вернулся в Пекин после смерти Мао Цзэдуна и вскоре стал реальным руководителем государства. Сторонники Дэн Сяопина с согласия официального преемника Мао маловлиятельного, но преданного «великому кормчему» Хуа Гофэна арестовали Цзян Цин и всю ее компанию, обвинив в государственной измене. Однако Хуа Гофэн продолжал занимать ключевые посты во власти и, опираясь на своих сторонников, тормозил переход страны к радикальным реформам. По этому поводу Дэн Сяопин скажет: «В первое время после разгрома “четверки” левацкие ошибки не были полностью исправлены. В 1977 и 1978 гг. Китай находился на распутье. Это продолжалось до конца 1978 г., до 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва...»¹⁴.

Именно на этом пленуме была провозглашена политика «Реформа и открытость».

Хуа Гофэн в 1980 г. оставил пост премьера Государственного совета КНР в пользу Чжао Цзыяна, в 1981 г. занимаемый им пост председателя ЦК КПК перешел к Ху Яобану, а Дэн Сяопину достался очень важный в тех условиях пост председателя Центрального военного совета ЦК КПК. Тем самым сторонники Дэн Сяопина одержали окончательную победу над теми, кто хотел бы избавить страну от авантюрных экспериментов Мао Цзэдуна, но продолжать политику, направленную на построение коммунизма.

Сторонники начатых Дэн Сяопином реформ и много сделавшие для их реализации генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан и поддерживавший его линию премьер Госсовета Чжао Цзыян считали, что параллельно с экономическими реформами необходимо проводить и демократические преобразования. Очевидно, сказалось влияние начатой советским руководителем М. Горбачёвым перестройки. В 1986 г. они развернули крупномасштабную борьбу с коррупцией, причем было разрешено проводить расследование подозреваемых в коррупции высокопоставленных партийных работников. В стране появились элементы плюрализма мнений и гласности в печати. Это стало отправным моментом для выступления в крупных городах студентов, причем уже не только с требованием усиления борьбы с коррупцией и улучшения условий жизни, но и против произвола властей, за демократические перемены во всех сферах жизни общества. В политике генерального секретаря Дэн Сяопин увидел опасность для успешного хода реформ и в январе 1987 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Ху Яобан подал заявление об отставке с поста генерального секретаря ЦК КПК и члена Политбюро. Новым генеральным секретарем стал Чжао Цзыян, а премьером — деятель консервативного крыла партии, приемный сын Чжоу Эньлая Ли Пэн. Признавший свою вину Ху Яобан уже в ноябре того же года вновь стал членом Политбюро ЦК КПК. 8 апреля 1989 г. во время заседания IV пленума ЦК КПК XIII созыва у него начался сердечный приступ и 15 апреля он умер. Вскоре после этого в студенческих районах Пекина возникли стихийные траурные митинги, которые переросли в массовые студенческие протесты на площади Тяньаньмэнь в Пекине, а потом и в ряде других крупных городов Китая.

И это был, пожалуй, самый серьезный кризис в Китае после смерти Мао Цзэдуна. Лидер партии в лице генерального секретаря ЦК КПК (пост председателя ЦК КПК был упразднен в 1984 г.) Чжао Цзыян, которого на Западе называли «китайским Горбачёвым», настаивал на постепенной, но неуклонной демократизации общества. У него были и влиятельные сторонники. Дэн же хорошо понимал, что китайское общество не готово к демократическим переменам на западный лад, как того хотела митингующая молодежь, и что любые уступки могут не только сорвать реформы, но и поставить под вопрос целостность страны. Дэн внимательно следил за ходом перестройки в СССР и видел, как прозападно настроенная советская интеллигенция расшатывала устои государства. Кроме того, он хорошо помнил, на что способна китайская молодежь, одержимая ложными идеями.

Количество митингующих увеличивалось, к студентам присоединялись рабочие и служащие. 19 мая 1989 г. в резиденции Дэн Сяопина, который не был ни генеральным секретарем ЦК КПК, ни председателем КНР, но имел сильные позиции в армии и обладал неоспоримым авторитетом и влиянием в обществе, состоялось заседание Политбюро ЦК КПК по вопросу о создавшейся ситуации. Демонстранты требовали не только усиления борьбы с коррупцией, но и демократии на западный манер и изменения политической системы. Все участники заседания высказались за прекращение беспорядков мирными средствами, а если понадобится, то и использование для этого силовых методов. Лишь Чжао Цзыян выступил против. После того, как участники протестов отказались подчиниться призывам разойтись, правительство 20 мая ввело военное положение. 30 мая была предпринята попытка вытеснить людей с площади Тяньаньмэнь. Однако манифестанты воспрепятствовали продвижению колонн бронетехники. В ночь с 3 на 4 июня в Пекин вошли армейские подразделения с танками, которым протестующие оказали вооруженное сопротивление, особенно ожесточенное на южном и западном подступах к Тяньаньмэнь. Демонстранты забрасывали танки камнями и бутылками с зажигательной смесью. Войска применили слезоточивый газ и оружие. В результате столкновений в центре Пекина погибли как мирные жители, так и военнослужащие, однако о конкретном количестве жертв до сих пор идут споры. По данным властей, была 241 жертва, независимых экспертов — во много раз больше, а ранения, по разным оценкам, получили от 7 до 10 тыс. чел., среди которых было немало военных.

То, что выступления молодежи и студентов были подавлены военной силой, вызвало волну международного осуждения правительства КНР, следствием чего стали различные санкции и другие меры в отношении Китая. На Западе и в диссидентских кругах самого Китая события на площади Тяньаньмэнь расцениваются как «выступления за демократию». Официальный Пекин говорит об этих событиях как о попытке «контрреволюционного мятежа»¹⁵.

В 1990 г. автору этой статьи довелось быть в Китае. Обстановка мне показалась напряженной и неопределенной. На приеме в Академии наук КНР и Академии общественных наук при ЦК КПК постоянно слышались слова «упорядоченность» и «стабильность». В советском посольстве, однако, с пониманием относились к «событиям 4 июня» и считали, что после исправления перекосов в развитии страны реформы будут продолжены.

Если попытаться ответить на вопрос, что же все-таки стало причиной массовых студенческих волнений, то ответ видится таким. С одной стороны, за первые десять лет реформ (1979—1988 гг.) ВВП Китая увеличился в 3,5 раза, доходы городского населения — в 4,5 раза, а сельского — в 5 раз¹⁶. Казалось бы, все это и так было достигнуто на пределе возможного. Но, с другой стороны, доходы китайцев начали расти с запредельно низкого уровня, они ощутимо увеличивались в прибрежных районах, ориентированных на экспорт, что было объективно обусловлено. Но чрезвычайно быстрый рост экономики неизбежно порождал инфляцию, от которой страдали наименее обеспеченные. Даже самый быстрый рост экономики не мог трудоустро-

ить рабочих, прибывших из деревни в города. Наконец, быстрый рост экономики обусловил и быстрое социальное расслоение, на фоне массовой бедности появились богатые, с чем жившему в условиях эгалитаризма обществу трудно было примириться.

Новый подход к реформам озвучил генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Цзян Цзэминь, заявивший: «Пусть в стране будет меньше бедных!». Этот лозунг пришел на смену лозунгу Дэн Сяопина: «Пусть в стране будет больше богатых!», который он выдвинул в первые годы реформ. И началась решительная борьба с коррупцией, которая в Китае имеет чрезвычайно глубокие корни. Именно в Поднебесной появилось понятие «кормление», означавшее, что представитель императора в провинции имеет право легально взимать дань с подданных.

Когда многие китайские руководители продолжали говорить о том, что реформы стоит притормозить, Дэн Сяопин, побывавший в 1992 г. в Шанхае и других крупных городах юга страны и воочию увидевший их позитивные результаты, заявил: реформы надо не притормаживать, а углублять. И Цзян Цзэминь действительно взял курс на углубление реформ.

Видный российский специалист по теории управления Б.Г. Литвак писал о Дэн Сяопине: «Китай вправе гордиться своим великим сыном, посвятившим всю свою сознательную жизнь служению своему народу, готовым ради блага народа на самые суровые испытания. С полным основанием можно сегодня сказать: Китаю повезло, что в руководстве страны в очень важный момент для ее дальнейших судеб оказался такой блистательный управленец, каким был Дэн Сяопин. А человечеству повезло, что сокровищница мировой управленческой практики оказалась пополненной такой блестящей деятельностью, изменившей судьбы значительной части населения земли. А тех, кто анализирует судьбы наиболее выдающихся управленцев планеты, управленческая практика великого управленца Китая Дэн Сяопина заставляет по-новому взглянуть на магистральные направления развития человечества и на то, какую исключительно важную роль играет эффективное управление для судеб народов земли»¹⁷.

Со своей стороны бывший начальник Аналитического управления советской разведки и депутат Государственной думы в период с 2003 по 2007 г. Н. Леонов, не раз бывавший в Китае, отмечал: «То, что сделали китайцы за последние четверть века, выдвигает их в число выдающихся теоретиков и практиков социальной трансформации. Если бы не живучие стереотипы и антикоммунистические предрассудки, то Дэн Сяопину давно следовало бы присудить Нобелевскую премию по экономике за его вклад в реформу отсталой сельскохозяйственной страны и превращение ее в динамично развивающуюся державу»¹⁸.

По большому счету Дэн Сяопин задал новый вектор общественного развития страны и внедрил в сознание воспитанных за годы правления Мао Цзэдуна в духе равенства в нищете китайцев, что частная собственность и неравенство в доходах — это неизбежные составляющие динамично развивающегося общества. При этом, добившись за очень короткий срок многократного увеличения доходов китайцев, он доказал это на практике. А если конкретизировать наиболее значимые заслуги Дэн Сяопина, то я их свел бы к следующему.

Первое. Надо было решить вопрос, как партия и общество в целом должны относиться к Мао Цзэду. Дэн Сяопин заявил, что деятельность Мао Цзэдуна на 70 % была правильной и только на 30% — ошибочной. Такая оценка, не оспариваемая и поныне, не только не вызвала раскол в обществе, затруднив движение страны вперед, но и была в целом объективно верна. Мао Цзэдун действительно сыграл выдающуюся роль в китайской истории. Во-первых, он устоял перед давлением Коминтерна, требовавшего ради создания «единого фронта» поддерживать власть Гоминьдана, который и после изгнания из страны японских оккупантов не смог бы решить те острейшие задачи, которые стояли перед Китаем, но которые были по силам Компартии. Не было другой идеи, кроме идеи социализма и коммунизма, которая могла бы сплотить почти поголовно бедный народ.

Во-вторых, Мао Цзэдун объединил и, если так можно выразиться, «централизовал» страну, более ста лет раздираемую внутренними противоречиями, расколами, борьбой военных клик и по этой причине ставшей не способной эффективно бороться с внешней агрессией, что в конечном итоге превратило величайшую мировую цивилизацию в полуколонию. В-третьих, в короткие по историческим меркам сроки Мао Цзэдун сумел превратить Китай в ядерную державу и тем самым гарантировать ее суверенное существование.

Второе. Встал вопрос и о том, как быть с компартией, которая не смогла помешать Мао Цзэду навязать стране «большой скачок» и «культурную революцию», стоившие жизни многим миллионам людей, и несет вину за создание его культа личности. Дэн Сяопин посчитал самым рациональным для Китая использовать компартию в качестве субъекта модернизации, постепенно меняя ее идеологию, членский состав, а в конечном итоге и стратегическую цель. На деле это и произошло, но уже после смерти Дэн Сяопина. Так, генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Цзян Цзэминь в 2001 г. выдвинул идею «тройного представительства» в КПК: передовых производительных сил, передовой культуры и коренных интересов широких народных масс. На практике это означало, что прием в КПК открыт для представителей всех слоев населения — рабочих, крестьян, людей интеллектуального труда, предпринимателей, включая миллионеров. Тем самым КПК перестает быть партией рабочего класса и превращается в общенародную партию.

Третье. Дэн хорошо понимал, что народу сильно отстающей от передовых государств страны в ближайшие годы придется напряженно работать при минимальной оплате труда. Но для этого люди должны иметь перспективу. И поскольку большинство китайцев продолжало верить в социализм, то он решил, что не надо отказываться от идеи социализма, а надо дать (социализму) новую трактовку. Отсюда появилось понятие «социализм с китайской спецификой». Это не допустило раскола общества, не вызвало у старших поколений затяжного стресса и не обернулось «сверхсмертностью». Но поскольку будущее было слишком далеким, команда Дэн Сяопина поставила перед страной промежуточную цель — построение общества средней зажиточности («сяокан»), в котором граждане должны иметь работу, крышу над головой, возможность бесплатно учиться, лечиться и т.д. (Идея «сяокан» принадлежит Конфуцию.) Согласно решениям XVII

съезда КПК (2007 г.) такое общество должно быть построено к 2020 году.

Четвертое. Дэн Сяопин настоял на внесении в партийные документы и основной закон страны положения о том, что генеральный секретарь ЦК КПК, он же и председатель КНР, а также премьер Государственного совета (премьер-министр) не могут занимать свои посты более двух сроков по пять лет. Сам же Дэн Сяопин реально руководил страной тоже не более 10 лет. И эта практика неукоснительно соблюдается, что и дает возможность появлению каждые десять лет очередного, ныне уже пятого поколения руководителей, иначе говоря обновлению высшего руководства страны, что наверняка стало одним из факторов быстрого развития Китая. И как показали итоги работы проходившего в октябре 2012 г. XVIII съезда КПК, обновляются не только два первых руководителя, но и Политбюро ЦК КПК, его постоянный комитет и сам ЦК. Обновляется и правительство. В Китае невозможна такая практика, чтобы председатель КНР пересел в кресло премьера, а потом снова стал главой государства, передав кресло премьера бывшему главе государства. Регулярное обновление высшего руководства страны является не только препятствием на пути роста культа личности первого руководителя и в конечном итоге его перерождения, как было в СССР и Китае до прихода к власти Дэн Сяопина, но и сдерживающим фактором волюнтаристских и противоправных действий высших должностных лиц. А еще — и тормозом на пути роста коррупции в эшелонах высшей власти. Ведь иммунитета против судебных преследований бывшие высшие руководители Китая не имеют.

Пятое. В период, когда, по его словам, Китай находился еще на распутье, то есть шла борьба за выбор пути развития после ухода из жизни Мао Цзэдуна, Дэн собирал команду своих политических единомышленников и «идущих по капиталистическому пути» экономистов, некоторые из которых все еще находились в тюрьме или ссылке. Вместе с ними он выработывал оригинальную и очень эффективную модель социально-экономического развития. Но Дэн и его единомышленники хорошо понимали, что Китай настолько беден, что за счет собственных ресурсов быстро развиваться не сможет. По словам Дэн Сяопина, годовой доход на душу населения на начало реформ составлял всего 250 долларов. Отсюда была поставлена задача привлечь как можно больше иностранного капитала, технологий, позаимствовать у западных фирм передовой управленческий опыт. Этой цели стали служить особые экономические зоны (ОЭЗ). Ни в одной стране мира не было так много и таких разных по характеру ОЭЗ, как и Китае, и нигде они не сыграли такую огромную роль в развитии национальной экономики. Конечно, имело значение, что сначала в ОЭЗ пошел капитал разбросанных по миру китайских общин — «хуацяо». При этом стоит упомянуть о редком патриотизме китайцев. Где бы они ни жили, в каком бы поколении они ни были натурализованы в других странах, они всегда готовы помогать родине.

Китайское руководство еще в начале реформ обозначило несколько главных направлений в развитии Китая. Это, прежде всего, промышленность, высокие технологии, наука и инфраструктура. При этом стратегия выполнения поставленных задач была настолько про-

думана, что экономический и научно-технический потенциал Китая создавали западные корпорации. Команда Дэн Сяопина знала, что они были заинтересованы в необъятном китайском рынке и в более высоких прибылях за счет низких издержек из-за дешевого труда. В это время на Западе поднялась волна перевода в развивающиеся страны вначале трудоемких и загрязняющих окружающую среду производств, а потом — и других промышленных предприятий. Предпочтение было отдано получению оттуда готовых товаров по заданным стандартам и низким ценам, с тем, чтобы сосредоточить все усилия на производстве высокотехнологичной продукции. И в сжатые сроки едва ли не все крупнейшие мировые корпорации имели в Китае свои производства, только выпускаемые ими машины, оборудование и пр., по китайским установкам, подлежали все более глубокой локализации.

Примерно по такой же схеме в Китае создавались и высокотехнологичные производства. Будущие «кремневые долины» Китая начинались почти с нуля. Но в погоне за высокой нормой прибыли туда сразу же устремились иностранные технологические корпорации. Так возникли гигантские научно-технические и производственные центры Шэньчжэнь на юге Китая и Чжунгуньцунь в Пекине и вокруг него. Научную базу «кремневой долине» обеспечивают 140 вузов и 39 колледжей, в которых обучается более 400 тыс. студентов и аспирантов, а общая численность сотрудников давно перевалила за один миллион ¹⁹.

За годы реформ образование в лучших западных университетах получили, по разным оценкам, от полутора до двух миллионов китайцев. С другой стороны, немало западных ученых преподают в китайских университетах и работают в китайских лабораториях. Кстати, преподают там и российские ученые. И вот результат. В рейтинге лучших вузов мира, опубликованном британской газетой «Таймс» и агентством «Рейтер», в 2012 г. в список 100 лучших университетов мира (с доминирующим числом американских и британских университетов) вошли три университета континентального Китая и два — Гонконга, но нет в нем ни одного российского университета.

Что касается инфраструктуры и, в частности, транспортной, то ее китайцы создавали сами, заимствуя лишь технологии. В результате построены современные автострады, а по протяженности линий скоростных поездов Китай вышел на первое место в мире. Китайским же аэропортам в мегаполисах страны завидуют и жители западных стран. В их сооружении участвовали и крупнейшие западные архитекторы, инженеры и другие специалисты.

Шестое. Дэн Сяопин (оставляя в стороне войну с Вьетнамом) решительным образом отказался от экспансионистской внешней политики Мао Цзэдуна и стал стремиться к превращению своих вчерашних противников если не в друзей, то в добрых соседей. По словам академика РАН М. Титаренко, Дэн Сяопин завещал своим коллегам: «Мы не имеем права высовываться. Мы не должны ничего возглавлять, мы не должны ни в чем быть первыми, кроме модернизации собственной страны, кроме изучения опыта других стран. Мы должны терпеливо все выносить, проводя самостоятельную независимую политику». И далее: «Мы — коммунистическая партия, но мы принципиально отличаемся от Коммунистической партии Советско-

го Союза, распавшейся, потому что у нас другое понимание социализма. Для КПСС главная задача была, чтобы построить социализм в Анголе, Афганистане, Никарагуа и еще где-то, забыв о том, что в ста километрах от Москвы люди живут еще в XIX веке. А для нас важно то, как живут люди в ста километрах от Пекина. А как живут в Анголе, это пусть ангольцы сами решают»²⁰.

Рациональной стала и оборонная политика Пекина. Он не соревнуется в вооружениях с другими ядерными странами, понимая, что это негативно скажется на темпах роста страны, а руководствуется принципом достаточности. Достаточно иметь такой ракетно-ядерный потенциал, который бы отбил охоту у любой страны совершить нападение на Китай. Хотя, надо признать, в последнее время Китай все более активно заявляет о себе на международной арене, а его расходы на военные цели постоянно растут.

Наверное, нет таких людей, тем более среди тех, кто творит историю, которые не ошибаются. С этой точки зрения Дэн Сяопин был откровенен, сказав: «За многие годы я сделал немало хороших дел, но были и плохие»²¹. Он признает, что самой большой его ошибкой было то, что сначала он поддержал политику «большого скачка». В октябре 1984 г. Дэн Сяопин подчеркивал, что своему успеху реформы обязаны не одному ему, а его команде, в которую входили, прежде всего, такие политики, как генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан и премьер, а потом и генсек Чжао Цзяян. В частности, он говорил: «Не следует пропагандировать мою какую-то особую выдающуюся роль, ибо такая пропаганда наводит на мысль, что, когда Дэна не станет, политика изменится. Сейчас за рубежом опасаются именно этого. Но есть и такие, которые говорят, что при жизни Ху Яобана и Чжао Цзяяна политика тоже не изменится. Но товарищу Ху Яобану уже 69 лет, а товарищу Чжао Цзяяну — 65, обоим под 70. Мы заявляем всему миру, что наш нынешний курс, установки, стратегию никому не изменить»²².

Увы, если бы восторжествовал курс на демократизацию китайского общества, за который выступали оба указанных политика, то сомнительно, стал бы Китай таким, каким он есть сегодня. А в марте 1985 г. Дэн утверждал, что «цель социализма не в создании поляризации, а в том, чтобы сделать зажиточным весь народ. Если наша политика вызовет поляризацию, то это будет значить, что мы проиграли. Если у нас появится какая-нибудь новая буржуазия, то это будет означать, что мы действительно свернули на ошибочный путь»²³. Но это и произошло, и произошло не случайно, а по логике развития товарного производства. Так, по данным доктора экономических наук, директора Института экономики Шанхайской академии международных исследований Ли Синя, «разница доходов между 10% населения с максимальными и минимальными доходами выросла с 7,3 раз в 1988 г. до 23 раз в 2007 г. Коэффициент Джини, по расчетам Мирового банка, достиг 0,47»²⁴.

Дэн Сяопин был далек от пиара и самопиара, рек не переплывал, как харизматичный, импозантный, высокого для китайца роста Мао, который был к тому же блестящим оратором и большим мастером афоризмов, из которых составлялись цитатники. Дэн был маленького роста (чуть более 150 см), имел скромную внешность, был лишен

харизмы, из спорта любил только гольф, но имел мудрость и мужество всегда говорить и делать то, что диктовало время и что шло на пользу стране и людям. Строго говоря, он был не теоретиком, как Мао, а великим прагматиком. Мао сделал ставку на крестьян как на основную движущую силу национально-освободительной и социальной революции, не питал иллюзий в отношении партии Гоминьдан, к союзу с которой его подталкивал Коминтерн, и это привело к победе коммунистов, объединению страны и созданию КНР, ставшей великой ядерной державой. Но он не понимал того, чего не понимали и многие другие выдающиеся коммунистические деятели: в отсталом крестьянском обществе не построить социализм как высшую ступень общественного развития. Но это хорошо понимал Дэн. Он тоже сделал ставку на крестьян в первый период реализации стратегии «реформа и открытость», но совершенно с другой целью: раскрепостить их инициативу, упраздняя коммуны, и на этой основе резко поднимая производство продовольствия, чтобы китайцы перестали голодать, одновременно повышая жизненный уровень самого крестьянства. И на этом пути он тоже вышел победителем.

В течение первых 30 лет реформ (которые начались в 1979 г.) ВВП ежегодно увеличивался на 9,8 % и вырос в 15 раз. Внешнеторговый оборот увеличился в 125 раз. Если с наступлением мирового финансово-экономического кризиса экономика в США и странах Евросоюза упала, а в России — очень глубоко, то в Китае она успешно развивалась. Так, в 2009 г. ВВП вырос на 9,1 %, в 2010 г. — на 10,3 %, в 2011 г. — на 9,3% и в 2012 г. — на 7,8%, составив 8,23 трлн долларов. По объему внешнеторгового оборота Китай занял первое место в мире, обогнав Японию и Германию. В 2012 г. он составил 3,87 трлн долларов. По предварительным данным, в 2013 г. ВВП вырос на 7,6%, настолько же вырос и внешнеторговый оборот, составив 4,16 трлн долларов. Выпуск автомобилей увеличился почти на 15%, а всего было произведено более 22 млн автомашин, что намного больше чем в любой другой стране мира. Все это — результат начатых Дэн Сяопином реформ.

Примечания

1. УСОВ В.Н. Дэн Сяопин и его время. М. 2009; ПАНСКОВ А. Дэн Сяопин. М. 2013; ГАЛЕНОВИЧ Ю. Прав ли Дэн Сяопин или китайские инакомыслящие на пороге XXI века. Электронная версия. К <http://knigoste.org/library/books/66441>.
2. EZRA F. Deng Xiaoping and the Transformation of China. Harvard. 2011; SPENCE J.D. «A Road is Made». In The Search for Modern China. 310. New York. 1999; EJUSD. «Century's End». In The Search for Modern China. 725. New York. 1999.
3. <http://hanber.livejournal.com/1228378.html>.
4. ПАНЦОВ А. Любимец партии. — The Prime Russian Magazine. http://primerussia.ru/article_materials/303.
5. Там же.
6. См. подр.: Великий поход китайских коммунистов. <http://frontzmin.sumy.ua/?p=478>.
7. Цит. по: ПИДЛУЦКИЙ О. Дэн Сяопин: человек, соединивший несоединимое. http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/den_syaopin_chelovek_soedinivshy_nesoedinimoe.html.
8. <http://ir.spb.ru/krasnoe-dvizhenie/lidery/van-min.html>.

9. <http://maxbooks.ru/ckan1/tonu82.htm>.
10. Цит. по: МАЛАХОВА Н.М. Дэн Сяопин, китайский лидер. <http://www.zoroastrian.ru>.
11. ЛЕБЕДЕВ В. Самый маленький большой политик Китая. <http://www.vestnik.com/issues/97/0318/win/lebed1.htm>.
12. ДЭН СЯОПИН. Основные вопросы современного Китая. — http://www.skrmf.ru/library/library_files/dxp.htm.
13. ЛЕБЕДЕВ В. Ук. соч.
14. ДЭН СЯОПИН. Ук. соч.
15. Агентство РИА Новости. <http://ria.ru/politics/20090604/173226397.html>.
16. КАРЛУСОВ В.В. Развитие частного предпринимательства в Китае. М. 1996, с. 91.
17. ЛИТВАК Б.Г. Великие управленцы. Дэн Сяопин. <http://www.bglitvak.ru/opin.html>.
18. ЛЕОНОВ Н. Китайский укор. Почему в российских СМИ эта огромная, быстро растущая страна окружена «Великой стеной молчания». — Столетие. ру. 06.12.2011.
19. СОЛОВЬЁВ Е. Силикон по-китайски. — Российская газета. 14.02.2011.
20. Россия — Китай в XXI веке. Дискуссия в «Парламентской газете». <http://www.rikmosgu.ru/publication/3559/4442>.
21. Цит. по: МАЛАХОВА Н.М. Ук. соч.
22. ДЭН СЯОПИН. Ук. соч.
23. Там же.
24. СИНЬ Л. К вопросу о «китайской модели». — Мир перемен. 2011, № 1, с. 86.

Финансовая политика советских властей Баварии в 1919 г.

А.Ю. Ватлин

Финансовая политика коммунистов. Товий Аксельрод. Адольф Иоффе, высмеивая в марте 1919 г. финансовую шепетильность советских лидеров в Мюнхене, в качестве образца имел в виду молниеносную операцию, которую провели в банковской сфере сами большевики. В «Апрельских тезисах» 1917 г. Ленин требовал «слияния всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.», добавив накануне захвата власти, что только таким образом «можно добиться того, что государство будет знать, куда и как, откуда и в какое время переливают миллионы и миллиарды»¹. Он неустанно убеждал своих сторонников в том, что национализация банков «абсолютно никаких ни технических, ни культурных трудностей не представляет и задерживается исключительно интересами грязной корысти ничтожной горстки богачей». Но и для слома их сопротивления у вождя большевиков был готовый рецепт: «достаточно бы, например, объединить отдельно бедных служащих (банков. — *А.В.*) и выдавать им премию за обнаружение обмана и оттяжек со стороны богатых, — и национализация банков прошла бы глаже гладкого, быстрее быстрого»². Как видим, идея комбедов в банковской сфере родилась у Ленина даже раньше деревенских комбедов, хотя в отличие от последних и не была реализована на практике.

Требую от Временного правительства скорейшего принятия законов о жестком государственном контроле над финансовой деятельностью, большевики, получив власть в свои руки, предпочли действовать иначе. Утром 14 декабря 1917 г. (ст. ст.) отряды вооруженных рабочих заняли помещения всех банков Петрограда. Лишь после этого Ленин внес на утверждение заседания ВЦИК декреты о национализации и «О ревизии стальных ящиков (сейфовых ячеек. — *А.В.*) в банках»³.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 6.

Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

О большевистских методах решения финансовых вопросов баварские коммунисты знали далеко не понаслышке. Евгений Левинэ полгода работал в информационном отделе советского полпредства в Берлине, его соратники Товий Аксельрод и Александр Абрамович являлись старыми большевиками, пассажирами известного «пломбированного вагона», вернувшимися в Западную Европу из Советской России для продвижения вперед дела мировой революции. Следует признать, что финансовая ситуация в России конца 1917 и Германии начала 1919 г. была достаточно похожей. Война привела в полное расстройство государственные финансы, в обеих странах наряду с карточной системой процветал черный рынок, демонстрировавший рабочим и служащим прелести инфляции, прикрытой государственным регулированием цен.

Кое-какие из мер, которые осуществили большевики в России, были предложены властью уже в дни существования первой БСР. Речь шла о сокращении наличного обращения и ограничении доступа состоятельных граждан к своим банковским вкладам ⁴. Однако все они так и остались на бумаге. Лидеры баварской революции первого призыва не имели необходимого аппарата и административного опыта для претворения в жизнь подобных мероприятий, они предпочитали прятаться за спины приглашенных в Мюнхен ученых-экономистов, безосновательно рассчитывая, что у тех в запасе есть некое «чудооружие».

У коммунистов был иной подход к теории: она должна была оправдывать и обосновывать их революционный волюнтаризм. Обращаясь к своим оппонентам при обсуждении декрета о национализации банков, Ленин расставил точки над «и»: «Вы исходите из правильной научной теории, но для нас теория есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них, а не для мертвого страха» ⁵. После победы над путчистами 13 апреля 1919 г. баварским коммунистам предстояло доказать собственное бесстрашие.

Одним из условий, которое выдвинул Левинэ при формировании первого советского правительства, был «немедленный захват банков пролетарской красной гвардией» ⁶. Однако данное требование лидера баварской КПГ так и осталось на бумаге даже после того, как к власти пришли сами коммунисты. Утверждение советской историографии о том, что во второй БСР «банки были поставлены под суровый контроль пролетарской диктатуры и фактически национализированы» ⁷, выдавало желаемое за действительное. В кадровой обойме коммунистов не нашлось никого, кто обладал бы достаточной компетентностью для того, чтобы взять на себя радикальную перестройку финансовой системы. Левинэ и его соратники пошли на риск, приняв в свои ряды «чужака» — вошедший в состав Комитета действия Эмиль Мэннер 15 апреля 1919 г. был назначен народным уполномоченным по делам финансов, что соответствовало рангу министра в «старой» Баварии ⁸.

Первым делом Мэннер заручился поддержкой Ревбанксовета, который был переведен из Виттельсбахского дворца в здание Народного дома финансов. Он заявил своим соратникам, что «принимает этот пост только при условии, что будет осуществлять свою деятельность не как политик, а как управленец. Кроме того, он сказал, что

не издаст ни одного постановления без согласования с нами, и будет ровно столько оставаться на этом посту, сколько позволит его совесть»⁹. В состав финансовой комиссии вошли члены Ревбанксовета Людвиг Раммлер и Вильгельм Май, который стал кассиром советского правительства.

Выражением особого отношения баварских коммунистов к Мэннеру стало назначение в финансовую комиссию «политического комиссара» (это был единственный случай в советском правительстве), которому предоставлялось право подписи и контроля над принятыми решениями. Им стал Товий Аксельрод — выходец из России, участник революционного движения с 1905 г., познакомившийся с Лениным в швейцарской эмиграции. В момент краха монархии Гогенцоллернов Аксельрод находился в Германии, возглавляя Бюро советской пропаганды, а с января 1919 г. проживал в местечке Эбенхаузен под Мюнхеном, где был интернирован по пути в Швейцарию. Ни экономического образования, ни опыта работы в финансовой сфере у него не было, однако Аксельрод, официальный представитель Советской России в Германии, олицетворял собой живое воплощение победоносного опыта большевиков.

Решающим фактором экономической жизни второй БСР стала всеобщая стачка, объявленная Комитетом действия 14 апреля. Стачка должна была продемонстрировать силу и сплоченность рабочего класса, который получил в свои руки оружие и в любой момент должен был отразить нападение правительственных войск с северного направления. Для хозяйственной жизни Мюнхена стачка оказалась настоящей катастрофой — бастовавшие предприятия, в том числе транспорт и сфера обслуживания, не сдавали свою выручку в банки (которые продолжали работать), что резко обострило дефицит наличных денег. В то же время, по решению Комитета действия, предприниматели должны были полностью оплатить рабочим и служащим дни простоя, хотя у торговых и гастрономических заведений для этого не было никаких финансовых возможностей.

Уже с первого дня существования второй БСР финансовую комиссию захлестнул поток просьб и требований о выдаче наличных денег — они должны были пойти на оплату бойцов создаваемой Красной Армии и сотрудников нового управленческого аппарата¹⁰. Аксельрод потребовал немедленной конфискации всех ценностей, хранившихся в банках, объявив, что иного пути, кроме пути русских большевиков, не существует¹¹. Мэннер с большим трудом смог отговорить его от «красногвардейской атаки» на банковский капитал, предложив тактику постепенного изъятия наличности у состоятельной части населения.

16 апреля по всему городу были расклеены объявления, подписанные только что назначенным на свой пост народным уполномоченным по финансам. Владельцам банковских ячеек предписывалось явиться к своим сейфам завтра с утра — обнаруженные там деньги будут зачислены на счет владельца и пущены на покрытие самых неотложных расходов советской власти. Проведенная во всех банках операция принесла всего лишь 20 тыс. марок, так как большинство владельцев сейфов попросту проигнорировало постановление новых властей. Законопослушных баварцев с каждым днем становилось все

меньше и меньше, множились акты прямого саботажа и сопротивления со стороны финансовых и предпринимательских кругов. Вскоре стало известно, что в банках продолжалась выдача наличности вплоть до 50 тыс. марок, крупные суммы всеми доступными путями пытались вывести за пределы Южной Баварии.

Аксельрод, продолжая ссылаться на опыт большевиков, требовал идти до конца по пути конфискаций, в частности, взламывать те банковские ячейки, владельцы которых не открыли их добровольно, изымать оттуда иностранную валюту и драгоценности. Это не только превосходило самые страшные кошмары мюнхенской буржуазии, но и повергло в трепет членов Ревбанксовета, которые не желали видеть себя соучастниками «террористических действий»¹². Мэннеру приходилось балансировать между радикальными требованиями «русских» и увещеваниями своих товарищей, большинство из которых продолжало находиться в тесном контакте с руководителями своих банков. Несомненно, на него оказывала свое воздействие тактика последних: переждать смуту, идя на компромиссы с советской властью, и уберечь таким образом свои финансовые институты от «национализации», которая в их понимании отождествлялась с полным разграблением.

Собрав в первый день своей работы на новом посту чиновников Министерства финансов, Мэннер потребовал от них признания советской республики и честной работы на ее благо, в противном случае им следовало ожидать немедленного увольнения. В самом здании перемены бросались в глаза — из кабинетов были убраны помпезные картины, целый этаж освобожден для того, чтобы разместить там нуждающиеся в жилье семьи. Чиновникам запретили в общении упоминать титулы и ранги, вводилось общее для всех обращение «господин»¹³. Коридоры Народного дома финансов заполнили просители и лоббисты, на сей раз представлявшие не предпринимательские круги, а профсоюзы рабочих и служащих.

Не в силах противостоять большевистской креативности Аксельрода, предлагавшего проводить все новые конфискации у «буржуев», Мэннер одновременно разрабатывал меры системного характера, отвечавшие его представлениям о рабочем контроле над производством и денежным обращением. Постановлениями финансовой комиссии было запрещено выплачивать дивиденды по акциям, фабзавкомы получили право проверять безналичные переводы хозяев предприятий, что де факто означало отмену банковской тайны. 17 апреля появилось обращение Мэннера к мюнхенцам, выдержанное в ключе ортодоксального марксизма. «Накопление бумажных денег является капиталистическим преступлением по отношению ко всему народу, а особенно — к пролетариату». Вывод капиталов за пределы Баварии ведет к подорожанию жизни в городе, бьет по интересам неимущих. Народный уполномоченный по финансам в очередной раз пообещал, что никаких конфискаций банковских вкладов не будет, а тем, кто отказывался нести наличность в банки, грозил наказаниями вплоть до ревтрибунала¹⁴. Поскольку подобные увещевания не помогали, сумма, которую можно было ежедневно снять с собственного вклада в банке, вновь понизилась с 600 до 100 марок.

При всем своем радикализме Мэннер не был готов встать в ряды твердокаменных большевиков, ни в грош не ставивших право част-

ной собственности. Это запрограммировало его конфликт с коммунистическим руководством второй БСР, который был вынесен на собрание фабзавкомов 18 апреля. Мэннер потребовал немедленного прекращения всеобщей стачки, которая с каждым днем ухудшала положение самих рабочих, и нашел горячую поддержку собравшихся. Поведение Аксельрода отражает его некомпетентность в финансовых вопросах ¹⁵, простыми конфискациями не добиться экономического подъема, утверждал Мэннер. Его оппонентом выступил сам Левинэ, вновь разыгравший русскую карту: «В Революционном банковском совете заседают весьма достойные товарищи. Но в силу того, что они все время работали с капиталистами, они до сих пор не могут избавиться от их влияния» ¹⁶. Поэтому в качестве политического комиссара им и был придан «опытный деятель первой советской республики в России».

Первое столкновение завершилось боевой ничьей. Члены фабзавкомов приняли решение о проверке деятельности финансовой комиссии, но Мэннер остался на своем посту, равно как и Аксельрод. Левинэ пришлось согласиться с необходимостью прекращения стачки. Городские предприятия возобновили свою работу после завершения пасхальных празднеств и проведения Дня единства пролетариата 22 апреля, однако это не ослабило дефицита наличности в кассе советского правительства. Отряды Красной Армии, отправленные на фронт, грозили покинуть позиции, если не получат обещанного жалования. Непокойно было и в частях мюнхенского гарнизона, солдаты которых дожидались демобилизации. 23 апреля представители казарменных советов заявили на собрании фабзавкомов, что, если им не выплатят жалованья, они не будут больше поддерживать БСР. Идея решить проблему одним ударом, напечатав новые деньги «по потребностям», витала в воздухе.

Арестованный в Бамберге профессор Поленске писал жене 23 апреля, что «наши наследники в Мюнхене в этом смысле (печатаение бумажных денег. — *А.В.*) строят совершенно дикие планы. Естественно, это вновь будут банкноты для накопления, а не свободные деньги (*Hamstergeld, kein Freigeld*)» ¹⁷. Сопратники Мэннера утверждали в ходе следствия, что он выступал против подобной меры, заявив на заседании Ревбанксовета, что не является фальшивомонетчиком. Однако доклад Груни свидетельствует об обратном, да и сам Мэннер на одном из заседаний собрания фабзавкомов увязывал достижение финансовой стабильности с удержанием города Дахау к северо-западу от Мюнхена, где находилась фабрика, производившая бумагу с водяными знаками, которая была необходима для печатания банкнот ¹⁸.

В судебном деле членов Ревбанксовета сохранились изъятые у его деятелей документы, в том числе и шуточный эскиз новой «революционной банкноты» достоинством в 20 марок, на котором были изображены подписи реальных руководителей второй БСР — лидеров КПГ Евгения Левинэ и Макса Левина, а также Товия Аксельрода. Подпись Мэннера на этом рисунке отсутствует — очевидно, его автор Людвиг Раммлер хотел донести до своего товарища мысль о том, кто на самом деле является хозяином положения в Мюнхене. Явно стущая краски, об этом писал в своем докладе и Карл Груни: «Каждый раз после возвращения с заседания Комитета действия или после

общения с русскими большевиками Мэннер выдвигал невероятно радикальные планы и идеи, не отдавая себе отчета в том, к каким последствиям может привести их практическая реализация. В любом случае властители оказывали на него явное давление, которому он неизменно уступал в силу собственного фальшивого тщеславия»¹⁹.

Мэннер, молодой человек с минимальным политическим опытом, ежедневно находился перед необходимостью принимать решения, затрагивавшие судьбы десятков тысяч людей. Технические решения давались ему легко — так, вместо создания «революционных банкнот» он предпочел воспроизводить фотомеханическим способом баварские денежные знаки, введенные в оборот в годы первой мировой войны. Обоснование данного выбора было простым и понятным — рабочие, солдаты и крестьяне не уверены в прочности Советской республики, они откажутся принимать в счет жалования и оплаты поставленных продуктов деньги, освященные ее сомнительным авторитетом²⁰.

Второй уровень принятия решений был ограничен давлением со стороны коммунистических лидеров БСР, требовавших проводить финансовую политику по принципу «грабь награбленное». В первые дни своего пребывания на посту Мэннер воспринимал это давление как временный и преходящий перегиб, порожденный как балансированием новых властей на грани жизни и смерти, так и их идеологическим догматизмом, слепым следованием «русскому примеру». Стремясь смягчить или оттянуть их практическую реализацию, члены Ревбанксовета фактически действовали по тому же принципу, что и руководители мюнхенских банков, — спасти то, что еще можно спасти.

Тактический союз «верхов» и «низов» в финансовой сфере диктовался отнюдь не совпадением классовых интересов, но профессиональным пониманием тех катастрофических последствий, к которым неизбежно приведет «красногвардейская атака» коммунистов на банковский капитал. Не случайно в ходе следствия по делу членов Ревбанксовета директора крупнейших банков засыпали военные власти письмами с оправданием своих бывших сотрудников. Да и сами обвиняемые в своих показаниях переходили от простого оправдания к настоящей героизации собственных действий: «Да, мы отправились в логово льва. Но не для того, чтобы помогать. Мы искренне сражались с бессмыслицей и терроризмом»²¹.

Наконец, третий уровень принятия решений ставил перед Мэннером вопрос о личной ответственности за происшедшее в городе, о границах соучастия в реализации решений, которые противоречили его собственным убеждениям. По мере того, как баварский большевизм приобретал все более гротескные формы, росло и его неприятие союзниками из числа левых социалистов, представлявших НСДПГ. Помимо Мэннера к их числу следует отнести народного уполномоченного по военным делам Вильгельма Рейхарта, а также Эрнста Толлера и Густава Клингельхофера, отправленных командовать участком фронта к северу от Мюнхена.

Все они считали правление коммунистов «меньшим злом» по сравнению с реставрацией капиталистических порядков и парламентаризма. Понимая, что не могут претендовать на роль равноправного партнера, они все же пытались свести к минимуму просчеты Левинэ

и его соратников. Автор ни в коей мере не склонен идеализировать деятельность баварских «независимцев», однако следует признать, что она представляла собой не частную корректировку курса КПГ справа, а вполне самостоятельную политическую программу²².

У левых социалистов не было возможности предложить ее на конкурентной основе собранию фабзавкомов. Этот орган, ежедневно собиравшийся в огромном зале пивной «Хофбройхауз», формально играл во второй БСР роль пролетарского парламента (съезда советов рабочих и солдатских депутатов), однако на деле не обладал реальной властью. Подсчитать голоса более чем тысячи присутствовавших было невозможно, решения принимались методом аккламации, причем случалось, что на одном и том же заседании представители городских предприятий одобряли взаимоисключающие постановления²³. И все же открытое столкновение мнений, пусть даже по частным вопросам, неизбежно придавало дебатам на собраниях фабзавкомов политический оттенок.

О значении финансового вопроса в баварской революции свидетельствует тот факт, что судьба коммунистической БСР была предрешена в ходе конфликта Мэннера и Аксельрода, вынесенного на заседание собрания фабзавкомов 26 апреля. За два дня до этого последний в очередной раз потребовал изъять из банковских ячеек частных вкладчиков иностранную валюту и драгоценности, чтобы отправить полученные средства на оплату солдат Красной Армии. Не говоря уже о трудности перевода подобных активов в наличные деньги, проведение данного решения в жизнь (банки должны были предоставить в финансовую комиссию все ключи от сейфов) неизбежно привело бы к социальному взрыву. Нельзя исключать, что это было осознанной частью плана коммунистов по мобилизации своих сторонников и подготовке Мюнхена к «последнему и решительному бою».

На сей раз Мэннер отказался от увещеваний и проволочек, направив в Комитет действия ультиматум. «В настоящее время я работаю над программой чрезвычайного налога на имущество. После завершения работы, которая ведется уже две недели, вообще не останется крупных состояний. Но эта мера должна опираться на точные данные, ибо значительная часть облагаемого имущества не находится в банковских ячейках. Товарищ Аксельрод представляет себе дело так, что он просто завладеет ключами от сейфов, в то время как остальные ценности останутся вне нашего контроля. Подобный образ действий я могу расценить только как дилетантскую забаву». Уполномоченный по финансам по пунктам разобрал негативные последствия экспроприации банковских ячеек, на которой настаивал его политический комиссар. Ведь там хранятся семейные реликвии, рукописи и художественные произведения. Решающая фраза содержалась в конце ультиматума — в случае, если Комитет действия не согласится с его доводами, Мэннер обещал в тот же день объявить на заседании в «Хофбройхауз» о своей отставке²⁴.

Чтобы лишний раз подчеркнуть отличие своего курса от бессистемных экспроприаций коммунистов, уполномоченный по финансам объявил о новом пакете мер, призванных решить проблему дефицита наличных денег. Они оказались в тени политического конфликта, развернувшегося вечером того же дня, однако совре-

менниками были оценены как «самые радикальные»²⁵. Речь шла о том, что наниматели жилья должны вносить квартплату в банк, а не отдавать ее напрямую владельцу недвижимости. Фабзавкомы получили новые полномочия по контролю над финансовой деятельностью мелких и средних предприятий, дневная выручка последних должна была в обязательном порядке сдаваться в банк. Была запрещена выдача зарплаты авансом, которую практиковали предприниматели, чтобы избежать изъятия наличных средств, каждый из них отныне не мог иметь более одного расчетного счета. Частным банкам следовало раскрывать всю свою отчетность перед контролирующими органами БСР, что означало полную отмену банковской тайны²⁶. Оставшийся в Мюнхене Отто Нейрат впоследствии признавал, что постановления Мэннера от 26 апреля шли в русле его концепции о сведении к минимуму оборота наличных денег, хотя и отрицал свое прямое участие в их подготовке²⁷.

Мэннер еще больше укрепил свои позиции в предстоящем столкновении с коммунистами, сделав в тот же день щедрый подарок — из государственной казны было выделено 800 тыс. марок на компенсацию зарплаты рабочим и служащим мелких предприятий, принимавших участие во всеобщей стачке²⁸. Очевидно, что его ультиматум не был спонтанным протестом одиночки — находившийся на фронте Толлер прислал в Мюнхен аналогичное заявление об отставке: «Нынешнее правительство я считаю настоящей катастрофой для трудящегося народа Баварии. С моей точки зрения его руководители олицетворяют угрозу для идеи советской власти. Не в состоянии ничего создать, они занимаются бессмысленным разрушением»²⁹. Поддержал Мэннера и Ревбанксовет, заявивший, что сотрудники банков не будут исполнять распоряжение о вскрытии ячеек и конфискации их содержимого.

Свою речь на собрании фабзавкомов 26 апреля Мэннер начал с рассказа о достигнутых успехах: рабочим начали выплачивать компенсацию за дни стачки, завершается подготовка законопроекта о чрезвычайном налоге на имущество. Но позитивная работа перечеркнута радикальными требованиями Аксельрода, которые выступавший сравнил с «политическим воровством»³⁰. Мэннер не смог вынести спорный вопрос на заседание Комитета действия, так как тот не собирался на протяжении последних дней. Все вопросы келейно решаются в Исполкоме, где собрались одни русские большевики, остальные члены революционного правительства сведены до роли марionеток, — утверждал народный уполномоченный по финансам. Согласно докладу Груни, оппонировавший Мэннеру Левинэ предложил членам фабзавкомов выбирать между прямым путем к социализму, которым идут коммунисты, и зигзагами, как предлагают двигаться «независимцы».

Время ораторского красноречия, которое на протяжении двух недель управляло «пролетарским парламентом», закончилось. Атмосферу взаимного недоверия и упреков дополнило сообщение о том, что представители КПГ изъяли в управлении полиции бланки паспортов, чтобы облегчить своим лидерам бегство из Баварии. Собрание взорвалось возгласами негодования, коммунистам вновь пришлось оправдываться. В воскресенье, 27 апреля, судьба второй БСР

была окончательно решена — собрание фабзавкомов высказалось в поддержку программы Мэннера, после чего Левинэ заявил об уходе коммунистов из правительства.

Лидеры НСДПГ не вошли в новый состав Комитета действия, избранного 28 апреля, однако именно они контролировали его деятельность. Освободившись от опеки Аксельрода, Мэннер развил невероятную активность. Воспользовавшись слухами о том, что КПП готовит вооруженный путч, он предложил арестовать Левинэ и его соратников, однако не был поддержан однопартийцами. Не менее радикально повел он себя и по отношению к банкирам — глава мюнхенского отделения Рейхсбанка тайный советник Хейн был вызван в финансовую комиссию и под угрозой ареста сообщил о том, сколько денег и золота находится в хранилищах вверенного ему учреждения. Мэннер направил в Бамберг посланца, который должен был сообщить правительству Гофмана, что в случае задержки с поставкой наличности из Берлина он начнет реализацию золота, хранившегося в сейфах Рейхсбанка ³¹.

Отто Нейрату поручили составить сводный доклад об экономическом положении БСР, который он представил Комитету действия уже через два дня. Нужно было спешить — город со всех сторон окружали правительственные войска, среди горожан ходили упорные слухи о том, что штурм назначен на 1 мая. Нейрат пришел к выводу, что без окончания продовольственной и топливной блокады со стороны северян дни Советской Баварии сочтены, необходимо было немедленно начать переговоры с правительством Гофмана. Однако именно этот, решающий, пункт его рекомендаций Комитет действия отверг ³².

Последние дни существования Советской Баварии выглядели настоящей агонией. Командование Красной Армией продолжало находиться в руках коммунистов, и оно действовало независимо от гражданских властей, пообещав, что не сдаст город без боя. Советские учреждения закрывались одно за другим, их руководители раздавали последние деньги в качестве аванса своим сотрудникам, чтобы хоть как-то отблагодарить их за проделанную работу. Кое-кто из первых лиц БСР пытался бежать, прихватив с собой огромные суммы ³³. 30 апреля Мэннер подготовил последнее постановление финансовой комиссии, грозя штрафами и революционным трибуналом банковским работникам, которые занимаются саботажем, ожидая скорого падения советской власти. Этот документ даже не успели напечатать.

Советская республика в Баварии, ставшая полем разнообразных экономических и финансовых экспериментов, погибла не от их последствий. Коммерсанты из Мюнхена, принятые 29 апреля в Берлине, в ведомстве рейхсканцлера Шейдемана, рассказывали о том, что советское правительство решило вопрос с дефицитом наличных денег — во-первых, за счет печатания баварских купюр достоинством в 20 марок, а во-вторых, за счет поставок фальшивых банкнот крупного номинала из России ³⁴. Даже если и то и другое объяснение являлись продуктами «машины слухов», сам факт постепенного преодоления кризиса наличности в последние дни существования БСР не вызывает сомнений.

Правительственные войска спешили войти в Мюнхен, не считаясь с разрушениями и жертвами среди мирного населения, отнюдь

не потому, что в городе кончились деньги или под угрозой находились хранилища местного отделения Рейхсбанка. С точки зрения генералов, так и не снискавших себе славы на полях сражений первой мировой войны, следовало преподать урок «зарвавшимся пролетариям», и чем страшнее будет этот урок, тем стабильнее окажется реставрация «старого порядка». Этот расчет сработал лишь наполовину — кровавое подавление Мюнхенской коммуны обернулось не возвратом к старым добрым временам, а дискредитацией принципов демократии в целом и правительства социал-демократов — в частности. Что касается социализма, то искоренить его на германской почве так и не удалось. После поражения революции 1918—1919 гг. он дал разнообразную поросль, и подлинной трагедией для миллионов немцев стало то, что самым мощным политическим ростком в истощенной внутренними неурядицами Веймарской республике оказался национал-социализм Гитлера.

(Окончание следует)

Примечания

1. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 31, с. 115; т. 34, с. 163.
2. Там же, т. 34, с. 162, 164.
3. Там же, т. 35, с. 274.
4. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин предлагал «поощрять чековое обращение для борьбы с чрезмерным выпуском бумажных денег» См.: там же, т. 34, с. 188—189. В декрете о национализации банков речь шла о том, что «лица богатых классов» смогут получать со своих счетов не более 100—125 руб. в неделю для личного потребления, а на производственные расходы средства им будут выдаваться только с письменного разрешения органов рабочего контроля. Там же, т. 35, с. 176.
5. Там же, т. 35, с. 172.
6. См.: Доклад А. Абрамовича о пребывании в европейских странах от 29 сентября 1919 года. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 293, д. 2, л. 21.
7. ЗАСТЕНКЕР Н. Баварская советская республика. М. 1934, с. 117—118.
8. GERSTL M. Die Münchener Räte-Republik. München. 1919, S. 66.
9. Показания члена Ревбанксовета Богнера в ходе следствия. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885.
10. Уже 17 апреля Мэннер и Аксельрод получили в государственном казначействе 100 тыс. марок на неотложные расходы Комитета действия и выплату жалования его сотрудникам. StaB. Staatsanwaltschaft. 2017. Bl. 228.
11. См. показания членов Ревбанксовета в следственном деле Аксельрода. Ibid. 1939.
12. См. доклад Груни, который отмечал, что Аксельрод являлся «кнутом для Мэннера». Ibid. 2885, S. 14.
13. Ibid., S. 13.
14. GERSTL M. Op. cit., S. 73.
15. Вот лишь один пример: взяв письменное предписание Левинэ на получение 100 тыс. марок, Аксельрод явился в Баварский банк за деньгами, но директор банка отправил его обратно, заявив, что не может провести перевод без чека государственного казначейства. StaB. Staatsanwaltschaft. 1939. Удалось ли Аксельроду во второй раз преодолеть бюрократические препоны или он перепоручил получение денег сотрудникам финансовой комиссии, неизвестно.
16. StaB. Staatsanwaltschaft. 2106. Bl. 32.

17. Ibid. 2017.
18. GERSTL M. Op. cit., S. 106.
19. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885, S. 14.
20. У нас нет точных данных о том, успели ли советские власти ввести часть напечатанных денег в наличный оборот. Правительство Гофмана, благодаря шпионам прекрасно осведомленное о всех шагах советских властей, разбрасывало с самолетов над Мюнхеном листовки, предупреждая население о появлении «фальшивых денег». GERSTL M. Op. cit., S. 106. Противники БСР утверждали, что в оборот попало более 2,5 млн марок, однако эти данные не подтверждаются иными источниками.
21. Показания члена Ревбанксовета Богнера в ходе следствия. Он не был привлечен к судебной ответственности. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885.
22. Закономерно, что тезис о «предательстве независимцев», об их содействии буржуазным силам и отказе от диктатуры пролетариата впоследствии стал краеугольным камнем коммунистической трактовки событий в Советской Баварии.
23. KÖGLMEIER G. Die zentralen Rätegremien in Bayern 1918/19. Legitimation — Organisation — Funktion. München. 2001, S. 365—371.
24. Письмо Мэннера без даты, с факсимильной подписью. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885. Его копия находится в судебном деле самого Аксельрода. Ibid. 1939.
25. Die Schreckensherrschaft in München und Spartakus im bayrischen Oberland. Tagebücher und Ereignisse aus der Zeit der «bayrischen Räterepublik» und der Münchner Kommune im Frühjahr 1919. München. 1919, S. 63.
26. GERSTL M. Op. cit., S. 104—105.
27. Протокол допроса Отто Нейрата от 16 мая 1919 года. StaB. Staatsanwaltschaft. 2139.
28. Уже на следующий день деньги были переведены в кассу городского магистрата, откуда они выдавались по заявкам фабзавкома того или иного предприятия.
29. Заявление Эрнста Толлера от 26 апреля 1919 года. GERSTL M. Op. cit., S. 108—109. С аналогичным заявлением выступил еще один лидер первой БСР — председатель Центросовета Густав Клингельхофер.
30. Протокол заседания не сохранился, ход дискуссии реконструирован по репортажу газеты «Мюнхенер Пост» от 28 апреля 1919 года. GERSTL M. Op. cit., S. 105—106.
31. Хейн в беседе с Мэннером указывал на то, что золото находится под охраной Антанты, однако это не испугало народного уполномоченного по финансам. Посланный чиновник был арестован еще на пути в Бамберг. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885, S. 16.
32. На оригинале доклада сохранилась пометка, сделанная рукой Нейрата: «Организационные меры и кредиты одобрены единогласно, переговоры отвергнуты». Ibid. 2139.
33. Народный уполномоченный по социальным вопросам Курт Попп был схвачен на границе Баварии и Вюртемберга 5 мая 1919 г. с 400 тыс. марок, похищенных из кассы своего ведомства. Ibid. 3124. Вл. 42.
34. Запись беседы представителя рейхсканцелярии с делегацией мюнхенских коммерсантов от 29 апреля 1919 г. (PAAA. R 2733).

Обеспечение системы защиты информации накануне Великой Отечественной войны

Г.А. Куренков

К 1941 г. вторая мировая война в Европе шла полным ходом. Советский Союз был вынужден принимать соответствующие меры, в том числе организовывая систему защиты военной, государственной, политической (партийной) тайны, что в данный период было особенно актуально. В СССР с конца 1920-х — начала 1930-х гг. вопросы обеспечения защиты информации становились все более секретными. Их обсуждение обычно проходило на закрытых заседаниях высших органов и комиссий ЦК ВКП(б), документы по ним откладывались в секретных комплексах документов — закрытых протоколах, «Особой папке» и т. д. Исключительно трудно разделить подобную информацию рассматриваемого исторического периода на чисто государственную и партийную (политическую). В условиях сложившейся системы партийно-государственного устройства это сделать почти невозможно.

Меры, предпринимавшиеся по обеспечению режима секретности в партийных органах и государственных структурах, проводились по нескольким направлениям. Так, в 1930—1940-х гг. разрабатывались и вводились в действие документы, регламентировавшие работу с секретными документами и сведениями на государственном и ведомственных уровнях. Особенно это касалось военного ведомства. Так, приказом Наркома по военным и морским делам СССР № 70 от 25 сентября 1930 г. было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях РККА», в 1937 г. были изданы приказы Наркома обороны СССР № 0043 «Об основах и организации скрытного управления войсками» и № 0105 «О мероприятиях по зашифровке наименований войсковых частей и сохранению в тайне дислокационных сведений». Постановлением СНК СССР от 17 июня 1939 г. «О реорганизации фельдъегерской связи НКВД СССР» закреплялся уже фактически существовавший порядок перевозки секретной и совершен-

Куренков Геннадий Александрович — кандидат исторических наук, сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории.

но секретной корреспонденции ЦК ВКП(б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, НКО, НКВМФ и НКВД от Москвы до республиканских, краевых, областных центров и обратно через фельдъегерскую связь НКВД, перевозка от всех ведомств (за исключением перечисленных) секретной, совершенно секретной документации и драгоценных металлов от центра до районов и обратно через Специальную связь Наркомата связи. Приказом НКО СССР № 0150 от 4 сентября 1939 г. было введено в действие «Наставление по секретному делопроизводству в РККА», приказом № 0130 от 20 июня 1940 г. — «Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии», а перед самой войной приказом Наркома обороны № 095 от 5 марта 1941 г. — «Наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР».

Постановлением СНК СССР 2 января 1940 г. была утверждена общегосударственная «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях». Данный документ регламентировал весь комплекс работ по соблюдению режима секретности и работе с документами в ведомствах, учреждениях и на предприятиях страны. Инструкция определяла следующее:

- порядок разработки перечня сведений, подлежащих засекречиванию и порядок установления и изменения грифа секретности, классификацию сведений по степени секретности;
- функции 7 отдела УГБ, функции и ответственность руководителей учреждений за состояние режима секретности;
- названия секретных органов, порядок их создания и ликвидации, основные задачи;
- требования к работниками, допущенным к секретной информации;
- порядок оформления допусков к секретным работам и документам;
- требования по ограничению допуска к секретной информации;
- порядок ведения секретного делопроизводства и работы с документами в секретных библиотеках и архивах;
- порядок обращения с шифротелеграммами в учреждениях, не имеющих шифровальных органов;
- порядок хранения секретных и мобилизационных документов;
- порядок учета, хранения спецпродукции и обращения с ней;
- требования к производству кино- и фотосъемки;
- порядок проведения секретных заседаний.

Одним из направлений деятельности по обеспечению конспирации в партийных органах ВКП(б) также было создание распорядительных, нормативных и инструктивных документов по защите партийно-государственной информации. В соответствии с постановлениями Политбюро, Оргбюро, Секретариата и инструкциями ЦК ВКП(б), такими как «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов заседаний бюро и Пленумов обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик» и другими партийными документами регламентировалась постановка секретного делопроизводства в

парторганах на местах. Время от времени в данные инструкции вносились изменения и дополнения. Так, на Секретариат ЦК ВКП(б) в октябре-ноябре 1940 г. было вынесено предложение Б.А. Двинского о некоторых изменениях в постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик. Изменения касались порядка подписи и оформления документов, а также срока их возврата. 28 июня 1940 г. в ЦК ВКП(б) была утверждена, как оказалось, последняя предвоенная «Инструкция о постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах и ЦК республик». В этой инструкции особое внимание уделялось секретно-мобилизационной работе.

Следует отметить, что в целом, принятые еще в конце 1920-х гг. секретные партийные инструкции действовали вплоть до Великой Отечественной войны, государственные — до принятия постановления СНК СССР от 2 января 1940 г., а структура государственных режимно-секретных органов и особых секторов партийных комитетов просуществовала без изменений значительно дольше, что говорит о продуманности, оптимальности и, в конечном счете, об эффективности и жизнестойкости данных структур.

С конца 1930-х гг. в практике рассылки протоколов заседаний Политбюро произошли существенные изменения. Особо важные протоколы делались всего в нескольких экземплярах. Членам ЦК ВКП(б) рассылались лишь выписки из протоколов по нескольким вопросам. Эти пункты в протоколах Политбюро отмечались специальной пометкой. Постановлением Политбюро «О рассылке протоколов заседаний Политбюро ЦК» от 16 октября 1938 г. протоколы Политбюро ЦК ВКП(б) направлялись только членам ЦК, кандидатам в члены ЦК, членам Бюро КПК и КСК, первым секретарям обкомов (крайкомов) ВКП(б) РСФСР и УССР, первым секретарям ЦК национальных компартий и первым секретарям Башкирского и Татарского обкомов ВКП(б). 5 января 1939 г. на заседании Оргбюро был вновь поднят вопрос о порядке возврата повесток и выписок из протоколов заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК и установлен 7-дневный срок возврата выписок со дня получения их адресатом и повесток — немедленно после состоявшегося заседания. Отделам ЦК разрешалось оставлять выписки из протоколов на более длительный срок под личную ответственность заведующего отделом.

ВКП(б) активно проводила цензурную политику. Работа по охране государственной тайны была особенно актуальной в предвоенные годы, когда стало ясно, что войны не избежать. Имевшие место факты разглашения секретных сведений в печати, других средствах массовой информации и изданиях требовали еще более основательно подойти к данной проблеме. В этой области ЦК ВКП(б) активно взаимодействовал с Аппаратом Уполномоченного СНК СССР по охране военной и государственной тайны в печати и Главлитом РСФСР. С января 1938 г. Уполномоченным СНК СССР по охране военной и государственной тайны и начальником Главлита РСФСР был Н.Г. Садчиков. При этом деятельность управления Главлитом и печатью тесно переплеталась с работой различных отделов ЦК. Так, например, в 1940 г. Главлит непосредственно взаимодействовал с отделом печати и издательств Управления кадров ЦК ВКП(б) и отделом печат-

ти Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Это взаимодействие касалось разработки вопросов на всех стадиях — от принятия решений до организации и регулирования деятельности и заканчивая контролем выполнения постановлений ЦК. Со стороны ЦК ВКП(б) это были кадровые вопросы, проблемы политического регулирования, координации взаимоотношений Главлита и органов госбезопасности, установления субординации между ними и ЦК, оперативного регулирования деятельности Главлита, решения текущих вопросов, совместной выработки нормативно-правовых актов в области цензуры и защиты государственной тайны, призванных урегулировать деятельность Главлита и скоординировать его взаимоотношения с другими ведомствами, решения административных и административно-хозяйственных вопросов. К примеру, в ЦК ВКП(б) утверждались структура и штаты Уполномоченного СНК СССР и Начальника Главлита РСФСР ¹, бюджет, расходы, лимиты и т. д.

Особенно важным было представление Главлитом в ЦК периодических и годовых отчетов о вычерках и ошибках цензоров. Так, 20 января 1940 г. Садчиков докладывал в отдел печати и издательств Управления кадров ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову: «В 1939 году предупреждено от проникновения в печать 59 тыс. не подлежащих оглашению сведений: дислокация воинских частей и флота — 4018; об оборонных объектах и заводах — 12 338; сведений экономического характера — 2232; искажение цитат — 2278; опечаток — 18 027; вредных формулировок — 12 270. Ошибки сотрудников местных органов Главлита: дислокация воинских частей и флота — 480; об оборонных объектах и заводах — 657; сведений экономического характера — 272; искажение цитат — 143; опечаток — 711; вредных формулировок — 124; других — 539... В 1939 году не предупредили книжно-журнальных и газетной продукции СССР 2928 различных ошибок» ², а в письме Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в Главлит № 1с от 1 января 1941 г. упоминается сводка за 1940 год. «Вычерки: 1. Разглашения военной тайны — 123. 2. Разглашения экономической и государственной тайны — 88. 3. Извращения политического и идеологического характера — 48» ³. В 1940 г. в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) направлялся обзор Радиоотдела Главлита об идеологических ошибках, обнаруженных в радиовещании за январь-июль 1940 года ⁴.

Взаимодействие ЦК ВКП(б) и Главлита происходило и в определении как порядка получения иностранной литературы из-за рубежа, так и контроля за отправкой советских изданий за границу. Так, в 1940 г. Главлит вышел с предложением в ЦК ВКП(б) о создании группы политредакторов на Московском почтамте по проверке всей исходящей из СССР за границу литературы ⁵. В данном случае, в пределах своей компетенции он выступал как инициатор решения одного из вопросов по защите информации. В письме Главлита РСФСР в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) от 18 февраля 1941 г. Садчиков сообщал, что органами цензуры в 1940 г. было задержано при отправке через границу 2500 изданий книг, бюллетеней, географических карт и журналов. Далее он отмечал, какая именно литература не была разрешена органами цензуры к отправке через

границу. Это — антифашистская литература (диктовалось заключенным 23 августа 1939 г. пактом о ненападении с Германией), труды по геологическим изысканиям в пограничных районах, по запасам полезных ископаемых в районах важнейших новостроек, железнодорожные справочники, литература по географии и экономике в пограничных районах, географические карты с нанесением строящихся промышленных объектов и электростанций, специальная литература по военной тематике. В заключении Главлит отмечал, что к данной литературе особый интерес проявляют такие государства, как Германия, Япония и Финляндия. Кроме того, было установлено, что Япония делала всевозможные попытки получить труды почти всех сибирских научно-исследовательских институтов. Германия интересовалась помимо указанной литературы периодической республиканской, краевой, областной и районной печатью и, главным образом, изданиями пограничных районов ⁶.

Взаимодействие ЦК ВКП(б) с Главлитом, прежде всего касалось кадровых вопросов, и в этом плане Главлит не был исключением. Это диктовалось как условием функционирования партийно-государственной системы, когда ВКП(б) направляла и контролировала все сферы деятельности государства в целом, так и международной обстановкой, политической и идеологической ситуацией в стране. Через ЦК утверждались награждения, назначения, наложения взысканий, снятие с должностей начальников Главлитов областей, краев, республик. В начале 1940 г. были укреплены кадрами низовые органы цензуры. ЦК ВКП(б) обязывал ЦК национальных компартий республик, крайкомы и обкомы укомплектовать местные органы цензуры «проверенными в партийном отношении и по деловым качествам пригодными к такой работе членами и кандидатами в члены партии». Цензоры местных органов Главлита решением ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1940 г. утверждались на бюро соответствующих обкомов ВКП(б). Устанавливалось также, что райкомы не имеют права смещать и переводить уполномоченных Главлита на другую работу без санкции на то ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б) ⁷.

По вопросам, которые находились в компетенции местных органов власти, Главлит обращался непосредственно к руководителям регионов. Так, в связи с советско-финской войной на органы Главлита Ленинграда и Ленинградской области легла дополнительная нагрузка по защите военной и государственной тайны в ходе военных действий. В письме Секретарю ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданову № 852с от 28 апреля 1940 г. Садчиков писал: «Органы цензуры с ноября 1939 по март 1940 г. предупредили разглашение военной и государственной тайны 402 случая: а) сведения о РККА и ВМФ — 110; б) сведений о военных заводах, строительствах и аэродромах — 125; в) сведений оборонного характера — 132; г) сведений экономического характера — 35... Ходатайствую о награждении начальника Ленинградского Главлита Долматова А.С. и 3—4 цензоров за образцовую работу» ⁸.

Одними из важнейших компонентов в работе Главлита было составление для органов власти и управления, в том числе и для ЦК ВКП(б), заключений, касающихся цензурирования, разрешения или запрещения распространения информации, защиты государственной,

военной и экономической тайны. Так, к примеру, в 1941 г. (до начала войны) аппарат Уполномоченного СНК СССР и Главлит РСФСР составили следующее общее заключение для ЦК ВКП(б) по первому тому Атласа Мира, содержавшего промышленные карты и другие сведения: «...указанные выше карты по своему содержанию являются не подлежащими оглашению. В них сосредоточены и обобщены все важные отрасли народного хозяйства, имеющие прямо или косвенно отношение к обороне нашей страны и вследствие этого представляют интерес для разведок иностранных государств. Необходимо также впредь запретить ссылки в нашей печати на первый том Большого Советского Атласа Мира и повторять данные опубликованные в нем, а указанные выше номера карт не перепечатывать в каком бы масштабе их не переиздавали»⁹.

На беседу полковника Внукова «Дальнобойная артиллерия», прозвучавшую по радиостанции им. Коминтерна РВ-49 29 января 1941 г., было дано следующее заключение: «Предложение: 1. Считаю необходимым впредь план работы обороной редакции Всесоюзного радиокomiteта согласовывать и утверждать в Политуправлении Красной Армии. 2. Цензурирование материалов обороной редакции Радиокomiteта возложить на военную цензуру Красной Армии»¹⁰. Заключение по поводу географического словаря Кольского полуострова, выпущенного Мурманским филиалом Географо-Экономическим НИИ Ленинградского университета в двух томах и направленного в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) 10 марта 1941 г., было таким: «Есть сведения составляющих государственную тайну и “для служебного пользования”... В связи с изменившейся международной обстановкой, Кольский полуостров, входящий полностью в пограничную зону, приобретает особое значение. Поэтому, наложенный на словарь гриф “для служебного пользования” совершенно недостаточен, и можно выпустить его лишь с грифом “секретно”»¹¹.

Направлялись заключения и по поводу документов, исходящих даже от высших органов исполнительной власти и управления страны, — правительства и наркоматов. Так, 10 марта 1941 г. было дано заключение на проверку текста сборника приказов и инструкций Народного комиссариата заготовок СССР за 1939—1941 гг.¹², 11 марта 1941 г. — на проверку текста Собраний постановлений и распоряжений Союза ССР и отдельных приказов наркоматов за 1940 год, причем по постановлениям и распоряжениям правительства и наркоматов в заключении отмечалось, что в текстах обнаружались сведения, не подлежащие опубликованию в открытой печати: 1. Список заводов, производящих качественные стали. 2. Пункты строительства новых заводов по переработке вторичных черных металлов. 3. Количество учащихся в вузах авиапрома, народных комиссариатов боеприпасов, вооружения, судостроительства, гражданского флота. 4. Полный список важнейших заводов тяжелой промышленности. 5. По приказам можно установить номера заводов, директоров заводов, новые заводы... оборонные объекты, дислокацию заводов. Главлит также ходатайствовал перед СНК СССР запретить рассылать открытым способом приказы, в которых содержатся секретные сведения¹³.

Некоторые заключения Главлита передавались для дальнейшего рассмотрения в высшие органы партии и правительства. Более эф-

фактивное взаимодействие Главлита, Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б) виделось в принятии конкретных постановлений, посвященных одному узкому вопросу или явлению. Так, заключения по Малой Советской Энциклопедии 14 января 1941 г. были переданы на Комиссию Оргбюро ЦК ВКП(б), а когда определенные рассматриваемые вопросы, по мнению Главлита, требовали общегосударственного решения, — им готовился проект постановления ЦК ВКП(б) или СНК СССР или же их совместного решения. Так, в марте 1941 г. Главлит рассматривал вопрос упорядочения допуска для корреспондентов, фотокорреспондентов и кинооператоров на предприятия и объекты военного и оборонного значения. В итоге, изучив вопрос, в докладной записке в ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, Г.Н. Маленкову и в СНК СССР В.М. Молотову от 17 марта 1941 г. № 800/с Садчиков писал: «...Цензурой запрещается помещать в открытой печати снимки предприятий и объектов оборонного значения, а также корреспондентские материалы о них. Закрыв каналы проникновения не подлежащих оглашению в печати данных, остался один очень важный источник широкого распространения секретных материалов и объектов, выходящих за пределы компетенции цензуры, но ввиду того, что он имеет довольно широкое распространение, его нужно закрыть. Этот источник заключается в том, что редакции газет и журналов, студии кинохроники посылают от своего имени корреспондентов, фотокорреспондентов и кинооператоров на оборонные предприятия, где они, благодаря попустительству директоров и руководителей, беспрепятственно допускаются к материалам, не подлежащим оглашению, даже секретным. ... Из прилагаемых материалов к этой докладной записке видно, как широко распространено на заводе 189 ротозейство лиц, призванных сохранять государственные тайны. Эти факты не единичны. В связи с этим, прошу рассмотреть предлагаемый проект постановления»¹⁴. К докладной записке прилагался проект постановления ЦК ВКП(б) «Об упорядочении дела допуска корреспондентов, фотокорреспондентов, кинооператоров на предприятия и объекты военного и оборонного значения». В нем говорилось: 1. Обязать наркомов и руководителей центральных учреждений Союза ССР дать указание подведомственным им заводам и организациям, имеющим оборонное значение, о запрещении допуска на их предприятия и объекты корреспондентов, фотокорреспондентов, кинооператоров, экскурсий, практикантов и других лиц, не имеющих отношение по своему служебному положению к данному объекту. 2. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на органы Народного Комиссариата Государственной безопасности»¹⁵.

Главлит РСФСР также должен был оперативно реагировать на изменения международной и политической ситуации. Так, во исполнении решения Политбюро ЦК ВКП(б) № П23/82 от 28 ноября 1940 г. и постановления СНК СССР № 2421-1076 от 28 ноября 1940 г., 27 марта 1941 г. Садчиков направил письмо в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О распространении в Литовской, Латвийской, Эстонской союзных республиках порядка контроля на территории СССР над иностранной литературой и литературой, поступающей из-за границы». По этому поводу по Главлиту также был издан приказ от 29 ноября 1941 г. № 28¹⁶. Незадолго до войны Главлитом была

проведена проверка многотиражек оборонных заводов, где также были выявлены факты нарушений и недостатки в области защиты государственной тайны.

В сложившейся ситуации, когда все острее ощущалась близость широкомасштабной войны, когда количество провокаций и диверсий на советско-германской и советско-японской границах возрастало, когда активизировалась деятельность вражеской разведки, необходимо было подготовить соответствующие документы и усилить организационные мероприятия по предотвращению утечки информации. Со всей актуальностью выявилась насущная необходимость в упорядочении и усилении работы по охране государственной тайны в печати. В таких условиях Садчиковым был поставлен перед ЦК ВКП(б) и СНК СССР вопрос о реорганизации Главлита. 2 января 1941 г. было направлено письмо А.Я. Вышинскому от помощника заведующего правовым отделом НКВД СССР Г. И. Тункина о предложении Садчикова о создании Главлита СССР на основе реорганизации Главлита РСФСР, Главреперткома, Кинореперткома и Аппарата Уполномоченного СНК СССР по охране военной тайны в печати¹⁷. В марте-апреле 1941 г. Главлитом РСФСР в ЦК ВКП(б) был направлен проект постановления «О Главном военном цензоре» и записка Главлита¹⁸. В проекте намечалось укрепить положение цензуры, повысить статус, увеличить штаты, а главное — усилить ответственность цензуры. Решение этого вопроса до самой войны находилось на рассмотрении ЦК. По решению ЦК ВКП(б) была создана комиссия по разработке правил охраны государственной (военной и экономической) тайны в печати. Состав был внушительным. Членами комиссии стали Жданов, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков, А.А. Андреев, Л.З. Мехлис. Секретариат ЦК поручил Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) запросить мнение по этому вопросу наркоматов обороны, военно-морского флота, иностранных дел, внутренних дел и государственной безопасности. 30 мая 1941 г. на заседании Секретариата ЦК был представлен проект правил, а к 10 июня 1941 г. он должен был быть доработан с учетом внесенных ведомствами поправок и изменений¹⁹. 18 июня 1941 г., Главлит выслал в ЦК ВКП(б) Жданову обзор иностранной печати по военно-экономическим вопросам. Военная опасность более остро ставила вопрос о сохранении военной тайны. Вскоре уже начавшаяся война повысила значение военной цензуры.

Итак, ЦК ВКП(б) осуществлял контроль над информацией и ее распространением в стране в целом. Высшие органы партии также направляли деятельность всего партийно-государственного аппарата страны по защите секретной информации. Характерно, например, что «Сводка важнейших изъятий, задержаний, конфискации, вычерков и исправлений, произведенных органами Главлита и отдела военной цензуры» за № 1/730/с от 11 марта 1941 г. направлялась для использования в работе в 8 адресов (изготовлено было 9 экземпляров); 1-й — в дело; 2-й и 3-й — заместителям Председателя СНК СССР Мехлису, Землячке; 4-й — начальнику Управления агитации пропаганды ЦК ВКП(б) Александрову; 5-й — зам. начальника Управления агитации пропаганды ЦК ВКП(б) Пузину; 6-й — в Управление кадров ЦК ВКП(б) Щербакову; 7-й — в V-й Отдел НКГБ Копытуеву; 8-й —

во II-й Отдел НКГБ Федорову; 9-й — начальнику Главлита РСФСР Садчикову ²⁰.

Что касается защиты секретной информации по партийной линии, то партийные комитеты через свои Особые сектора вели данную работу при полном взаимодействии с органами государственной безопасности. Это делалось через режимно-секретные подразделения в ведомствах, организациях, на предприятиях, которые также курировались органами государственной безопасности. Цензурирование информации (как средство защиты секретной информации) на наличие сведений, составляющих государственную тайну, и пресечение ее распространения через средства массовой информации, государственные и ведомственные каналы, книжную продукцию, радиовещание и т. д. к началу Великой Отечественной войны осуществлял Аппарат уполномоченного СНК СССР по защите государственной тайны и Главлит РСФСР. Здесь наблюдалось дублирование определенных функций и взаимоконтроль в области защиты информации между данными структурами. Но, значимые вопросы в этой области решались на самом высоком партийном уровне. В данном случае, вопросы, связанные с цензурой, исходили ли они из государственной или партийной инстанции, сначала проходили обсуждение и утверждение в ЦК ВКП(б). Главлит, как и весь государственный аппарат, зависел от него. К началу войны точки соприкосновения ЦК ВКП(б) и Главлита в области защиты информации определились.

Особое внимание уделялось также информации, откладывавшейся в секретных партийных комплексах документов. Несмотря на специфику и широту решаемых задач, обсуждавшихся на закрытых заседаниях парторганов, оставался определенный круг вопросов и сведений, которые в обязательном порядке подлежали засекречиванию и внесению в «особую папку». Это сведения, составляющие государственную и политическую тайну, включенные в «Перечень сведений, составляющий тайну и не подлежащих распространению», а также вопросы внутрипартийной борьбы и те вопросы, которые парторганы засекречивали по политическим соображениям. Ответственные сотрудники парторганов должны были следить за недопущением включения вопросов «особой папки» в общий протокол заседаний партийных комитетов. Так, в 1941 г., незадолго до войны, в ЦК обсуждались вопросы секретно-мобилизационного делопроизводства, призыва и учета военнообязанных коммунистов, результаты проверки соблюдения и использования конспиративных документов ЦК, уничтожения архивных документов по оборонно-мобилизационной переписке, халатного отношения к секретным документам, состояние хранения документов в учреждениях, вопросы закрытых писем и дачи информации закрытого характера, работы оборонных предприятий, разглашения государственной тайны, охраны и укрепления государственных границ, интернирования и переселения с приграничной полосы, укрепления паспортного режима, относящиеся к «особой папке» и вынесенные некоторыми парткомами в открытом виде.

Одной из сторон в деятельности по защите государственной тайны являлись органы государственной безопасности. В СССР существовал и специальный орган, осуществлявший поддержку и ведение

защиты информации техническими средствами, а также осуществляющий контроль за ведением секретного делопроизводства в общегосударственном масштабе, как в государственных, так и партийных органах. Это был Специальный отдел НКВД СССР, созданный еще в 1921 году. Он просуществовал до приказа НКВД СССР от 9 августа 1938 г., когда на его базе был образован 9-й Спецотдел (шифровальный) 1-го Управления НКВД СССР, который возглавил капитан государственной безопасности А.Д. Баламутов. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г., когда НКВД был разделен и образовывался самостоятельный НКГБ, в его структуре был образован 5-й (шифровальный) отдел, а дешифровальная секция Спецотдела вошла в состав одного из управлений НКВД. 14 апреля 1941 г. был образован знаменитый «СМЕРШ», в составе которого было создано 5-е шифровально-дешифровальное управление. Специальный отдел хотя и входил в структуру органов госбезопасности, но непосредственно подчинялся ЦК партии. Партийные органы пользовались своей системой (специально для нее разработанной) шифров и кодов и защитой информации в целом. Но, насколько известно, с 1940 г. партия перешла на государственную систему шифров и кодов, использовавшихся соответствующими государственными органами и спецслужбами.

Перед самой Великой Отечественной войной также усилилась работа по проверке соблюдения секретности и расследованию фактов разглашения секретных сведений, в первую очередь по военным делам. Приведем некоторые примеры. Так, 23 февраля 1940 г., на Секретариате ЦК рассматривался вопрос «Об утере совершенно секретных документов в Наркомате военно-морского флота». В результате Секретариат постановил: «1. За утерю сов. секретного документа снять т. Шерр С.А. с работы начальника 5 отдела технического управления Наркомата ВМФ. 2. Поручить Главному прокурору Военно-морского флота т. Алексееву расследовать факты утери сов. секретных документов в Наркомате ВМФ и привлечь виновных к ответственности. 3. Обратит внимание Наркома Военно-морского флота т. Кузнецова на неудовлетворительное состояние хранения секретных и сов. секретных документов в Наркомате ВМФ»²¹. Как видно, дело не закончилось только оргвыводами. Военная прокуратура приняла его к производству и исполнению.

Как отмечалось ранее, были случаи, когда в некоторых ведомствах наблюдались факты беспечного отношения к секретным сведениям, разглашение которых иногда происходило через средства массовой информации и ведомственные каналы. Иллюстрацией этого может служить рассмотренный Оргбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1940 — феврале 1941 г. вопрос «О фактах разглашения секретных сведений Московской радиостанцией Наркомрыбпрома СССР». После обсуждения вопроса Оргбюро ЦК постановило: «В результате проверки ЦК ВКП(б) устанавливает, что через Московскую радиостанцию Наркомрыбпрома СССР систематически передавались в незашифрованном виде по азбуке Морзе радиограммы секретного содержания, в которых разглашались планы снабжения рыбной продукцией воинских частей, лагерей ГУЛАГа НКВД, данные о создании государственных резервов и о месте нахождения баз госрезерва. Такие безответ-

ственные передачи стали возможными благодаря тому, что руководители Наркомата не контролировали работу своих радиостанций, все это дело передавали второстепенным работникам и допустили засоренность аппарата радиоцентра и Московской радиостанции негодными работниками. ЦК ВКП (б) постановляет: 1). Обязать Наркома рыбной промышленности т. Ишкова заняться контролем за работой радиоцентра и Московской радиостанции Наркомрыбпрома и устранить запущенность в их работе. 2). Обязать т. Ишкова и зам. Наркома по кадрам т. Сенина проверить работников радиостанций Наркомрыбпрома, укрепить радиоцентр и радиостанции проверенными и подготовленными работниками. 3). Обязать т. Ишкова установить такой порядок передачи радиограмм через Московскую и периферийные радиостанции, чтобы была исключена возможность разглашения секретных сведений. О выполнении настоящего решения к 1 марта 1941 г. доложить ЦК ВКП (б). Внести на утверждение Политбюро»²². Оргбюро ЦК ВКП(б) оперативно обязывало в короткий срок (до 1 марта) исправить недостатки. Важность вопроса потребовала вынесения его на утверждение Политбюро.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась определенная система взаимодействия партийных органов с органами цензуры, защиты государственной тайны и государственной безопасности по вопросам охраны информации. При этом, координация работы Главлита и органов государственной безопасности являлась непосредственной задачей ЦК ВКП(б). Было бы неправильным представлять Главлит только лишь исполнителем цензурной и другой политики по защите государственно-политической тайны ЦК ВКП(б). По протоколам Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) и документам Главлита за 1940 — первую половину 1941 г. можно определить механизм взаимодействия данных структур. Налицо фактор взаимного влияния и взаимодействия по защите информации. Можно утверждать, что высшие органы ВКП(б) как бы делегировали Главлиту часть своих функций. ЦК ВКП(б), конечно, в той или иной мере, направлял деятельность Главлита в этой области, но фактически же осуществлялся своего рода взаимоконтроль и совместное ведение работ по защите государственной тайны, что, в основном, позволяло избегать утечек секретной информации.

Именно в 1920—1930 гг. определился и круг вопросов, составлявших секретные сведения, и имелись соответствующие нормативные документы по соблюдению режима секретности и сохранению военной и государственной тайны. В советский период, до Великой Отечественной войны, составлялись Перечни сведений, не подлежащих разглашению и опубликованию в печати для работы органов цензуры, вводившиеся в действие в 1918, 1919, 1923, 1926, 1927, 1931, 1933, 1936, 1940 годах. Также Главлитом совместно с заинтересованными ведомствами и ЦК ВКП(б) разрабатывались и другие перечни, а также «Дополнения к перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну» на военное время, которые должны были вводиться в действие при объявлении частичной или общей мобилизации Президиумом Верховного Совета СССР. В предвоенные годы такой перечень был утвержден Уполномоченным СНК СССР 9 июля 1939 года²³. 23 июля 1939 г. был также утвержден «Перечень сведе-

ний, составляющих экономическую тайну (Экономический перечень)», а 19 января 1940 г. — «Перечень сведений, составляющих военную тайну». Важно было не только контролировать соблюдение перечня, но и постоянно анализировать сведения и перерабатывать их, внося изменения, дополнения, исключения или соответствующие интерпретации параграфов. Так, с 14 сентября 1939 г. по 6 мая 1941 г. Главлитом было издано 30 циркуляров, касающихся экономического перечня, а со 2 февраля 1940 г. по 29 апреля 1941 г. — 46 циркуляров, касающихся сведений, составляющих военную тайну, изданных уже после утверждения этих перечней ²⁴, а приказом Уполномоченного СНК СССР по охране военной и государственной тайны в печати и начальника Главлита РСФСР Садчикова от 8 марта 1941 г. № 14/716с п. 56 был введен в действие «Перечень сведений, являющихся по своему содержанию государственной и военной тайной», в новой редакции ²⁵, которым руководствовались вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Постановка вопроса о защите секретной информации актуальна в России и на современном этапе, когда необходимо соблюсти разумный и обоснованный баланс открытой и закрытой информации.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9425, оп.1, д. 18, л. 2—12.
2. Там же, л. 15.
3. Там же, д. 19, л. 2.
4. Там же, д. 18, л. 75—80.
5. Там же, д. 19, л. 77.
6. Там же, л. 74—75.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 116, д. 29, л. 135.
8. ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 18, л. 59.
9. Там же, д. 19, л. 25—26.
10. Там же, л. 56.
11. Там же, л. 91—94.
12. Там же, л. 95—96.
13. Там же, л. 96—97.
14. Там же, л. 102—103.
15. Там же, л. 104.
16. Там же, л. 133—134.
17. Там же, д. 20, л. 2—3.
18. Там же, д. 19, л. 153—161.
19. РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 93, л. 1.
20. ГА РФ, ф. Р-9425, оп.1, д. 26, л. 11.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 64, л. 66.
22. Там же, д. 67, л. 70—71.
23. ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 17, л. 60—66.
24. Там же, д. 16, л. 283—290.
25. Там же, д. 21, л. 55.

Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь в 1922 г.

В.А. Поляков

Становление Российской Федерации как демократического государства и модернизация экономики требуют постоянного совершенствования управленческих структур и методов работы людей, в них занятых. В связи с этим анализ мероприятий, проводившихся партийно-советскими органами РСФСР в кризисные 1920-е гг., представляется важным условием в деле успешного решения нынешних задач, так как без осмысления опыта, включая отрицательный, нельзя избежать повторения прежних ошибок. В тот послереволюционный период результаты проводившихся преобразований, носивших кардинальный характер, несомненно, были следствием деятельности руководителей высшего звена. Но в советский период российской истории, когда историография базировалась на марксистско-ленинской методологии, эти управленцы представлялись в ореоле непогрешимости, что было далеко от действительности. В ряду типичных примеров предстают описания поездок разных советских персон, например, М.И. Калинина в Поволжье¹. В данной работе предпринимается попытка методологически иначе рассмотреть экспедицию в Сибирь не менее колоритной фигуры — обладателя многих должностей Ф.Э. Дзержинского.

Осень-зима в 1921—1922 гг. были чрезвычайно трудным временем для населения европейской части РСФСР, где своеобразной «голофой» стало голодавшее Поволжье. А вот сибирское крестьянство, позже попавшее в «красную зону большевистской оккупации» и не успевшее в полной мере испить «горькую чашу» советской продразверстки и продналога, продукты еще имело. Начиная с зимы 1921 г. В.И. Ленин все чаще стал обращать внимание на этот российский регион. Первой жесткой ленинской установкой стала его телеграмма от 16 февраля 1921 г. председателю Сибирского продовольственного

Поляков Вячеслав Александрович — доктор исторических наук, профессор Волгоградского университета.

комитета П.К. Кагановичу в Омск ². Начав коротким обоснованием: «Ввиду обострившегося до крайности положения с продовольствием Республики, — он в качестве председателя СТО в тональности, исключающей возражения, продолжал, — предписываю в порядке боевого приказа напряжением всех сил повысить погрузку и отправку хлеба центру и довести до максимума. Ежедневно по прямому проводу сообщайте лично мне и Наркомпроду: 1) наличие хлеба на станциях желдором, 2) количество подвезенного к станциям хлеба за сутки, 3) погрузка хлеба за сутки, отдельно — центру, отдельно — местная, 4) если был недогруз — причины последнего» ³.

Декадой позже, 25 февраля, с его же участием на пленуме ЦК РКП(б) был поставлен вопрос и «Об охране хлебных маршрутов, идущих из Сибири» ⁴. Это обуславливалось нарастающим недовольством населения теми изъятиями продовольственных ресурсов, из-за которых угроза голода стала вполне реальной и в зауральских губерниях РСФСР. К началу марта 1921 г., в условиях начавшегося антибольшевистского восстания в Кронштадте и расширявшейся борьбы с советской властью тамбовских крестьян, председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский представил Ленину информацию тревожного характера еще и о положении в Сибири. И тот, несмотря на занятость работой на X съезде РКП(б), выкроил время и по телефону продиктовал своему секретарю Л.А. Фотиевой следующее обращение ⁵ к Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину: «Прошу обратить внимание на сообщения Дзержинского о Сибири. Опасность, что с сибирскими крестьянами наши не сумеют поладить, чрезвычайно велика и грозна. Чуцкаев (председатель Сибревкома. — *В.П.*) при всех его хороших качествах несомненно слаб, совершенно не знаком с военным делом, и при малейшем обострении может грозить там катастрофа. Думаю, что надо обсудить вопрос о посылке в Сибирь не позже чем в начале лета Ив.Н. Смирнова. Он будет, конечно, чрезвычайно сильно сопротивляться, но если не найдется иной кандидат, знающий и Сибирь и военное дело, способный наверняка не растеряться при трудном положении, то я думаю, что послать Смирнова будет абсолютно неизбежно. 9/III. 1921. Ленин» ⁶.

Кроме указанных адресатов с ленинским предложением ознакомились Дзержинский, В.М. Молотов и Л.Д. Троцкий. И хотя Сталин выразил свое несогласие с вождем ⁷, что было редчайшим случаем, назначение состоялось, и уже 21 марта политбюро ЦК РКП(б) занималось рассмотрением вопроса «О просьбе председателя Сибревкома И.Н. Смирнова разрешить ему приехать с докладом в Москву» ⁸. Кремлевский отказ новому председателю Сибирского революционного комитета в праве на вояж в столь далекую столицу стал отражением повышенного внимания к региону, на изъятие продовольственных ресурсов из которого сразу резко возросло количество указаний и распоряжений в хронике ленинской занятости хозяйственными делами. Вслед за обсуждением под его председательством на заседании СТО 25 марта вопроса «О мерах по обеспечению подвоза автотранспортом продовольственных грузов в районах Сибири...», он уже 30 марта подписал телеграмму Сибирскому продовольственному комитету с предписанием «О порядке отправки хлеба в Центр в счет апрельского наряда Наркомпрода» ⁹.

Объемный, как и в Поволжье, отбор хлеба стал угрозой для полномасштабного весеннего сева на крестьянских полях, в связи с чем председатель СНК РСФСР 1 апреля 1921 г. направил в ряд регионов, включая Сибирь, телеграмму на имя председателей губисполкомов и губревкомов. В ее первой части говорилось: «Началась посевная кампания. Исход ее, равно величина урожая, определяет собой хлебные кормовые ресурсы Республики на предстоящий год, отразятся на всей хозяйственной жизни страны. Поставьте срочно через губстатбюро работы по выяснению размеров посевной площади, количества скота в текущем году, а также непрерывное статистическое наблюдение состояния посевов и трав, результаты коего дважды в месяц срочно сообщайте ЦСУ для доклада Совнаркому».

А далее, после отсылки к инструкциям ЦСУ и предостерегающей угрозы о «личной ответственности», шло обоснование необходимости выполнить требуемые указания: «На основании Ваших сообщений, рабоче-крестьянское правительство к точно назначенному сроку должно установить ставки натуралога, так что запаздывание сообщений по Вашей губернии задержит планомерную работу правительства в области организации земледельческого хозяйства, продовольствия и организации натуралога»¹⁰. При этом нельзя не отметить, что забота об успешной посевной, не была заботой о людях, ее проводивших.

Глава правительства, делая ставку на сибирский хлеб, продолжал выдвигать все новые требования к руководителям региона. Через два дня после процитированной телеграммы последовали новые в Тюмень, Челябинск и Омск «О порядке направления в апреле 1921 г. продовольственных маршрутных поездов на Екатеринбургскую и Московскую распределительные базы». Вслед за этим уже 12 апреля политбюро ЦК РКП(б) с ленинским участием приняло решение «О командировании в Сибирь В.Н. Яковлевой (имевшей опыт работы в НКВД и ВЧК. — В.П.) и В.И. Хотимского»¹¹ с явной установкой не скупиться на жесткие санкции для выполнения заданий, исходящих из Кремля.

К тому же председатель Сибирского продовольственного комитета и одновременно уполномоченный СТО и наркомата продовольствия Коганович в телеграмме от 12 апреля на имя главы правительства сообщил «о невозможности выполнить разверстку после опубликования в печати закона ВЦИК о продналоге»¹².

Ленин, прочитав 15 апреля телеграмму, прямо на ней написал записку более твердому коммунисту, которого любил называть «нашим продовольственным диктатором». Начав со слов: «т. Цюрупа! По-моему, надо ему (то есть Когановичу. — В.П.) выразить порицание. Пустое нытье и отговорки. До постановления ВсеЦИКа должен был поговорить по прямому проводу (и тотчас после, в марте, а не в апреле). Не хныкать, а испросить вовремя особое постановление ВсеЦИКа», — закончил фразой: «Глупая хныкающая баба»¹³. Первый большевик ни мягкотелости, ни плаксивости не допускал. В тот же день в телеграмме челябинскому губпродкомиссару И.И. Гринюку он потребовал «срочно доставлять хлеб в Центр, используя для этой цели все возможности»¹⁴.

Двумя неделями позже, 27 апреля 1921 г., вместе с рядом телеграмм уполномоченному наркомата продовольствия на Северном

Кавказе М.И. Фрумкину в Ростов-на-Дону, руководящим органам в Уфу, Оренбург и Тюмень Ленин подписал такую же и председателю Сибпродкома Когановичу в Омск с приказом «Об усилении подвоза хлеба гужевым транспортом из внутренних ссыпных пунктов к станциям и пристаням». И это притом, что в тот же день на пленарном заседании СТО, проходившем под председательством Ленина, в ряду вопросов пришлось обсуждать две сибирских телеграммы: из Омска «О критическом положении посевной кампании» и председателя Сибревкома С.Е. Чучкаева «О продовольственном положении Якутского отдела связи».

Явные трудности сибирского региона не изменили ленинской позиции в отношении продовольственных ресурсов, что видно из его телеграммы Сибирскому продовольственному комитету в Омск от 28 апреля 1921 года ¹⁵. В ней, к тому же дублируемой копией председателю Сибревкома И.Н. Смирнову, говорилось: «Ввиду обострившегося продовольственного положения предписывается усилить погрузку продовольствия для центра и ни в коем случае не допускать перерыва погрузки в дни праздников» ¹⁶.

Это означало, что теперь и до Сибири дошел «голодный фронт». Местная партийно-советская номенклатура переводилась на режим постоянного поиска продовольственных резервов. Задача по сути невыполнимая, но ленинские последователи выход нашли быстро, приняв решение сокращать объемы народного, а не собственного потребления. Даже Центральный комитет объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта (Цектран) обратился к Ленину с просьбой «дать распоряжение Сибпродкому о снижении норм снабжения железнодорожников не на 40, а на 20 %». Но тот, ознакомившись 29 апреля с телефонограммой, фактически выразил свою обычную неприязнь ко всякому частнику и несомненное одобрение продполитике сибиряков.

А уже тремя днями позже отъем хлеба у сибирских крестьян взяла под еще один дополнительный контроль и высшая партийная структура большевиков, в связи с чем 4 мая 1921 г. на ленинский стол легла датированная той же датой «объяснительная записка члена коллегии наркомпрода А.Б. Халатова... к справкам для Политбюро ЦК РКП(б) о ходе погрузки хлеба для Центра из Сибири и Кавказа» ¹⁷. На это Ленин в качестве председателя СТО сразу отреагировал телеграммой Сибревкому и Сибпродкому в Омск: «Ввиду критического состояния снабжения центра в связи с прекращением погрузки на Сев. Кавказе в порядке боевого приказа под ответственностью Сибревкома и Сибпродкома предлагается в течение мая месяца отправить в центр три миллиона пудов хлеба». И уточнил: «По соглашению с тов. Кагановичем план выполнения наряда предлагается следующий: первое, впредь до открытия навигации в прежнем боевом порядке грузить хлеб на всех станциях желдором, в том числе и предназначенных к водным перевозкам — Семипалатинске, Ново-Николаевске. Второе, по открытии навигации в первую очередь подвезти хлеб на погрузку центру во изменение ранее составленного плана перевозок. Третье, немедленно приступить к заготовкам хлеба в близлежащих к желдором районах в порядке товарообмена... Четвертое, районы рекомендуется принять следующие: Петропавловский, Славгородский,

Новониколаевский, Барнаульский. Пятое, отправка центру в порядке пунктов первого и второго двух миллионов пудов, пункта третьего — один миллион. Шестое, заготовку в порядке товарообмена в указанных и других районах с целью пресечения спекуляции производить, не отменяя разверстку»¹⁸.

Телеграмма несла людям новые тяготы. Но на пункты третий о товарообмене и шестой со словами «не отменяя разверстку» стоит обратить особое внимание по нескольким причинам. Во-первых, основной долей товарообменного фонда для сибирских крестьян совсем скоро станет алкогольный суррогат. Во-вторых, хотя после X партсъезда прошли без малого два месяца, в ленинском лексиконе все еще продолжала упоминаться разверстка, потому что так называемый «нэп» был партийным мифом и не более того. А вот объединяющим все пункты фактором оставалась их антикрестьянская направленность, разделяемая всеми представителями партийно-советской номенклатуры, в том числе и на местном уровне. Поэтому уже 5 мая в ленинский адрес за подписями председателя и заместителя председателя Сибревкома последовал следующий ответ: «Ваше боевое задание от 4 мая № 401 принято к исполнению. Ставим в известность: последний хлеб находящийся на станциях желдором, отправлен в Москву... К заготовке хлеба по товарообмену приступаем, но сообщаем, что в период посева, то есть до первого июня, рассчитывать на успех заготовки не приходится». Такое откровение для авторов могло закончиться кремлевскими санкциями, поэтому в последующей фразе следовала информация о том эффективном коммунистическом методе, какой станут использовать сибирские продработники: «Отправка трех миллионов пудов хлеба пойдет за счет сокращения потребления бронированными группами Сибири»¹⁹. В этом было еще одно подтверждение ранее высказанной мысли о сокращении большевиками объемов народного, а не собственного пайка.

При этом обещание сибирских партийцев о полной отправки хлеба в Кремле за гарантии принять не могли. По этой причине 5 мая 1921 г. Ленин, наряду с другими, «подписал мандат... В.П. Климову — о командировании его в качестве уполномоченного СТО и Наркомпрода в Сибирь для организации работы транспорта по вывозу продовольственных грузов; ...с предписанием всем советским органам и учреждениям оказывать им всяческое содействие»²⁰.

6 мая последовал ответ на телеграмму председателя Сибревкома Смирнова от 29 апреля: «Считаю действия Ваши неправильными, перерасход 350 тысяч пудов семян для внутригубернских нужд недопустимым, ставит снабжение Москвы и Петрограда в крайне тяжелое положение». И далее — приказ: «Постановление Сибпосевкома о дополнительном отпуске семян свыше 4 500 000 пудов отменяю. Предлагаю также представить объяснение о неисполнении предписания о безостановочной погрузке в праздничные дни. Обращаю внимание на исключительно тяжелое положение в продовольственном отношении центра, требую полного и безоговорочного исполнения требований центра и Компрода. Предсовтрудоборона Ленин»²¹.

7 мая политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о нормах ежедневной отправки хлеба центру. А двумя днями позже, 10 мая 1921 г., с ленинским участием высшая партструктура приняла реше-

ние «О командировании в Сибирский продкомитет М.И. Калмановича», переведенного с должности заместителя наркомпрода Украины на должность председателя Сибирского продовольственного комитета»²².

Это был испытанный боец, уже побывавший наркомом продовольствия Белоруссии и председателем особой продовольственной комиссии Западного фронта. 18 мая Брюханов и Халатов обратились к Ленину, сообщив, что «партийные и государственные органы Сибири, Северного Кавказа и Украины, несмотря на меры, принимаемые Наркомпродом, нарушают постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 7 мая 1921 года о нормах ежедневной отправки хлеба центру и об удовлетворении потребностей областей лишь после выполнения этих норм, — и предложили, — воздействовать в порядке партийной дисциплины на руководящих работников указанных областей»²³.

Ленин, ознакомившись 19 мая с жалобой, сразу же дал, не скупясь на угрозы, поручение секретарю ЦК РКП(б) Молотову:

«Т. Молотов!

По жалобе.

Брюханову предлагаю послать телеграмму *сегодня* за подписью Председателя ВЦИК и секретаря Цека:

1) строгий выговор *главам* (предгубисполкомов и т. п.),

2) угроза: предадим их суду,

3) *т о т ч а с* предать суду ответственных за *выдачу м е с т а м* до удовлетворения центра. *Ленин*»²⁴.

Ленинская логика наказания «за *выдачу м е с т а м* до удовлетворения центра» могла значить лишь то, что голодное население в столичных центрах представляло большую, чем периферия, угрозу для представителей коммунистической власти. Отсюда и вытекала подобная очередность.

Такой же антинародной оставалась ленинская позиция и на «голодном фронте», где его «удары» по сибирским крестьянам продолжали наращиваться. 6 июля он подписал новую телеграмму председателю Сибревкома Смирнову и председателю Сибпродкома Калмановичу в Новониколаевск, а также уполномоченному Наркомпрода Т.М. Пономаренко в Омск «о недопустимости снижения суточной погрузки хлеба Центру», с предписанием «довести ее до 100 вагонов»²⁵.

Сто вагонов сибирского хлеба, вывозимого в сутки, стали ленинской мечтой, которую ему захотелось тут же сделать явью, в чем без «волшебства» было не обойтись. Этим волшебством стала идея «Об использовании вина для товарообмена», принятая к исполнению на заседании Политбюро ЦК РКП(б), проходившем с ленинским участием 7 июля 1921 года. Ее реализацию возложили на тут же созданную «Комиссию по вопросу об обмене виноградных вин на хлеб» в составе: «Семашко, Шляпникова, представителей Москвы и Петро-Коммуны и Наркомпрода с участием представителей Рауспирта и Главспирта ВСНХ под председательством А. Киселева»²⁶.

Когда, спустя месяц, стало ясно, что «чудо» комиссия явит не так скоро, пленум ЦК РКП(б) на заседании 8 августа 1921 г. с ленинским участием, обсудив вопрос «Об отзыве из Сибири И.Н. Смирнова и В.Н. Яковлевой», решил «командировать в Сибирь Е.М. Ярославского». 12 августа последовала ленинская телеграмма руководящим

органам Сибири в Новониколаевск и Омск, в которой «констатировалась неудовлетворительность работы этих органов по исполнению постановления СТО от 21 июня 1921 г. об отправке в Центр 500 тыс. пудов хлеба и предписывалось с 15 августа 1921 г. регулярно отправлять в Москву в адрес Наркомпрода ежесуточно по одному маршруту в 30 вагонов»²⁷.

Так получила начало еще одна ленинская попытка сделать буквально непрерывным «конвейером» отбор хлеба у крестьян и поставку его в столичные центры. Сохраняя контроль над этим процессом, он 26 ноября 1921 г. в телеграмме Сибревкому, Сибирскому отделу путей сообщения, уполномоченному СТО Пономаренко и председателю Сибирского продовольственного комитета Калмановичу еще раз указал на «необходимость точно выполнять суточную норму вывоза продовольствия из Сибири в центральные губернии, также план снабжения топливом железных дорог»²⁸. Но и эта телеграмма, как и все предыдущие многократные ленинские обращения и требования от руководителей сибирских партийных и советских структур власти «выкачивать» все виды продовольствия из деревни и отправлять их в центр, желаемого результата не дала. Тогда 2 января 1922 г. президиум ВЦИК постановил командировать в качестве особоуполномоченного СТО и ВЦИК Дзержинского для принятия чрезвычайных мер по продвижению продовольственных грузов из Сибири²⁹.

5 января 1922 г.³⁰ в составе многочисленной свиты из 40 чел., включая сотрудников ВЧК и транспортного отдела ВЧК, наркомпрода, представителей Военно-транспортной коллегии Верховного трибунала, лиц из других ведомств и обслуживающего персонала, он выехал из Москвы. Уже на следующий день, еще находясь в пути, Дзержинский издал приказ за № 1, в котором, ссылаясь на свои широкие полномочия, распорядился образовать 6 следующих комиссий:

«1). По вопросам эксплуатации (так тогда писалось это слово. — *В.Л.*) Комиссия под председательством тов. Грунина, в составе Винькова, Сидорского, Раменского и Ожигова.

2). По вопросам тяги и пути под председательством тов. Каниковского в составе Винькова, Курехина и Барановского.

3). По вопросам топливно-снабжения железных дорог под председательством тов. Павлуновского в составе Сидорского, Дельгаз, Зимина и Барановского.

4). По вопросам всех других видов снабжения транспорта под председательством тов. Зимина в составе т.т. Раменского, Вреде, Матвеева, Гершензона и Ефимова.

5). По вопросам сокращения штатов, учета и распределения рабочей силы и командного состава под председательством тов. Благонравова в составе т.т. Лебедева и Филиппова.

6). По вопросам применения новой экономической политики на транспорте под председательством тов. Зимина в составе т.т. Грунина, Павлуновского, Ефимова, Дельгаз и Куман». Назначенные председатели комиссий, координируемые управляющим делами «Экспедиции Наркомпути» Дельгазом, должны были по прибытии в Пермь «сделать доклады о плане работ и поставленных вопросах»³¹.

Вслед за первым в тот же день, 6 января 1922 г., последовал приказ Дзержинского за № 2. Из его полного текста становится изве-

стно об инциденте, с которого началась экспедиция, когда «старший ремонтный рабочий Службы пути Северных железных дорог тов. КОЗЛОВ при обходе пути заметил лопнувшую рельсу и своевременно предупредил Начальника 68-го разъезда перед самым проходом моего (то есть Дзержинского. — *В.П.*) поезда, чем предупредил сход поезда с рельс».

Происшествие, в то время бывшее не редким на советских железных дорогах, но в данном случае угрожавшее жизни самого Дзержинского, закончилось двумя его решениями: «За проявленное честное отношение к служебным обязанностям **ОБЪЯВЛЯЮ КОЗЛОВУ** благодарность и приказываю выдать ему в виде награды полушубок, валенки и 500 000 рублей денег». «Вместе с тем приказываю Вятскому Отделению ДТЧК произвести расследование, почему путь не был своевременно осмотрен и приведен в порядок, и донести мне»³².

Чем закончилось расследование данного дела, в документах фонда Дзержинского в Российском государственном архиве социально-политической истории не сказано. Зато, когда особоуполномоченный СТО и ВЦИК во время экспедиции затеял «эксперимент» по поводу проверки реакции железнодорожного чиновничества на его телеграфные распоряжения, то это, по свидетельству американского друга Ленина предпринимателя А. Хаммера, привело без какого-либо следствия по личному приказу Дзержинского к расстрелу начальника железнодорожной станции Омска и его заместителя³³.

Это был типичный пример революционной «законности» и большевистского подхода к сокращению бюрократически-формальных «проволочек» в деле социалистического «созидания». На это Дзержинский нацелил и членов своей сибирской экспедиции, когда за подписью в статусе «Наркомпути и Уполномоченного ВЦИК и СТО по СИБИРИ» под третьим по счету приказом за 6 января «предложил всем работникам Экспедиции, при составлении ими планов работы или принятии отдельных конкретных мер по выполнению задач Экспедиции, иметь в виду, что все усилия Экспедиции должны быть направлены в сторону укрепления и развития работы, надлежащей организации, инструктирования и прочих существующих органов, ведающих транспортными, топливными и продовольственными вопросами, к установлению между последними тесной организационной связи, а также связи их с центральными учреждениями. — В конце, заострив внимание, резюмировал, — поэтому надлежит безусловно воздерживаться от создания каких-либо новых аппаратов, которые занимались бы лишь параллельной работой и тормозили работу существующих органов»³⁴. Это говорилось тогда, когда сама «экспедиция» была и «новым аппаратом» и занималась «параллельной работой» в советской системе государственных структур власти, которые не способны были на коммунистических принципах хозяйственной деятельности добиваться позитивных результатов в работе.

7 января 1922 г. последовал приказ за № 4, в котором «поручалось Управделами тов. ДЕЛЬГАЗ вести дневник Экспедиции и установить контроль за выполнением моих (то есть Дзержинского. — *В.П.*) поручений и заданий, как отдельным лицам, так и образованным и имеющим быть призванными к работе комиссиями, для чего всем сотрудникам поезда предлагалось ежедневно вечером переда-

вать тов. Дельгаз рапорта о произведенной ими работе для составления общей сводки». В связи с чем «Председателям Комиссий» в той экспедиции «надлежало передавать Управделами протоколы и постановления заседаний»³⁵.

Прибыв в Омск, Дзержинский 10 января 1922 г. издал приказ за № 6, в котором, обращаясь к «рабочим и служащим железных дорог Сибири», обратил их внимание на «трудную и грозную минуту для всей нашей страны» и в порыве откровения признал то, «какие великие муки, какие неопишуемые страдания испытывает голодающее население Юго-Востока России, особенно Поволжья от того, что помощь идет медленно, помощь идет несвоевременно».

В этих словах фактически прозвучала невольная, но абсолютно верная оценка как действий всех структур советской власти, так и Дзержинского лично. А далее этот документ становится для большевиков изобличающим. Ведь, к примеру, задачу «засева яровых хлебов в голодающих местностях зерном из Сибири» иначе как вредительством назвать нельзя, потому что семена эти не являлись районированными, что и подтвердилось последующей скудостью урожая.

Еще два абзаца приказа, посвященные «продналоговой компании (так Феликс Эдмундович писал это слово. — *В.П.*) Сибири» предстают таким изобличением, какое дает основание для ее однозначной оценки как преступного деяния. Достаточно уже одного того, что «крестьянин Сибири выполнил свой долг перед Республикой и сдал почти целиком то, что потребовало у него государство..., хлеб и мясо подвезены к станциям», но при этом «задание Республики по вывозу из Сибири не выполняется. Хлеб сыпается в колодцы из пре[с]сованного сена и, если его не вывезти, может загореться и запретить». То есть Дзержинский признал: коммунисты продовольствие у крестьян изыали и стали его гноить. Дошло, по его словам, до того, что «опасность сгноить мясо на дороге заставила центр прекратить заготовку мяса, потому что «в декабре месяце грузилось и вывозилось меньше 20 процентов, меньше одной пятой нормы».

Дзержинский, констатировав, что «только один из десяти голодающих получал сколько-нибудь достаточную помощь», перешел к обычной демагогии, обращаясь «ко всем... от рядового чернорабочего до ответственного работника включительно и требуя, чтобы немедленно объединенными усилиями на железных дорогах Сибири создан был образцовый порядок революционный, чтобы задания и требования Республики по ремонту дороги и подвижного состава, по нагрузке и вывозу продмаршрутов были выполнены на все 100 процентов». «Я призываю всех вместе и каждого в отдельности сообщить мне о всех известных вам препятствиях и способах и мерах к их устранению, также как и всех случаях злоупотреблений на железных дорогах, саботажа и разгильдяйства. Страна не может допустить, чтобы дело укрепления Рабоче-Крестьянской Республики Советов было сорвано, благодаря подобным явлениям». То есть предложил сделать доносительство методом социалистического созидания и не только, потому что одновременно обратился ко «всем ячейкам РКП и РКСМ с призывом придти на помощь в этом деле».

Заканчивался этот один из самых многословных за время сибирской экспедиции приказ Дзержинского словами о том, что «прави-

тельство РСФСР сделает все возможное, чтобы улучшить это положение. От имени его я приказываю в кратчайший срок выполнить все срочные неотложные работы, от которых зависит своевременный вывоз продовольствия и сырья из Сибири.

Всему миру известно, какую огромную революционную роль сыграли железнодорожники Сибири. Все знают какую колоссальную работу проделали сибирские железнодорожники по восстановлению разрушенных колчаковщиной железных дорог Сибири. Я убежден, что и теперь железнодорожники Сибири поддержат эту славу и не позволят никому сказать, что дело помощи голодающим, дело восстановления крупной промышленности, дело укрепления РСФСР было сорвано из-за плохой работы сибирских железных дорог»³⁶.

Финальная фраза этого приказа, близкого к жанру некоего воззвания, начинающаяся со слов Держинского «я убежден», на самом деле скрывала его неверие в реализацию ставившихся задач, потому что перед этим он вместе с управляющим делами экспедиции Дельгазом подписал приказ за № 5. В этом документе, датированном также 10 января, предписывалось «для усиления вывоза продгрузов из Сибири... принять к руководству нормы премирования [хлебом] паровозных бригад и смазчиков, поездных бригад и распорядительного персонала узлов и станций, составительных бригад ежемесячно», за перечень работ, включавший «оживление», то есть ремонт паровозов, вагонов и цистерн, «своевременную подачу под поезда, перевозящие продгрузы, паровозов, оборот паровозов и т. д.». При этом оговаривалось, что «продресурсы могут быть израсходованы лишь при обязательном выполнении не менее 100 процентов задания и в сроки, предусмотренные протоколом совещания от 8 января с/г. под персональной ответственностью Н и Нком Перм[ской железной дороги]»³⁷.

Данное решение, касавшееся небольшого числа железнодорожных станций Сибири, было своеобразным наркомовским «экспериментом». Но уже на следующий день, 11 января 1922 г., своим приказом за № 8 Держинский включил в этот «эксперимент» еще ряд категорий сибирских тружеников. Шахтерам и грузчикам Черемховских, Челябинских и Кизеловских копий, Кольчугинских и Шестаковских рудников за выполнение январско-февральских заданий по добыче и погрузке угля, а возчикам Ураллеса и Сиблеса за усиленную подвозку к железным дорогам дров была обещана система премирования хлебом и деньгами с указанием отдельным пунктом, что «вышеупомянутый фонд не подлежит расходованию ни на какие цели помимо указанных в приказе и расходуется только в случае исполнения полного программного задания»³⁸.

На «выполнение программного задания» был направлен и приказ за № 9 «По Сибирскому округу путей сообщения» от 12 января 1922 г., копия которого была направлена в Москву, потому что речь шла о приостановке действия и отмене некоторых решений центральных структур советского государства. Пойдя на такой неординарный шаг, «Наркомпуть и Уполномоченный ВЦИК и СТО» начал его с объяснения, что делает это «вследствие особо-важной работы по вывозу продовольствия из Сибири в голодающую Восточную (так ошибочно у Держинского, но имеется ввиду Европейскую. — В.П.) Россию и Центр, требующей чрезвычайного напряжения железнодо-

рожного аппарата», — а затем, — «приказал считать отмененными все поступившие из Центра распоряжения об откомандировании технического комиссарского персонала Округа Путей Сообщения и его линейных органов и в дальнейшем не производить никаких откомандирований в Центр без согласования со мной. Всем невыехавшим до сего времени сотрудникам, откомандированным в распоряжение Центра, остаться на своих местах»³⁹.

Распоряжение такого характера было свидетельством недееспособности насаждаемой большевиками системы государственного управления, которая усугубляла и без того порочные коммунистические производственные отношения. Неурядицы в Сибири и приказы Дзержинского с попыткой их устранения однозначно подтверждали невозможность наладить эффективное функционирование не только транспорта, но и всего хозяйства РСФСР. Усилия представителей ленинской когорты в виде разных начинаний, включая многочисленные реорганизационные мероприятия, менявшие структуру отраслей и ведомств, сопровождавшиеся смещением и ротацией в них комиссаров разных уровней, иные необдуманнные начинания, но объединяемые одной логикой отрицания частной собственности и товарно-денежных отношений, заканчивались однозначно — безысходностью и безнадежностью в достижении чего-то позитивного. Те, кто как В.Д. Бонч-Бруевич находились в Кремле, признавались, что «несмотря на все старания и заботы со стороны Владимира Ильича, несмотря на все совещания и постановления Совнаркома и Совета Труда и Оборона, транспорт, то улучшаясь, то ухудшаясь, все-таки все время хромал на обе ноги».

Еще 3 января 1922 г., то есть тогда, когда Дзержинский в качестве особоуполномоченного готовился к командировке, Ленин получил от заместителя председателя СНК и СТО Цюрупы информацию по вопросам, касающимся работы наркомата путей сообщения. Ответ последовал 4 января⁴⁰, когда Ленин продиктовал по телефону:

«Тов. А.Д. Цюрупе.

Сейчас говорил с Кржижановским по тем вопросам, касающимся НКПС, которые Вы сообщили мне вчера. Считал бы очень полезным, чтобы Вы устроили особое свидание хоть на $\frac{1}{4}$ часа с Кржижановским и на $\frac{1}{2}$ часа с Неопихановым (из Госплана), которого Кржижановский считает очень осведомленным и ценным по вопросам НКПС. Ленин»⁴¹.

Транспорт, будучи «хромым на обе ноги», не мог бесперебойно и ритмично выполнять функции связующего звена для всех отраслей хозяйства страны, поэтому вызывал и озабоченность, и вопросы у представителей фактически всех хозяйствующих ведомств и губернско-республиканского партийно-советского номенклатурного чиновничества. В подобных условиях Ленин, не знавший даже того, какой путь до стола проходит хлеб (в 1917 г. он признался: «О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательского труда»⁴²), в состоянии транспорта решил вникнуть лично.

В пространном послании в качестве председателя СТО, то есть главы высшей структуры государственной власти, под грифом «лично» и «секретно» в адрес сразу трех лиц: И.С. Уншлихту — заместите-

лю председателя ВЧК, В.В. Фомину — председателю Высшего совета по перевозкам, замнаркому путей сообщения, а также в копии Н.П. Горбунову — управляющему делами СНК и СТО ⁴³ Ленин написал: «Мне пришлось на днях ознакомиться лично с состоянием *автодрезин* ВЧК, находящихся, очевидно, в совместном заведовании ВЧК и НКПС. Думаю, что и для ВЧК и для НКвоен абсолютно необходимы автодрезины (я слышал, что у ВЧК их 2) в Московском узле для очень быстрых поручений, посылки архиспешно и архиконспиративно небольших (5—10 чел.) отрядов и т.п.

Состояние, в котором я нашел автодрезины, хуже худого. Беспорядочность, полуразрушение (раскрали очень многое!), беспорядок полнейший, горючее, видимо, раскрадено, керосин с водой, работа двигателя невыносимо плохая, остановки в пути ежеминутны, движение из рук вон плохо, на станциях простой, неосведомленность начальников станций (видимо, понятия не имеющих, что автодрезины ВЧК должны быть на положении особых литер, двигаться с максимальной быстротой не в смысле быстроты хода — машины эти, видимо, “советские”, т.е. очень плохие, — а в смысле минимума простоя и проволочек, с *военной аккуратностью*), хаос, разгильдяйство, позор сплошной. К счастью, я, будучи инкогнито в дрезине, мог слышать и слышал откровенные, правдивые (а не казенно-сладенькие и лживые) рассказы служащих, а из этих рассказов видел, что это не случай, а вся организация такая же неслыханно позорная, развал и безрукость полнейшие».

А в это самое время Дзержинский, продолжал свою экспедиционную миссию по Сибири с несбыточным намерением исправить деяния всех «нерадивых». Приказ под № 11 от 19 января 1922 г., направленный «ПО ВСЕМ ЖЕЛЕЗНЫМ ДОРОГАМ Р.С.Ф.С.Р.», он начал с разъяснения: «Положением об управлении железнодорожным транспортом точно и ясно определены обязанности и права администрации и Начальников отдельных органов Управлений железными дорогами. Исходя из них — вся ответственность за нормальное функционирование транспорта, исключительно и полностью возложена на указанных начальников и администраторов». «Между тем, ко мне часто поступают сведения, что некоторые из них, слагают с себя частичную ответственность, ссылаясь на вмешательство в их прямые обязанности представителей подсобных на транспорте организаций и учреждений». «... никакого двоевластия в Управлениях, депо, мастерских и вообще на железной дороге не должно быть и ссылка отдельных представителей железнодорожной администрации на подобного рода вмешательства не избавляет от ответственности за выполнение возложенных на них задач».

Пытаясь оправдать и свое собственное вмешательство, как непременный элемент партийного влияния в советском государстве, Дзержинский, подчеркнул, что «служебный долг и положение определяют права каждого и неиспользование этих прав в интересах порученного дела, отнюдь не снимает ответственности, потому что кто-то не дал возможности их осуществить. Без поддержки и помощи и сущности работы органов Союза (то есть ЦЕКТРАН. — В.Л.), ВЧК и Трибуналов невозможно было бы справиться с восстановлением транспорта, но задачи этих органов точно предусмотрены существующим

законоположением». «Задачей органов ВЧК и Трибуналов является: помощь НКПС в деле налаживания транспортного хозяйства путем борьбы с политической контрреволюцией, уголовными и должностными преступлениями».

Заканчивался этот приказ недвусмысленной ремаркой: «Ввиду изложенного предупреждаю администрацию железных дорог, что с момента опубликования настоящего приказа никакие ссылки на вмешательство в их распорядительные функции к ослаблению ответственности не повлекут»⁴⁴.

В преамбуле приказа за № 17, телеграфом под грифом «Вне всякой очереди» направленного в города Ново-Николаевск, Томск, Красноярск, Барнаул, Семипалатинск, Челябинск, Тюмень, Павлодар, Славгород, Петропавловск, в адрес Сибревкома и подчиненных ему губернских и уездных исполкомов Держинский признал целый ряд задач, которые ему так и не удалось решить: «огромное количество заготовленных в Сибири семян, подлежащих вывозу в центр, все еще продолжают оставаться на сыпных пунктах и станциях железной дороги за тысячи верст от полей голодающего Поволжья. Снова надвигается угроза голода из-за необсеменения полей, если только не будут напряжены сверхъестественные усилия по переброске семян в течение первой половины февраля». «Осталось только пятнадцать дней».

Далее, обнажив проблему относительно «сотни тысяч пудов мяса, подлежащего перевозке из Сибири в мороженом виде, [которые] с наступлением весенней оттепели могут подвергнуться порче, если не будет теперь же погружено и вывезено на холодильники Центральной России», — пообещал, что он «как уполномоченный ВЦИК, временно прекратит все грузовые непроизводительные перевозки на выход в Россию» и «до минимума сократит внутрикраевые перевозки Сибири и Восточной Киргизии».

После чего, возвращаясь к своим же прежним распоряжениям, Держинский заявил: «...мною преподан боевой нижеследующий приказ по выполнению плана Сибирских перевозок» и сослался на «Приказ № 102 по Сибирскому Округу Путей Сообщения 4 февраля 1922 года». Для его исполнения им были названы ежедневные задания по вывозу продовольствия структурными подразделениями в период с 1 по 15 февраля в количестве 173 вагонов семян и 63 вагонов мяса. При этом безнадежность выполнения приказа представляла уже в том, что задания на 1 февраля исходили только от 4 февраля, то есть задним числом. Кроме того, пункт под № 28, гласивший, что «настоящий приказ объявить по телеграфу и вступает в силу с момента его получения», его реализацию отодвигал фактически на еще более поздний срок. При этом содержащиеся в приказе речитативы типа «ПРИКАЗЫВАЮ в точности исполнить план снабжения порожняком и хлебными щитами», «не допускать никаких отступлений от этого плана», «освободить вагоны из-под выгрузки в установленные сроки», «регулярно выполнять периодический ремонт паровозов» и другие становились опять всего лишь подтверждением невыполнения этого в прошлом и таким же неутешительным прогнозом на будущее.

Однако пункт 26 гласил: «Виновных в неисполнении этого боевого задания по фронту борьбы с голодом буду привлекать согласно распоряжения председателя ВЧК тов. Держинского к суду Военного

Трибунала»⁴⁵. Дзержинский «внушал к себе только страх, и страх этот ощущался даже среди наркомов». Не забыл о личной встрече с ним один советский хозяйственник, которому довелось однажды делать доклад в Кремле в кабинете А.И. Рыкова: «Я докладывал и настаивал на отпуске большой суммы на одно крупное предприятие, которым в это время руководил... Украинский чекист Владимирова, не поднимая глаз, чертил по бумаге, а Дзержинский, сидя в углу, как случайный посторонний человек, не отводя глаз, смотрел на меня. Уверяю вас, я не трус, я видел опасность и смерть во многих случаях моей жизни, никогда не терял спокойствия и ясности мыслей при допросах в чека, но тут под этим ледяным взглядом змеиных глаз мне стало не по себе. Было трудно сосредоточиться, было трудно держать в порядке нить мыслей...»⁴⁶. Только ни рентгеновский взгляд Дзержинского, ни его облик, ни угрожающая стилистика его приказов не смогли привести российский пролетариат к каким-то значимым успехам в труде.

Не были исключением и итоги сибирской экспедиции «Народного комиссара путей сообщения и уполномоченного ВЦИК и СТО», который 28 февраля 1922 г. подписал один из последних приказов за № 30 по сибирской экспедиции, состоявший из четырех параграфов. В первом из них говорилось, что «вследствие окончания большей части семенных перевозок для голодающего Поволжья, а также ввиду необходимости моего пребывания в Центре назначить отъезд Экспедиции в Москву 4-го сего марта».

А далее, не упоминая о ситуации, сложившейся с выполнением тех задач, какие надо было выполнить к 15 февраля, а они были для советских транспортников невыполнимыми, постановил: «Наблюдение за исполнением моих распоряжений по Сибири, а также наблюдение за работой по вывозу продовольствия из Сибири, организацией водных перевозок, наблюдение за своевременным осуществлением расплаты с рабочими и информации Центра о положении дела возложить соответственно на СНКома тов. Назарова, СИБОКТЧК тов. Зильбермана, Начальника Комиссии ГиПСа тов. Ленцнера и... Полномочную Пятерку при Сибревкоме».

Заканчивался этот приказ странным «§ 4. До окончания хлебных перевозок по Сибири считать Экспедицию в полном составе по приезде в Москву продолжающей свою работу»⁴⁷.

В день отъезда Дзержинский вместе с управляющим делами экспедиции Дельгазом подписал самый короткий, всего в одно предложение, приказ № 35 от 4 марта 1922 года. В нем говорилось: «В дополнение к приказу № 30 от 28 февраля назначаю ЛЕНЦНЕРА Председателем оставленной мною, согласно означенного приказа, комиссии»⁴⁸. Росчерк пера знаменовал конец продолжительной сибирской командировки Дзержинского.

В Москву он вернулся 8 марта 1922 г. и вскоре, как утверждала его жена С.С. Дзержинская, «сделал на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в марте 1922 года доклад о состоянии транспорта и о политическом положении в Сибири...»⁴⁹. Это утверждение вызывает сомнения по двум причинам: во-первых, даже советские исследователи, отражая события «сибирской экспедиции», об этом факте не упоминают⁵⁰; во-вторых, и это наиболее существенно, Ленин по причине

«недостаточно удовлетворительного состояния здоровья» с 6 по 25 марта 1922 г. был «на отдыхе в Корзинкино близ с. Троицкое-Лыково Московской губернии»⁵¹. То есть получается, что обстоятельного доклада Дзержинского о поездке в Сибирь скорее всего в марте 1922 г. не было. Хотя это не может исключать того, что с кем-то по телефону или при встрече он своими впечатлениями об экспедиции поделился. Так, например, в примечании к одному из томов ленинского эпистолярного наследия есть информация о разговоре Дзержинского с председателем Госплана Г.М. Кржижановским.

Ясно, что для оценочных суждений и выводов после неудачных результатов сибирской командировки необходимо было какое-то время. Затягивавшееся молчание прервала беседа с Дзержинским сотрудника газеты «Известия», опубликованная 21 марта 1922 года. Констатируя, что «транспорт оказался в очень тяжелом состоянии», Дзержинский сказал: «Потребовался чрезвычайно сильный нажим, с одной стороны, и большая помощь со стороны моей экспедиции и Сибревкома – с другой, чтобы транспорт сумел встать на ноги». Далее, сделав акцент по обычной марксистско-ленинской методологии на так называемые «объективные» причины, что «сильно затормозили работу пронесшиеся в феврале бураны, которые продолжались свыше 2-х недель в самых важных пунктах на Алтайской, Южно-Сибирской и Кольчугинской линиях», перешел к победному утверждению: «Все же все семенные и мясные погрузки транспорт *выполнил на 100 процентов и в заданный срок*», а закончил фразой, несущей в себе попытку скрыть невыполнение задуманных объемов перевозок тем, что «в настоящее время производится перевозка внутрисибирских семенных грузов и вывозка продовольствия»⁵².

Спустя чуть более полугодия, выступая 3 октября 1922 г. на съезде работников железнодорожного и водного транспорта, Дзержинский, оценивая работу своего ведомства, привел характерный пример: «Когда в начале 1922 г. Совет Труда и Оборона уполномочил меня для поездки в Сибирь, чтобы выполнить программу, намеченную по вывозке хлеба из Сибири, мы пришли к единогласному выводу: 250 вагонов ежедневной погрузки и перевалки через Урал мы можем взять на себя. Но оказалось, что мы не могли и 70 вагонов погрузить. При расчетах все было прекрасно, а оказалось, что ... все сведения, которые нам дали, были чепухой»⁵³.

В советской литературе повторялась цитировавшаяся выше фраза Дзержинского, при этом усеченная на два слова: «... все семенные и мясные погрузки транспорт *выполнил на 100 процентов и в заданный срок*». Кроме того, называлась без ссылки на источники одними авторами цифра «4 млн пудов семян»⁵⁴, другими — «15 млн пудов хлебных грузов и до 1,5 млн пудов мяса»⁵⁵.

На самом же деле транспорт продолжал пребывать в состоянии вяло текущего коллапса. Председатель Госплана Кржижановский в письме к Ленину, которое тот прочел 19 марта 1922 г., ходатайствуя об утверждении намеченного им состава президиума Госплана и прося назначить «заглавную» тройку, одновременно предложил и ряд мер по улучшению руководства железнодорожным транспортом, в частности, изменения в составе коллегии Наркомпути⁵⁶. При этом Кржижановский рассказал о своих беседах с наркомом путей сообще-

ния Дзержинским, во время которых он «предлагал ряд мер улучшения руководства железнодорожным транспортом — преобразовать коллегия НКПС и привлечь туда необходимых специалистов; сократить разбухший центральный аппарат, направив освободившихся работников на места; разгрузить центральный аппарат от непосильных хозяйственных функций, переложив их на правления дорог и введя в состав последних представителей важнейших экономических организаций соответствующего района, и др.». В заключении Кржижановский писал: «Я прочел это письмо по телефону Феликсу Эдмундовичу, и он заявил, что подписывается под всем вышеизложенным»⁵⁷.

Оценка предлагавшихся мер дает основание для однозначного вывода: они были направлены против всего того, что было привнесено именно большевиками-ленинцами. А это значит, что их реализация была равнозначна отказу от идей коммунизма, на что никто пойти не мог.

Примечания

1. ХЕНКИН Е.М. Поездка М.И. Калинина в Поволжье в 1921 году. — Вопросы истории. 1976, № 6, с. 204—208.
2. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. М. 1979, с. 129—130.
3. ЛЕНИН В.И. Телеграмма П.К. Кагановичу. 16 февраля 1921 года. Полн. собр. соч. Изд. 5-е., т. 52, с. 307.
4. Биографическая хроника, т. 10, с. 159.
5. Составители «Биографической хроники Владимира Ильича Ленина» из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС допустили оплошность, поместив информацию об этой ленинской надиктовке вместо тома 10 (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 10, с. 197—199), где она должна была бы быть, в том 12 (см.: Там же, т. 12, с. 230), то есть вместо 9 марта 1921 г. на 9 марта 1922 года.
6. ЛЕНИН В.И. Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину. 9.III.1921 г. Полн. собр. соч., т. 52, с. 93.
7. Там же, т. 52, с. 375—376.
8. Биографическая хроника, т. 10, с. 227.
9. Там же, с. 245, 261.
10. ЛЕНИН В.И. Телеграмма предгубисполкомам, предгубревкомам, предсибревкому, предсовтрударм Юго-востока, Урала, республикам Башкирской, Киргизской, Татарской, Горской, Украинской и Туркестана. 1 апреля 1921 г. Полн. собр. соч., т. 52, с. 315.
11. Биографическая хроника, т. 10, с. 277, 303—304.
12. Там же, с. 313.
13. ЛЕНИН В.И. А.Д. Цюрупе. 15 апреля 1921 г. Полн. собр. соч., т. 52, с. 147.
14. Биографическая хроника, т. 10, с. 318.
15. Там же, с. 358, 360—361, 363.
16. ЛЕНИН В.И. Телеграмма М.И. Фрумкину и Сибпродкому. 28 апреля 1921 г. Полн. собр. соч., т. 52, с. 320—321.
17. Биографическая хроника, т. 10, с. 378.
18. ЛЕНИН В.И. Телеграмма Сибревкому и Сибпродкому. 4 мая 1921 г. Полн. собр. соч., т. 52, с. 322—323.
19. Там же, т. 52, с. 447.
20. Биографическая хроника, т. 10, с. 383.
21. ЛЕНИН В.И. Телеграмма И.Н. Смирнову. 6 мая 1921 г. Полн. собр. соч., т. 52, с. 323.
22. Там же, т. 52, с. 480; Биографическая хроника, т. 10, с. 397.

23. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 404.
24. ЛЕНИН В.И. В.М. Молотову. 19 мая 1921 г. Полн. собр. соч., т. 52, с. 197.
25. Биографическая хроника, т. 10, с. 647.
26. Там же, с. 653; Источник. 2001, № 2, с. 67.
27. Биографическая хроника. Т. 11. М. 1980, с. 175, 190—191.
28. Там же, с. 686.
29. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М. 1986, с. 485.
30. Жена Дзержинского датой отъезда называет 4 января 1922 года. См.: ДЗЕРЖИНСКАЯ С.С. В годы великих боев. М. 1964, с. 366.
31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 76, оп. 2, д. 85, л. 1.
32. Там же, л. 2.
33. См.: ХАММЕР А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М. 1988, с. 92—93.
34. РГАСПИ, ф. 76, оп. 2, д. 85, л. 3.
35. Там же, л. 5.
36. Там же, л. 7—8.
37. Там же, л. 6.
38. Там же, л. 9.
39. Там же, л. 10.
40. Биографическая хроника. Т. 12. М. 1982, с. 102.
41. ЛЕНИН В.И. А.Д. Цюрупе. 4 января 1922 г. Полн. собр. соч., т. 54, с. 107.
42. ЕГО ЖЕ. Удержат ли большевики государственную власть? Конец сентября — 1 (14) октября 1917 г. Полн. собр. соч., т. 34, с. 322.
43. Биографическая хроника, т. 12, с. 120—121.
44. РГАСПИ, ф. 76, оп. 2, д. 85, л. 12—13.
45. Там же, л. 22—24.
46. Цит. по: ГУЛЬ Р.Б. Дзержинский. М. 1992, с. 44, 94.
47. РГАСПИ, ф. 76, оп. 2, д. 85, л. 28.
48. Там же, л. 30.
49. ДЗЕРЖИНСКАЯ С.С. Ук. соч., с. 372.
50. См., например: ЗУБОВ Н.И. Ф.Э. Дзержинский. Биография. М. 1963, с. 275—279; ХРОМОВ С.С. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М. 1986, с. 297—337.
51. Биографическая хроника, т. 12, с. 225.
52. ДЗЕРЖИНСКИЙ Ф.Э. Результаты работ сибирской экспедиции. Беседа с сотрудником газеты «Известия». 21 марта 1922 года. Избранные произведения. Т. 1. М. 1967, с. 321.
53. ЕГО ЖЕ. Доклад на втором Всероссийском съезде работников железнодорожного и водного транспорта. 3 октября 1922 г. Там же, с. 347.
54. ХРОМОВ С.С. Ук. соч., с. 319.
55. ПАШИННИН С.А. Дзержинский Феликс Эдмундович. В кн.: Министры и наркомы путей сообщения. М. 1995, с. 191.
56. Биографическая хроника, т. 12, с. 244—245.
57. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 628.

Лейб-гвардии Конный полк в кампании 1814 г.

М.М. Фролова

Изгнав Наполеона из России, русская армия, согласно приказу Александра I, подписанному в Вильно (Вильнюсе) 25 декабря 1812 г. вступила на территорию Западной Европы «не для завоевания или внесения войны в земли соседей наших». Русская армия шла «доставить себе спокойствие, а им — свободу и независимость»¹. Настроения, царившие среди русских офицеров, прекрасно выразил прапорщик В.С. Норов (1793—1853) в письме к отцу от 18 февраля 1813 г.: «Сколь война сия не была кровопролитна, но мы охотно желаем еще сражений, чтоб получить твердый и полезный мир для Отечества нашего. Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для овладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе, говорит нам Государь наш; и мы идем на Запад с войною для мира. До сих пор мы сражались для спокойствия нашего Отечества, теперь будем сражаться для спокойствия всей Европы. Надо пользоваться расстройством неприятеля, чтоб не дать ему усилиться. Бог и победа всегда с нами, и мы идем вперед»². При этом многие «думали, что участь Наполеона решена и что в сей же год мы будем в Париже»³. Но впереди были еще полтора года напряженных трудов, жестоких сражений, горьких поражений и блестящих побед, которые стоили русской армии тяжелых утрат, и стали самыми кровопролитными за все время наполеоновских войн.

Заграничные походы 1813—1814 гг. принесли славу лейб-гвардии Конному полку, который был, по мнению современников, «самый блестящий наравне с Кавалергардским»⁴. Конная гвардия выступила в поход 17 марта 1812 г. в составе 4-х действующих эскадронов, состоя в 1-й Западной армии, в 1-й кирасирской дивизии генерал-майора Н.И. Депрерадовича. Командовал полком тогда еще полковник М.М. Арсеньев (1811—1819). Запасной 5-й эскадрон во-

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

шел в состав Сводно-кирасирского полка, который был отправлен в корпус генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна, прикрывавший Петербург. Кроме того, 1 марта 1812 г. в полку была создана особая команда, целью которой было формирование и обучение новых частей. К 1 ноября 1812 г. на ее базе в северной столице было образовано 2 резервных эскадрона ⁵.

4 эскадрона Конной гвардии отличились в сражении при Бородино, в преследовании неприятеля при его отступлении из Москвы; 5-й эскадрон участвовал в сражениях при Клясницах, Свольне, Борисове, особенно отличившись 5 августа 1812 г. под Полоцком. 25 января 1813 г. все пять эскадронов соединились в Полоцке и выступили за границу. Согласно приказу Александра I, отданному в Дрездене 13 апреля 1813 г., полк был награжден Георгиевскими штандартами с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.» ⁶. 30 мая 1813 г. к полку, размещенному во время Плесвицкого перемирия 23 мая (4 июня) — 29 июля (10 августа) в предместье Гроткау, прибыли из Санкт-Петербурга резервные эскадроны, и Конный полк был переформирован из 5-эскадронного состава в шесть действующих эскадронов и разделен на 3 дивизиона ⁷. В кампании 1813 г. лейб-гвардии Конный полк в составе 1-й кирасирской дивизии под командованием генерал-майора Н.И. Депрерадовича и «под высшим начальством цесаревича» вошел в резерв Богемской (Главной) армии. Он участвовал в битвах при Кульме и Лейпциге, а также в парадах, смотрах, учениях, которые проводил Александр I в присутствии высоких иностранных особ ⁸, выступая зримой силой в дипломатическом поединке русского императора с союзниками, прежде всего с Австрией и Англией, которые склонялись к миру с Францией, против чего были Александр I и прусский король Фридрих-Вильгельм III. Мнение русского императора одержало вверх: после длительных обсуждений на военном совете во Франкфурте-на-Майне 19 ноября (1 декабря) 1813 г. было решено продолжить войну до полного разгрома Наполеона ⁹.

25 ноября 1813 г. Конная гвардия вышла из Франкфурта и до 1 января 1814 г. находилась в постоянных переходах из одного города в другой. 6 декабря она участвовала в параде, состоявшемся у города Людвингсбурга перед королем Вюртембергским, в присутствии которого 9 декабря полк провел учения. 11 декабря Конная гвардия прошла парадом Штутгарт, 12-го находилась в Тюбингене, «22-го парадом взшла в город Фрейбург», в окрестностях которого простояла до 30 декабря ¹⁰.

Следует сказать, что парады, смотры и учения, в которых принимала участие Конная гвардия, предписывали строгое отношение к состоянию обмундирования, что в условиях войны требовало особенных усилий. Шеф полка великий князь Константин Павлович был в этом плане очень строг: «Константин Павлович не любил шутить дисциплиною и формою одежды. Всю кампанию 1813 и 1814 гг. он сам шел со своими полками, а всего чаще находился при Конной гвардии. Все время похода носил он холодную, не на вате шинель, тогда и помину не было о меховых и бобровых воротниках. Он не позволял и офицерам других шинелей, даже не допускал для себя фуфаек и курток шерстяных под мундир и другим не любил позво-

лять такие поблажки, а офицерам запрещал строго. О калошах и долгих, подбитых байкою сапогах также помину не было. Курить во время похода позволялось, впрочем, тогда курили только солдаты, а офицерское курение было в моде только в легкой кавалерии, а кирасиры были франты чопорные и чистенькие. Сам великий князь курил сигары уже после, в Варшаве, и то только дома»¹¹.

1 января 1814 г., в годовщину переправы через Неман, перейдя Рейн по мосту у Базеля, Конная гвардия церемониальным маршем прошла мимо Александра I по дороге к Базелю и вступила во Францию. Погода переходу не благоприятствовала: шел дождь, смешанный со снегом, и дул пронзительный ветер.

Войскам были даны строжайшие указания о дружественном общении с французами и о соблюдении дисциплины. В приказе Барклая-де-Толли от 16 декабря 1813 г. значилось: во Францию «мы вступаем не для мщения врагам России или завоеваний, но единственно для приобретения общего спокойствия, самими французами столь желанного и чрез так долгое время императором Франции нарушенного...». Через 2 дня для вящей убедительности был отдан новый приказ подобного содержания: «Храбрые воины! Вы победили всех, и вам остается довершить победу над одним властолюбием повелителя Франции, даровать свету мир и с признательностью его возвратиться в недра любезнейшего отечества... Мы должны уверить обитателей ее, что одна честь ведет нас к ним. Храбрость и великодушие были всегда первейшим достоинством воинов»¹².

Кампания 1814 г. лейб-гвардии Конного полка отражена в дневниковых записях поручика А.Д. Черткова (1789—1858), впоследствии историка, собирателя известной Чертковской библиотеки, губернского предводителя московского дворянства. Его дневник за 1813—1814 гг. на французском языке, сохранившийся в трех тетрадах в фонде Чертковых (Отдел письменных источников Исторического музея), был переведен и опубликован Ф.А. Петровым к 170-летнему юбилею Отечественной войны¹³. С 31 декабря 1813 г. начинается 2-я тетрадь Черткова «Мой путевой журнал, или дорожный дневник от берегов Рейна до Парижа и во время пребывания в этом городе». Историческая ценность этой тетради обусловлена тем, что о походах 1814 г. почти не сохранилось дневников русских офицеров.

1 января 1814 г. Чертков констатировал: «Во время марша сегодня мы прошли через владения 3 различных государств: ночевали в курфюршестве Баден, или точнее в Германии, обедали в Швейцарии, а пришли ужинать во Францию. Между прочим, во время обеда швейцарцы не снимают шляп»¹⁴. В Базеле, где русские офицеры обменяли свои бумажные рубли на дукаты и талеры, Чертков отметил наличие довольно хорошей кондитерской и 2—3 библиотек. 2 января был сильный мороз, эскадрон Черткова отдыхал в Мёрнахе, где крестьяне-католики говорили еще на плохом немецком, были бедны и имели очень жалкий вид. 3 января через 7 лье, в деревушке Алондоне, крестьяне-протестанты говорили на наречии, близком к французскому. «В этой стране нет высоких гор, но зато она вся покрыта холмами и пригорками, так что во время всего похода приходилось постоянно то спускаться, то подниматься; склоны, однако, довольно пологие», — записал свои наблюде-

ния Чертков после утомительного дня. И закончил: «Край довольно лесист».

4 января, преодолев 7 лье, эскадроны остановились на ночлег в деревне у местечка Виллара. Мэр деревни имел библиотеку, и офицеры воспользовались ею, так как, сокрушался Чертков, «нам нечего было читать». Из этой записи явствует, что, несмотря на трудности походной жизни, офицеры находили время для чтения. Похоже, что читали много, поскольку книг не хватало, и им приходилось даже брать их из местных библиотек. Становится также понятным, почему Чертков непременно отмечал наличие библиотек и книжных магазинов в населенных пунктах, через которые проходил маршрут его полка. В этой части Франции «почти не видно было молодых людей и очень мало тех, которые уже были призваны в национальную гвардию и дезертировали в то время, когда страна была оккупирована союзными войсками», — записал Чертков свои наблюдения.

6 января, совершив 2-часовой переход под дождем и сильным ветром, эскадроны прибыли в маленькую деревушку Конбержон, полностью разоренную и разрушенную пехотой, жители которой покинули свои жилища. 7 января прибыли в Везуль, город довольно жалкий, по мнению Черткова, но в то же время имевший 2 библиотеки.

10, 11 января был очень сильный мороз, затем снегопад с пронзительным ветром, а в домах, где они останавливались, не было даже печей. Такой Францию никто из русских офицеров себе не представлял. Как замечал капитан А.И. Михайловский-Данилевский, в будущем генерал-лейтенант и военный историк, «квартиры наши во Франции были самые невыгодные; дома французов строятся не для зимы, а для лета, и потому холод в горницах их был для нас, привыкших к теплу, нестерпим... Жителей Франции мы нашли несравненно на низшей степени образованности, нежели немцев, а потому удивление почти всех наших офицеров, надеявшихся, по внушениям своих гувернеров, найти во Франции Эльдorado, было неописано при виде повсеместных в деревнях и в городах бедности, неопрятности, невежества и уныния»¹⁵.

Чертков вновь и вновь поражался бедности французских крестьян и их жилищ в тех департаментах, через которые они проходили. «К их каменным домам можно приложить старую поговорку — “Внешность обманчива”; т.к. снаружи они имеют еще кое-какой вид, но когда в нихходишь, то с трудом находишь уголок, где можно расположиться. Большая часть их не имеет пола, в других положена лишь каменная плита, и комнаты очень неопрятные, печки расположены в середине комнаты и вместо тепла дают только дым. Крестьяне не имеют даже свечей: комнаты освещаются лампадами; вместо сапог и башмаков они носят сабо». Сабо произвели неизгладимое впечатление и на генерал-майора А.А. Писарева, который писал: «Все вообще жители обоих полов в селах и деревнях, исключая разве больших добрых городов, носят деревянные башмаки, тяжестью и беспокойством равняющиеся с кандалами»¹⁶.

Черткова интересовало социально-экономическое положение французов. Из расспросов и разговоров с местными жителями русский офицер установил, что мэры, управлявшие деревнями, были хуже сеньоров, которые были до революции, поскольку всячески притес-

няли их и грабили. Чертков обратил внимание на высокие налоги, которые платили крестьяне. Они взимались даже с каждого окна и двери. В общем, заключил Чертков, местные жители были очень недовольны правительством и особенно Наполеоном, «который был виновником всех их бедствий»¹⁷.

После нескольких дней отдыха Конная гвардия вновь двинулась в путь. 17 января, входя в город Лангр, Чертков обратил внимание на римскую дорогу, по которой они прошли. 20 января, пройдя Барсюр-Об, полк расположился на биваках, а Чертков с корнетом Н.И. Жадовским «остались в некоем подобии комнаты, совсем разбитые, но все-таки провели ночь спокойнее, чем на биваках». Чертков констатировал здесь же: «весь день и следующую ночь шло сражение в 2 лье от нас»¹⁸, то есть при Ла-Ротьера. 20 января 1814 г. русские войска выбили французов из Ла-Ротьера и принудили Наполеона отступить к Лемону, в результате чего открывалась дорога на Париж. Военные историки иногда называют два сражения — 17 января и 20 января — боем при Бриенне. Через два дня стали известны подробности битвы, и Чертков не удержался и занес сведения об этой победе в свой дневник: «В результате позавчерашнего сражения взято 56 пушек, около 5000 военнопленных, была разбита 70-тысячная армия под командованием самого Наполеона».

22 января эскадроны остановились на отдых в деревне Моролль, где не было ни хлеба, ни других съестных припасов, но офицеры нашли вино. Здесь конногвардейцы были расквартированы вместе с егерями, лейб-гвардейскими Литовским и Финляндским полками и кавалергардами. «Наши солдаты вынуждены были находиться на этом подобии биваков весь день», — отметил Чертков.

Проходя деревню за деревней, русские офицеры все более и более поражались нравам и бедности их жителей. «Французские крестьяне носят балахоны или рубахи из грубой белой или голубой ткани, они их надевают под одежду. В хижине они всегда ходят в шляпах... даже во время обедов; жители городов употребляют пудру, а большая часть крестьян завязывает свои волосы в большие хвосты». О деревне Клери 30 января появляется следующее наблюдение: «Здесь начинаются деревянные дома, или точнее говоря, их подобие, состоящее из нескольких балок, расположенных довольно далеко одна от другой, промежутки которых заполнены глиной или известью, смешанной с рубленой соломой. В самых больших из них имеется лишь одно окно, в других вовсе нет ни окон, ни печей, ни пола — вот то, что французы называют своей «прекрасной Францией»»¹⁹.

31 января Конная гвардия, выйдя в поход в 4 час. утра, в 11 час. вступала в город Труа, полагая, что путь на Париж уже открыт. Великий князь хотел было устроить парад, однако, к его большому неудовольствию, император полк не увидел. Чертков добавил, «и хорошо сделал», так как «наши солдаты в своих старых мундирах и наши деревенские лошади представляли собой жалкое зрелище». В деревне Павильон конногвардейцев поразили действия баварских войск, которые «не удовлетворившись полным опустошением и разграблением бедных жителей этой деревни», без всякой надобности «осквернили даже местную церковь». Командир полка генерал-майор Арсеньев приказал солдатам ее вычистить. В дневнике Чертков постоянно кон-

статировал разорение местных жителей, чинимое также и австрийскими войсками, от которых французы прятались по лесам.

Этнографические наблюдения Черткова сопровождались сопоставлениями с русскими реалиями. Чертков обратил внимание, что «крестьяне не имеют печных горшков, самые бедные из них нуждаются в хлебе, имея 1—2 ломтя в хижине». Не только непогода, но и голод был постоянным спутником офицеров: трудно было достать продовольствие и корм для лошадей. Чертков писал: «Тот хлеб, что нам дали в этой части Франции, был совсем черный, и даже наши лошади не съели его ни крошки. Вот они, французы, которые пришли к нам в Россию; несмотря на их так называемое отвращение к черному хлебу русских крестьян, мы нигде во Франции не могли найти белого хлеба, даже в самых больших городах, как Труа, Лангр и т.д. Только нескончаемые муки голода могли заставить нас взять несколько ломтей их абсолютно кислого хлеба»²⁰. Писарев также отмечал, что «белой хлеб их хуже нашего ржаного, всегда недопечен и с песком, да и цветом то красный, розовой, серый от дыму и копти»²¹.

Поражение, которое нанес Наполеон Силезской армии Блюхера 2 февраля 1814 г., нерешительность и медлительность Шварценберга, обусловленные двуличием австрийского кабинета, заставили союзников несколько раз то отступать от Труа, то опять приближаться к Сене. С 5 до 14 февраля Конная гвардия отступала до Лангра среди опустошенной страны. Солдаты и офицеры страдали невероятно все это время, так как были сильные морозы. Только 14 февраля они получили квартиры в Бренне, сделав 10-часовой переход. Чертков отправился с штабс-ротмистром Я.К. Кноррингом-младшим в Лангр, где они пообедали у генерал-лейтенанта Н.М. Бороздина (1777—1830), командира 1-й Драгунской дивизии.

16 февраля Конный полк выступил в поход, так как Главная армия союзников перешла в контрнаступление. 28 февраля Чертков вместе с Н.А. Татищевым, корнетом Конной гвардии из камер-пажей (ум. в 1818 г.), в деревне Нинвиль получил довольно хорошую квартиру, но не было корма для лошадей. С 1 по 6 марта полк проходил через полностью разрушенные деревни, где осталось мало жителей и нечего было есть. Затем вся армия расположилась на виду у неприятеля. О кампании 1814 г. поручик лейб-гвардии Конного полка Ф.Я. Миркович (1789—1866), впоследствии генерал от инфантерии, сенатор, Гродненский, Минский и Белостокский генерал-губернатор, Виленский военный губернатор вспоминал: «в продолжение нашего похода во Франции мы большей частью останавливались на биваках, что довольно было трудно. В зимнее время года, хотя снегу почти не бывает, но холодно, сыро, ветры сильные. Продовольствие было скудное, и трудов и лишений было много. Иногда нас ставили по деревням»²².

12 марта в Соммпюи Александр I созвал военный совет (М.Б. Барклай де Толли, князь П.М. Волконский, И.И. Дибич и К.Ф. Толь), на котором было решено всеми силами двинуться на Париж, оставив лишь небольшой отряд против Наполеона. Шварценбергу пришлось согласиться. 13 марта началось движение союзников к Парижу. Они располагали для этой цели 170 тыс. войск. В тот же день произошел

случайный для обеих сторон двойной бой у Фер-Шампенуазе. Сражение при Фер-Шампенуазе, по мнению военных историков XIX в., представляет интересный, даже блистательный пример победы, одержанной с ходу, без всякой предварительной подготовки «исключительно конницей над многочисленной пехотой с довольно значительной кавалерией»²³.

Французские маршалы Мармон и Мортье, проходившие через Фер-Шампенуаз, маленький городок в Шампани на дороге из Витри через Сезанн в Париж, на соединение с Наполеоном, неожиданно встретили кавалерийский отряд генерал-лейтенанта П.П. Палена²⁴, шедший в голове корпуса Евгения Вюртембергского — авангарда Главной армии. Кавалерия пошла в атаку, которая была отбита артиллерийским огнем. Подоспевшая пехота и конная артиллерия из корпуса Евгения Вюртембергского вступили с французами в перестрелку. Между тем Барклай-де-Толли, слыша сильную канонаду в авангарде, приказал лейб-гвардии Драгунскому и Уланскому полкам идти на помощь. Он также хотел послать в бой 3-ю кирасирскую дивизию, но находившийся тогда при нем Н.И. Депрерадович указал, что эта дивизия по отдаленности не могла подоспеть вовремя, и просил дозволения идти в дело со своими 4 полками, со времени перехода за Рейн еще ни разу не бывшими в огне.

«На полных рысях понеслась 1-я кирасирская дивизия к месту битвы и нашла корпуса французских маршалов отступающими эшелонами к Соммесу». Дойдя до селения Конантре, французы пытались удержать натиск прибывшей дивизии, но напрасно. Кирасиры ворвались в ряды неприятеля и дезорганизовали их сопротивление. Два раза выставленные против русской кавалерии кирасиры Бордесуля были опрокинуты. Французская Молодая Гвардия неоднократно пыталась выстроить каре, два из них были изрублены, генерал Жамен был взят в плен, а уцелевшие солдаты скрылись в ущельях Конантре, где обошедший их авангард Палена, нагнав панический страх, довершил всеобщий разгром. Конница французов хотела остановить неудержимые атаки русских кирасир, но была в свою очередь смята. Бросая оружие, зарядные ящики и обозы, устилая дорогу убитыми, бежали французы к Фер-Шампенуазу, преследуемые нашими войсками. Разверзшиеся небеса бурей с градом, порывистым ветром увеличили бедственное положение неприятеля»²⁵. Адъютант генерала Н.Н. Раевского К.Н. Батюшков описывал Н.И. Гнедичу это сражение так: «На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывавших столицу и под Fer-Champenoise их проглотили. Зрелище ужасное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь. Под вечер сделалась травля французов. Пушки, знамена, генералы, все досталось победителю. Но и здесь французы дрались как львы»²⁶.

В ходе сражения было взято более 40 орудий: кавалергардами — 6 стволов, конногвардейцами — 6, кирасирами Его Величества — 3, лейб-гвардии уланами — 6, лейб-гвардии драгунами — 2, войсками графа Палена — 20. В приказе от 29 марта 1814 г. Барклай-де-Толли отмечал: «Первая кирасирская дивизия и полки лейб-гвардии Драгунский и Уланский в сражении 13 числа с.м. при Лафершампенуазе

оправдали совершенно ту доверенность, которую каждый имеет к сему благоустроенному войску при первом на него взгляде. Они, под предводительством Его Императорского Высочества Константина Павловича, истребив целые колонны пехоты, овладев значительным числом артиллерии и разбив всю неприятельскую кавалерию, приобрели тем себе неоспоримое право на преимущественное присвоение победы, в сей день одержанной...»²⁷.

В начале боя со стороны французов сражалось около 17 тыс. чел. с 68 орудиями против 5 700 чел. кавалерии Палена с 36 орудиями. С приходом резервов число союзных войск возросло до 12 тыс. чел. с 94 орудиями. Из них только 4 тыс. вюртембергских и австрийских войск. Всего французы потеряли около 11 тыс. чел., из них 6 тыс. было взято в плен, орудий было отбито и найдено на поле сражения — 75. Потери союзников составили 2 тыс. человек. Битва при Фер-Шампенуазе, значительно ослабив французские войска, облегчила союзникам покорение Парижа. В продолжение всего периода войн с 1792 по 1814 гг. кавалерия, как писал М.И. Богданович, никогда не имела столь блистательного успеха²⁸. 30 августа 1814 г. Александр I пожаловал лейб-гвардии Конному полку серебряные трубы с Георгиевскими крестами и надписью «За храбрость против неприятеля при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г.»²⁹.

Чертков записал о бое лишь следующее: «Наш полк был на левом фланге Союзной армии. В 5 час. вечера мы атаковали французскую батарею и, опрокинув войска, которые ее защищали, захватили пушки. Наша армия одержала в этот день решающую победу, и корпус маршала Мортье отступил, мы больше не сомневались в возможности быть в Париже, что и осуществилось спустя несколько дней»³⁰.

В 1866 г. в газете «Русский инвалид» за 13 марта, в день сражения при Фер-Шампенуазе, были опубликованы воспоминания Ф.Я. Мирковича, который сетовал на то, что о подвиге Конной гвардии в «фер-шампенуазском деле ни в одном из наших военных сочинений о кампании 1814 г. не упоминается». Но «встречаются такие действия полков, которые, не имея важного значения для историка, не должны для чести полка оставаться в забвении». Миркович хотел, чтобы его рассказ очевидца присоединился к летописи тех подвигов лейб-гвардии Конного полка, которые он совершил под Аустерлицем, Фридрихсдорфом, Бородиным, Кульмом. Миркович писал, что великий князь Константин Павлович, «прискакав к Конной гвардии, которая стояла в эскадронной колонне под неприятельским огнем, лично приказал 4-му эскадрону выехать из колонны направо и атаковать 6-ти орудийную батарею, а лейб-эскадрону атаковать пехотное каре. Оба эскадрона поскакали одновременно в карьер: 4-й под команду ротмистра графа Тышкевича сбил кавалерийское прикрытие батареи». Поручик Александров со своим взводом по приказанию Тышкевича захватил 4 орудия, «когда неприятель брал их на передки с намерением уехать», а также 1 офицера и 12 рядовых. Другие 2 орудия, «у которых лошади и прислуга были перебиты, были свезены с поля сражения». Ротмистр Лукин, «бросившись с лейб-эскадром на угол каре Молодой гвардии, выдержал ружейный залп в упор и, прорвав каре, изрубил часть онаго, а остальную рассеял». Миркович указывал, что в этом деле участвовало только 2 эскадрона и «не более как в

полчаса времени успели рассеять несравненно превосходившего неприятеля». Было ранено 5 офицеров, 15 нижних чинов выбыло из строя, строевых лошадей убито 51. Миркович сообщил о наградах, полученных только Лукиным, Тышкевичем и Александровым ³¹. Однако в книге Анненкова представлен достаточно внушительный наградной список: 51 офицер, получивший награды ³². Например, золотые шпаги с надписью «за храбрость» — 5 чел., в их числе штабс-ротмистры Ф.Я. Миркович и его младший брат А.Я. Миркович (1793—1888). По сведениям Анненкова был ранен 1 офицер и убито 3 рядовых ³³. Без сомнения, вспоминая Мирковича ценны, но, вероятно, читать их нужно, имея перед собой фундаментальное исследование о кампании 1814 г., основанное на документах.

Примером еще больших провалов в памяти современников могут служить любопытные материалы — «Из рассказов старого лейб-гусара», напечатанные в журнале «Русский архив» (1887). Под ними вместо подписи стояла аббревиатура «кн. А.Н. Г.», которые можно легко расшифровать благодаря указаниям в тексте и установить, что автором был князь А.Н. Голицын (1830—1911), сын князя Н.Я. Голицына (1788—1850), сослуживца Черткова, впоследствии генерал-майора, командира 2-й бригады 1-й Кирасирской дивизии. Голицын служил в лейб-гвардии Гусарском полку (1848—1858), был зятем Черткова и владельцем библиотеки, которая впоследствии вместе со знаменитой Чертковской библиотекой была подарена г. Москве. На базе Чертковской библиотеки в 1863 г. начал выходить известный журнал «Русский архив», главный редактор которого, П.И. Бартенев, был библиотекарем в Чертковской библиотеке. Со слов своего отца А.Н. Голицын рассказал о курьезном эпизоде, имевшем место во время сражения при Фер-Шампенуазе. Когда затрубили тревогу, было ранее утро, и «многие по бивуакам спали». Полковник Захаржевский, «человек страшной толщины и подагрический», второпях надел поданную камердинером шубу, которая накануне вечером для просушки была выворочена мехом наружу. От холода «мех заскоруз и стоял дыбом». В качестве исключения Захаржевскому, «старому уже дивизионеру», из-за болезни великий князь дозволил в походе носить енотовую шубу. Захаржевский надел каску, лядунку, палаш сверх шубы, большие сапоги со шпорами. В этом виде, как вспоминал Н.Я. Голицын, он был похож на огромного медведя. Он «уселся на лошадь, выхватил из ножен огромный палаш и понесся вихрем во главе своего дивизиона». Французские пехотинцы, «видя эту гигантскую массу русских кирасир, скакавших на них, да еще впереди одного дивизиона медвежью фигуру огромного Захаржевского, обратились в бегство и побросали ружья». Офицеры и сам Александр I, «свидетель этого дела и бывший в это время сам в огне», «долго смеялись и рассказывали о том», что «фигура Захаржевского много способствовала успеху дела» ³⁴.

Но память, похоже, подвела Голицына: он перепутал время вступления в бой Конной гвардии, а также неверно назвал фамилию героя этого рассказа. В лейб-гвардии Конном полку в то время действительно служил Г.А. Донец-Захаржевский (1792—1845), но в 1814 г. он был еще корнетом, а звание полковника получил только в 1823 году ³⁵. Он был молод, высокого роста и худощав. После ранения в

живот пулей навывлет во время сражения при Фер-Шампенуазе он очень быстро растолстел и имел вид «огромной бочки». Голицын вновь ошибся, отметив, что впоследствии он был комендантом Царского Села. Г.А. Захаржевский с 1838 г. служил комендантом Санкт-Петербурга ³⁶, а управляющим Царскосельским дворцовым управлением и полицией Царского Села в 1817 г. был назначен Я.В. Донец-Захаржевский (1780—1865), впоследствии генерал от артиллерии, у которого в сражении при Лейпциге ядро оторвало правую ногу ниже колена. Очевидно, случай во время боя при Фер-Шампенуазе, описанный Голицыным, все же имел место и с удовольствием рассказывался конногвардейцами, но шуба принадлежала другому человеку, только кому?

Современный историк В.М. Безотосный, соглашаясь с мнением, что сражение под Фер-Шампенуазом являлось примером «очень удачного боя конницы против пехоты», тем не менее, отмечает, что «во многом значение Фер-Шампенуаза оказалось поднятым в литературе благодаря участию в тот день элитной гвардейской кавалерии, да еще на глазах своего императора, принявшего личное участие в одной из атак» ³⁷.

На другой день, 14 марта, в четвертом часу утра войска двинулись к Парижу. Париж — город, который почитался столицей мира, «который в течение веков давал уставы во вкусе, в модах и в просвещении, в котором хранились сокровища наук и художеств и который вмещал в себе все утонченные наслаждения жизни» ³⁸. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Погода во все время благоприятствовала, и мы обыкновенно выступали при первых лучах солнца. Александр I в сопровождении прусского короля, его сыновей, графа Платова, фельдмаршала князя Шварценберга, английского посла Каткарта несколько раз в день объезжал Гвардейский и Гренадерский корпусы, приветствовал генералов и полковых начальников, которые все почти его воспитанники, ибо образовались в гвардии пред его глазами. Громкие и сердечные восклицания “Ура!”, барабанный бой и музыка возвещали прибытие Его Величества к каждому полку» ³⁹.

17 марта Париж отстаивали большей частью поляки. Успех под Парижем был куплен дорогой ценой: союзники потеряли 18 (30) марта 8,4 тыс. чел. (в том числе русские — 6 тыс.). В день сражения у Монмартрских высот гвардия, расположенная за Пантеоном и Роменвилем, находилась в резерве, 18 марта в полковом приказе Конной гвардии значилось: «Завтрашнего числа поутру к 7 часам полку быть в совершенной готовности для вступления в Париж в наилучшей чистоте» ⁴⁰. «Везде кипела усиленная деятельность, везде воины, прошедшие из конца в конец Европу, чистили одежду, оружие, конскую сбрую, офицеры примеривали лучшие мундиры», — описывал Михайловский-Данилевский тот памятный вечер. «Тайное предчувствие говорило каждому, что война прекращена, и каждый переносился мысленно в Отечество свое. В эту минуту торжествовала Россия; общая радость превратилась в безмолвие; у многих видны были на глазах слезы...» ⁴¹.

19 марта император Александр I в сопровождении союзных ему государей вступил в столицу Франции. Необозримые толпы народа наполняли улицы, кровли и окна домов. Шествие продолжалось более четырех часов. Сначала шли австрийцы. Французы же были пора-

жены необыкновенной красотой русских Гвардейского и Гренадерского корпусов. По свидетельству маркиза Лондондери, «все, что можно сказать о русских резервах, останется ниже действительности. Когда подумаешь о трудах, перенесенных этими людьми, из коих многие, прибыв от границ Китая, в короткое время прошли пространство от Москвы до Франции, исполняешься чувством ужаса к необъятной Российской империи»⁴². Конная гвардия, войдя в Париж через ворота Сен-Мартен, двинулась по бульварам, через площадь Людовика XV (площадь Согласия или Революции), причем русские кирасиры замыкали торжественное шествие. На Елисейских полях войска прошли церемониалом перед союзными монархами, после чего Конная гвардия заняла отведенные ей казармы Военной школы близ Марсова поля, где также разместились кавалергарды и лейб-гвардии Финляндский полк. «Несколько дней спустя кавалергарды и пруссаки отправились в Версаль, а Конная гвардия и лейб-гвардии Казачий полк остались в Военной школе». Офицеры имели право выбора: жить в казармах или в городе.

Деньги были розданы по повелению Александра I чуть ли не накануне в размере двойного и тройного жалованья за все три кампании 1812, 1813 и 1814 годов. «Все разбрелось, не приходило в казармы и на квартиры по несколько дней сряду. Оставались при должности только дежурные офицеры. И тут-то вздумал великий князь произвести ученье своему Конногвардейскому полку на третий день вступления. Ему захотелось показать любимый полк свой в блестящем виде французским маршалам. Посылают накануне приказ в полк — никого из офицеров нет. Никто не приходил и к утру. Наконец, в 11 часов по приказу полк выезжает, но перед эскадронами все вахмистры да унтер-офицеры. Великий князь вне себя кричит, мнет шляпу, говорит, что все офицеры по возвращении под арест на 2 недели... В Париже-то! Узнав про это, император, призвав брата, усовестил его и приказал всех выпустить»⁴³, — рассказывал со слов своего отца Голицын.

«Странную картину являл в то время сей большой город. Врагов, вступивших в него с оружием в руках, большая часть населения столицы приветствовала как освободителей, и это в то время, когда в мире еще гремела слава французов... Правда, сложившиеся обстоятельства объясняют (если не оправдывают) заблуждения, охватившие умы парижан. С одной стороны, все устало от войны; с другой — победители всеми возможными средствами старались заставить забыть о своей победе. В то время император Александр, несомненно, проявил благородные и прекрасные черты характера; напрасно было бы искать в истории другой пример такого великодушия и благородства со стороны победителя»⁴⁴. Александр I «вступил в Париж не при проклятиях и оскорблениях, а при радостных восклицаниях жителей вражеской столицы. Впрочем, возгласы и восторги ветреных, легкомысленных французов менее, нежели ничего»⁴⁵.

Наступила Страстная неделя. Последовал приказ по армии, воспрещавший офицерам и солдатам посещение на это время театров, шумных народных собраний и всяких публичных увеселений. 29 марта на Пасху с раннего утра русские войска были расставлены по улицам и по площади Людовика XV. Прекрасная весенняя погода придавала

более блеска торжеству. Русский император в сопровождении прусского короля, объехав войска, прибыл на площадь, на которой русские священники служили молебен. Александр I и все окружавшие его преклонили колени на месте, где за 20 лет до того пролита была кровь французского монарха⁴⁶. Александр I в беседе с князем А.Н. Голицыным, исполнявшим в 1803—1816 гг. должность обер-прокурора Святейшего Синода, впоследствии министр народного просвещения, так передал впечатление о том молебне: «На то место, где пал кроткий и добрый Людовик XVI, я привел и поставил своих воинов; по моему приказанию сделан был амвон; созваны были все русские священники, которых только найти было можно; и вот, при бесчисленных толпах парижан всех состояний и возрастов, живая гекатомба наша вдруг огласилась громким и стройным русским пением... Все замолкло, все внимало!... Торжественная была эта минута для моего сердца; умилителен, но и страшен был для меня момент. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтоб в земле иноплемеников, столь недавно еще нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны Севера совершали как бы тризну по короле французском. Русский царь по ритуалу православному всенародно молился вместе со своим народом и тем как бы очищал окровавленное место пораженной царственной жертвы. Духовное наше торжество в полноте достигнуло своей цели; оно невольно втолкнуло благоговение и в самые сердца французские»⁴⁷. Гром русских пушек разнесся по Парижу.

Конная гвардия участвовала в парадах 19 апреля 1814 г. на Марсовом поле, когда Константин Павлович лично раздал награды отличившимся при Фер-Шампенуазе 22 апреля на Карусельной площади в присутствии нового короля Франции Людовика XVIII и 18 мая на Марсовом поле перед самым выходом войск из Парижа. Офицер Преображенского полка П.С. Деменков вспоминал о том, что из-за того обстоятельства, что Людовик XVIII был уже старым и довольно тучным для верховой езды, а Александр I желал показать свою гвардию во всем ее блеске, несмотря на перенесенные ею трудности, «придуманно было пройтись русской гвардии церемониальным маршем повзводно по Тюильрийской набережной вдоль реки Сены к мосту Согласия (Конкорд) мимо одного из боковых павильонов Тюильрийского дворца». Во время прохождения гвардии у одного из открытых окон, выходивших на набережную, стоял французский король, «улыбающийся и благодарящий наклоном головы, когда проходящие по очереди знамена салютовали ему». Александр I, «вероятно, называл ему по именам славные полки свои»⁴⁸.

Конный полк простоял в Париже почти 3 месяца, но в тетради Черткова записи велись не ежедневно. Отсутствие в них прежнего деления по датам и помещение всего текста под общим заглавием «Несколько заметок о Париже» заставляют предполагать, что эти записи делались ретроспективно. Причем сама манера повествования изменилась, Чертков писал теперь не только для себя, но явно рассчитывал на читателя.

Чертков внимательно изучал жизнь Парижа, стараясь не пропустить ничего важного. Несколько страниц дневника он посвятил описанию города, дворца Пале-Рояль, известного своими ресторанами и увеселительными заведениями («Этот дом — подробная и истинная картина того, к чему приводит разгул страстей»), Отеля Дье, одной из старейших больниц Парижа, основанной в VII в. при соборе Нотр-Дам, церкви Инвалидов. Как завзятый театрал Чертков не преминул побывать на представлениях во всех 8 театрах города, в которых спектакли начались на второй день по вступлении войск в Париж. Наблюдая в его жителях великую страсть к театру, Чертков удивился отсутствию элементарной нумерации мест на билетах, что порождало между зрителями ссоры, которые часто заканчивались дуэлями в Булонском лесу. Вкусив ожесточение боя и остро прочувствовав ценность бытия, Чертков советовал благоразумно покинуть зал, «ибо человеческая жизнь столь коротка, что бессмысленно дать себя убить из-за места в театре»⁴⁹. Эта запись свидетельствует о том, что он стал рассудительней.

Париж запомнился Черткову не только своими бульварами, театрами, радушием парижан к русским офицерам, веселым характером, разнообразием увеселений, но и богатейшими музеями, в которых были собраны Наполеоном сокровища всей Европы.

Чертков не смог забыть французской гильотины на площади Грев, где был построен эшафот. Он и его товарищи, заплатив 2,5 франка с человека, могли видеть из окна соседнего дома, как был казнен молодой человек, осужденный за изготовление фальшивых монет⁵⁰. Полковник П.С. Пущин также присутствовал на этой казни, которая состоялась 14 мая, в четверг, и произвела на него тяжелое впечатление: «Несчастливого привез жандарм на повозке. Он не взошел на эшафот, его понесли, так как он был без сознания»⁵¹.

18(30) мая 1814 г. был заключен мир. Через 4 дня, 21 мая, Конный полк двинулся из Парижа обратно в Россию. Но накануне выступления, когда была произведена переключка всем чинам, в каждом эскадроне, по свидетельству Н.Я. Голицына, не оказалось по 10 и более человек. Кирасиры, в первую очередь кавалергарды и конногвардейцы, благодаря своей представительности и высокому росту пользовались у французских женщин особенной благосклонностью, поэтому их не хотели отпускать, запирали в подвалах и на чердаках, «пока начальство не находило их». «Многие так и остались навсегда во Франции, другие возвратились в Петербург лишь через несколько лет»⁵².

По Франции Конная гвардия шла форсированными переходами и достигла берегов Рейна на 16-й день. Весь длинный обратный путь в 3139 верст полк совершил за 5 месяцев. Третья тетрадь Черткова «Мой путевой дневник, или дорожный журнал от Парижа до России» охватывает период с 20 мая до 8 августа 1814 г. — время возвращения кавалерии по Европе.

Страницы дневника заполнены краткими впечатлениями офицера о дворцах, садах, театральных представлениях, библиотеках и музеях, а также нравах и обычаях жителей городов, через которые проходила Конная гвардия. Если интересующий Черткова город оставался в стороне от маршрута его эскадрона, то вместо вечернего отдыха он вместе с кем-нибудь из сослуживцев отправлялся туда на

экскурсию, а затем нагонял свой полк. Так, он осмотрел вместе с двумя братьями Мирковичами Реймс, где они провели 2 дня.

19 июня полк остановился на квартирах в Бетигхейме, а Чертков направился в Вюрцбург, чтобы обозреть дворец, сад и крепость. 12 июля вместе с Татищевым и эстандарт-юнкером Конного полка А.А. Эссенем, впоследствии генерал-лейтенантом, Чертков посетил Потсдам. Во дворце Сан-Суси офицеры бегло осмотрели дом, сад прусского короля и выдающегося полководца Фридриха II Великого (1712—1786). В памяти Черткова осталась его библиотека, содержащая книги лучших французских авторов, его прекрасная картинная галерея и картина Рафаэля «Иисус».

Во всех французских городках, через которые проходил Конный полк — Шалон, Бар-ле-Дюк, Туль и др. — были свои театры. В Нанси, «преlestном городе», пока там стоял полк, каждый день давали спектакли. 11 июня в Форт-Луи (старая крепость в руинах на острове) полк по понтонам перешел Рейн. Упоминал Чертков и о превратностях службы, и о непростой дороге домой. 12 июня Конная гвардия прошла Эттлинген и Дурлах, остановившись на отдых в деревне Грёингем, откуда Чертков по прекрасной тополиной аллее отправился в Карлсруэ, где на него произвели впечатление английские сады, разбитые вокруг довольно жалкого, по его мнению, дворца — резиденции великого герцога Баденского. Герцог Баденский содержал зверинец, «и то, что носит это название, состоит из четырех обезьян, пяти фазанов и бобра!». «Зато поели мороженого», — не без удовольствия закончил Чертков свою запись в тот день.

А 14 июня Конная гвардия вынуждена была вернуться, чтобы пройти парадом перед ее величеством императрицей Елизаветой Алексеевной (супруга Александра I, урожденная принцесса Луиза Баден-Баденская) и вновь проехать через города Дурлах и Эттлинген, что в общей сложности составило 14-часовой путь⁵³. Генерал-майор, генерал-адъютант Его Императорского Величества А.А. Закревский жаловался в письме своему другу генерал-лейтенанту М.С. Воронцову: «Я в страшной досаде... от смотров; целый день должен сидеть верхом для проходящих войск»⁵⁴.

26—28 июня 1814 г. маршрут эскадронов проходил через очень высокие лесистые Тюрингские горы. Если в первый день перехода Чертков восхищался красотой Тюрингских гор — места подвигов доблестных старинных немецких рыцарей, то в последующие дни 10-часовые ежедневные переходы по крутым высоким горам оставили воспоминания тяжести похода. 29 июня не принес облегчения, поскольку русские всадники страдали от жары, «тем более неприятной, что должны были идти в полдень одетыми в кирасы; нам грозил парад в Йене перед великой герцогиней Марией Павловной»⁵⁵ (1786—1859), сестрой Александра I, которая с 1804 г. была замужем за великим герцогом Саксен-Веймарским Карлом-Фридрихом. Парад в тот день, к счастью, не состоялся. Чертков всегда себе представлял Йену красивым городом и был бесконечно разочарован, увидев «жалкое местечко». И все же парад состоялся 1 июля, после чего эскадроны проделали 10-часовой переход.

Вступив в Саксонию, Чертков отметил, что здешний климат был холоднее, чем во Франции и даже в герцогстве Баденском и Вюрц-

бурге, где в начале июня русские воины уже ели очень спелые вишни, а в Саксонии они были еще совсем зеленые. Чертков записал также, что они не имели к столу ни огурцов, ни зеленого гороха, а что касается арбузов, то их не нашли нигде во время всего зарубежного похода. «И после этого так хвалят климат других стран: в этом отношении наша южная Россия во многом их превосходит!». 3—4 июля Чертков оставался в Лейпциге, куда специально приехал раньше вместе с Голицыным⁵⁶ и поручиком Д.Н. Дуровым. Но город не поразил Черткова своей архитектурой. Он посетил его знаменитые книжные базары и кладбище Иоганнескирхе, на котором покоились «русские генералы и офицеры, убитые здесь или умершие от ран, полученных в битве, которая развернулась под стенами этого города и стала наиболее кровопролитной в этой войне: они умерли за отечество и за царя — смерть, достойная каждого русского»⁵⁷.

14 июля лейб-гвардии Конный полк торжественно вошел парадным маршем в Берлин через Бранденбургские ворота, на которые уже водрузили колесницу, отбитую у французов в Париже. Чертков провел в Берлине несколько дней, догнав свой полк лишь 24 июля. Берлин, «очень славный город, построенный в современном стиле», понравился ему своими широкими улицами, великолепными местами для гуляний, двумя театрами, банями на Шпрее, напротив дворца, «которые превосходят даже парижские». Удивился русский путешественник простоте убранства Малого дворца, где обычно проживал король, и отсутствию в некоторых комнатах паркета.

После переправы через Вислу на паромах 4 августа Чертков только записал маршрут движения своего полка через города, которые ныне входят в Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, а затем через Псковскую и Петербургскую губернии до Петербурга. Видимо, за время пути не случилось ничего достойного внимания. 14 октября в Красном селе Конный полк удостоился посещения императрицы Марии Федоровны и 18 октября 1814 г. вступил в Петербург через триумфальные ворота, пройдя церемониальным маршем мимо графа Барклая-де-Толли. Полк разместился в своих казармах.

Кампания 1814 г. потребовала от лейб-гвардии Конного полка не столько доблести, которая была проявлена им при Фер-Шампенуазе, единственном сражении за весь 1814 год, сколько стойкости, выносливости и высокой дисциплины, чтобы, перенося тяготы бивачной жизни, быть всегда готовым в полном блеске продемонстрировать силу и мощь Российской империи в нескончаемых парадах, смотрах и учениях, наглядно подкрепляя дипломатические маневры Александра I.

Дневники Черткова убедительно показывают, что зарубежные походы способствовали возмужанию русских офицеров, расширению их кругозора. Они обнаруживают внимание молодых дворян не только к истории и культуре народов Западной Европы, но и к социально-экономическим проблемам.

Память о триумфе русского оружия над войсками Наполеона участники заграничных походов пронесли через всю жизнь. Каждый год конногвардейцы вместе с другими ветеранами зарубежных походов 1813—1814 гг. отмечали 19 марта — победоносное вступление русских войск в Париж.

1. ДРУЖИНИН Н.М. Освободительная война 1813 г. и русское дело. В освободительной войне 1813 г. против наполеоновского государства. М. 1965, с. 57.
2. Василий и Авраам Норовы. Оригинальные письма из армии 1812—1813 годов. Река времен. Книга истории и культуры. М. 1996, кн. 5, с. 66.
3. НОРОВ В.С. Записки о походах 1812 и 1813 гг. от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб. 1834, ч. 2, с. 9.
4. ГОЛИЦЫН А.Н. Из рассказов старого лейб-гусара. — Русский архив. 1887, кн. 3, № 10, с. 192.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 3543, оп. 1, д. 4608, л. 79об.—80; д. 106, л. 40об.
6. АННЕНКОВ И.В. История лейб-гвардии Конного полка 1731—1848 гг. СПб. 1849, ч. 2, с. 88.
7. Там же, с. 82.
8. Там же, с. 86.
9. БЕЗОТОСНЫЙ В.М. Наполеоновские войны. М. 2010, с. 295—297.
10. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 2, с. 91—92.
11. ГОЛИЦЫН А.Н. Ук. соч., с. 193.
12. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 2, с. 92.
13. ЧЕРТКОВ А.Д. Дорожные дневники. Перевод и публикация Петрова Ф.А. Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Вып. 83. Ч. XII. М. 1993, с. 88—113.
14. Там же, с. 95.
15. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Мемуары. 1814—1815 гг. СПб. 2001, с. 28.
16. ПИСАРЕВ А.А. Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году. Ч. 1—2. М. 1817, с. 387.
17. ЧЕРТКОВ А.Д. Ук. соч., с. 95—96.
18. Там же, с. 97.
19. Там же, с. 98.
20. Там же, с. 99.
21. ПИСАРЕВ А.А. Ук. соч., с. 387.
22. МИРКОВИЧ Ф.Я. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб. 1889, прилож., с. 3.
23. БОГДАНОВИЧ М.И. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам. Т. 1. СПб. 1865, с. 488; МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Описание войны 1812—1815 гг. СПб. 1899, с. 687.
24. Пален Петр Петрович (1778—1864) — граф, генерал-инспектор кавалерии, член Государственного совета.
25. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 2, с. 96—97; БОГДАНОВИЧ М.И. Ук. соч., с. 481—488.
26. БАТЮШКОВ К.Н. Сочинения. М. 1896, с. 493.
27. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 2, с. 98.
28. БОГДАНОВИЧ М.И. Ук. соч., т. 1, с. 488.
29. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 2, с. 99.
30. ЧЕРТКОВ А.Д. Ук. соч., с. 100.
31. Конногвардейский ветеран (Миркович Ф.Я.) Конная гвардия под Фер-Шампенуазом. — Русский инвалид. 1866, № 65, 13 марта, с. 5.
32. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 3, с. 90—92.
33. Там же, ч. 2, с. 101.
34. ГОЛИЦЫН А.Н. Ук. соч., с. 197.
35. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 4, с. 205—206.
36. ru.wikipedia.org.
37. БЕЗОТОСНЫЙ В.М. Ук. соч., с. 320.
38. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 41.
39. Там же, с. 35.

40. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 2, с. 100.
41. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 39.
42. БОГДАНОВИЧ М.И. Ук. соч., с. 563.
43. ГОЛИЦЫН А.Н. Ук. соч., с. 193.
44. ТУРГЕНЕВ Н. Россия и русские. М. 2001, с. 34.
45. ГРЕЧ Н.И. Записки о моей жизни. М. 1990, с. 213.
46. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 67.
47. ШИЛЬДЕР Н.К. Император Александр I. Т. 3. СПб. 1897, с. 223.
48. ДЕМЕНКОВ П. Мои воспоминания. — Русский архив. 1911, кн. 3, № 9, с. 125.
49. ЧЕРТКОВ А.Д. Ук. соч., с. 101.
50. Там же, с. 103—104.
51. Дневник Павла Пущина. www.1812.ru.
52. ГОЛИЦЫН А.Н. Ук. соч., с. 195.
53. ЧЕРТКОВ А.Д. Ук. соч., с. 105.
54. Архив князя Воронцова. Т. 37. М. 1891, с. 246.
55. ЧЕРТКОВ А.Д. Ук. соч., с. 107.
56. Трудно сказать, с каким Голицыным Чертков остался в Лейпциге. В 1813 г. с ним вместе в эскадроне служили два брата Голицыны — Петр и Григорий Яковлевичи. РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 106, л. 188об. Но в полку в это время служили шесть Голицыных. АННЕНКОВ И.В. Ук. соч., ч. 4, с. 191—193, 199.
57. ЧЕРТКОВ А.Д. Ук. соч., с. 107—108.

Англо-русская конвенция 1907 г. и ее влияние на политические отношения с Афганистаном

С.Б. Панин

18 (31) августа 1907 г. российским министром иностранных дел А.П. Извольским (1906—1910) и британским послом в Петербурге А. Никольсоном (1906—1910) была подписана конвенция по делам Персии, Афганистана и Тибета, которая, как оказалось, не просто разграничила сферы влияния держав в этих странах, но и определила новый характер межгосударственных отношений, сделав их союзниками в первой мировой войне. «Делить» эти страны на сферы влияния, как стали говорить критики договора, предложила именно британская сторона, хотя на ранних этапах переговоров русские хотели обсуждать «проливы» и «дальневосточные проблемы»¹, имевшие для России большее значение после войны с Японией. Однако для решения этих вопросов уровня двусторонних переговоров было недостаточно, требовалось подключение к ним третьей, а то и четвертой заинтересованной стороны, что могло затруднить поиск компромиссов. В то же время, можно с уверенностью сказать, что основной направленностью англо-русских переговоров 1906—1907 гг. было сближение ради будущей коалиции, в которой уже готова была участвовать Франция. Англичане предложили обсуждать «афганский вопрос», в котором сам Афганистан изначально и не подразумевался третьей стороной, но оставался сферой конфликта для англо-русских отношений. То, что англичане давали международные обязательства от его имени, а фактически за него, не являлось чем-то новым, было сутью колониальной эпохи, которая к началу XX в. еще не закончилась. Конвенция 1907 г. явилась крупным международным компромиссом двух колониальных держав в отношении азиатских стран, которые долгие годы оставались объектами их соперничества, чтобы в действительности сосредоточить все свое внимание на европейских делах, где уже наметились военно-политические расколы. В этом смысле, у конвенции была скрытая пружина: разграничив сферы влияния держав в Азии,

Панин Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета.

она обеспечила единство действий в Европе, ставшее очевидным в годы мировой войны.

Русские дипломаты и чиновники воспринимали Афганистан в тех же колониальных категориях, что и англичане, но переход от длительной конфронтации к союзу с Англией оказался для них новым и революционным шагом. Настроения, вызванные неудачной войной с Японией, привели российское правительство к пониманию того, что в условиях начавшегося формирования военно-политических союзов государств важность соглашения с Англией, по выражению министра финансов В.Н. Коковцева, так велика, что для его достижения можно «даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может, связаны с афганским вопросом»². С другой стороны, включение «афганского вопроса» в программу англо-русских переговоров 1906—1907 гг. свидетельствовало о том, что Англия не способна его решить без России.

По договору, Великобритания обязалась не нарушать «политический статус Афганистана», официально признала отсутствие у нее планов отторгнуть какую-либо часть афганской территории или вмешиваться во внутренние дела страны, но обусловила это обязательство соблюдением эмиром заключенных англо-афганских договоров. Что касается России, то она официально признала Афганистан вне сферы своего влияния и заявила, что ее отношения с этой страной будут строиться при посредничестве британского правительства. Это был важный и принципиальный пункт договора, из-за которого между странами неоднократно возникала напряженность. Россия и прежде осознавала особый статус Афганистана, так как к началу XX в. у нее не было юридически оформленных отношений с этой страной, а ее граждане не допускались на его территорию, но не соглашалась признать именно британский контроль над его внешней политикой³. Для англичан же внешнеполитический контроль над Афганистаном воспринимался как фактор безопасности Индии. «Оставляя» теперь Афганистан в британской политической сфере, русские, по сути, «отдавали» то, что им никогда не принадлежало. Зато, своим участием в афганской проблеме в ходе подготовки соглашения Россия рассчитывала обеспечить и гарантировать на долгое время мир и спокойствие на своей слабо защищенной среднеазиатской границе.

Соперничество держав в прежние годы придало «афганскому вопросу» излишне политизированный, масштабный характер, и он нередко оказывался связан с вопросами мировой политики. Подписывая соглашение в части, касающейся Афганистана, державы были намерены ослабить значимость этого «вопроса», вернуть ему местный, региональный характер. Это зависело только от России, от ее официального признания Афганистана вне сферы своей политики, что должно было снять прежнюю остроту проблемы.

В области торговли с Афганистаном обе державы заявили о равенстве прав. Соглашение предусматривало, что если потребуются открытие в этой стране российских торговых представительств, то стороны «согласуют между собой вопрос о мерах, которые надо предпринять». Статья 3 установила, что российские должностные лица, находящиеся на службе в пограничных с Афганистаном областях или на самой границе, могут вступать в непосредственные контакты с

афганцами по вопросам, «не имеющим политического характера». Англичане, в соответствии со сложившимися представлениями, не хотели позволить русским вмешиваться во внутреннюю жизнь зависимого от них эмирата, ограничив их участие торговыми и пограничными вопросами. Вместе с тем, в тот период не только русские, но и британские подданные были лишены возможности свободно посещать эмират. Статья 5 подчеркнула, что «договор вступит в силу с того момента, когда правительство Великобритании сообщит русскому правительству о согласии с ним эмира Афганистана»⁴.

Следует учитывать, что реальное состояние афганской проблемы в период подготовки соглашения не находилось в острой фазе, в то время как напряжение из-за Персии было заметным, сделав вопрос раздела сфер влияния держав здесь определяющим. Поэтому англичане смело поставили афганскую часть соглашения в зависимость от согласия эмира, ибо были уверены, что правитель, живущий на их денежные пособия, не посмеет выразить иного мнения, тогда как у них появится возможность лишней раз продемонстрировать миру и, в первую очередь, русским свою ведущую роль в эмирате и степень его зависимости от них. В том же колониальном духе было принято решение поставить Кабул перед свершившимся фактом, предварительно не информируя эмира о ходе переговоров. Англичане не сомневались, что эмир согласится с подписанным соглашением.

Афганцы, безусловно, знали о готовящемся соглашении из многочисленных статей в русской и европейской печати еще до его подписания и до того, как о нем был информирован эмир Хабибуллахан вице-королем Индии, однако газеты не давали подробной и точной информации о ходе переговоров и сути обсуждавшихся вопросов.

В июле 1907 г., когда переговоры с Англией еще не были завершены, вступивший в должность новый туркестанский генерал-губернатор Николай Иванович Гродеков (1906—1908) отправил в Петербург секретную телеграмму, в которой сообщил, что афганский пограничный начальник в Чильдухтере Зарин-хан с разрешения эмира добивается встречи с комендантом крепости Кушка, видимо для того, чтобы получить информацию об англо-русских переговорах из первых рук. Однако МИД России уже определил для себя приоритеты в международной политике. В связи с этим министр иностранных дел Извольский в письме царю отмечал, что какие-либо переговоры с афганцами в настоящее время являются «бесцельными, а сам факт приезда афганского посланца в Кушку, даже если бы мы предупредили о том своевременно англичан, может лишь произвести на них неблагоприятное впечатление и без всякой надобности скомпрометировать успех переговоров». В отправленной с согласия царя телеграмме Министерства иностранных дел на имя Н. Гродекова указывалось на необходимость «отклонить под каким-нибудь благовидным предлогом» просьбу афганцев о встрече в Кушке.

Однако в конце ноября 1907 г. депутация от Зарин-хана неожиданно прибыла в крепость Кушку, но не застала ее коменданта, генерала Прасолова, который в то время находился в Ташкенте. В середине января 1908 г. Зарин-хан предпринял новую попытку завязать контакты с русскими пограничными властями и передал офицерам

кушкинского гарнизона приглашение принять участие в охоте на территории Афганистана. Эмир, получив от вице-короля Индии официальное сообщение о подписании соглашения, желал выяснить позицию России, которая теперь мало соответствовала прежним уверениям в дружбе. Однако, согласно указанию МИД России, туркестанский генерал-губернатор отклонил все приглашения «до получения сведений о согласии эмира на соглашение наше с Англией»⁵, что с глубокой обидой было воспринято афганскими властями.

10(23) сентября 1907 г. правительство Индии официально передало в Кабул содержание конвенции⁶. На следующий день, 11(24) сентября, текст подписанного соглашения стал известен правительствам в Берлине, Вене, Константинополе, Мадриде, Париже и Риме, а в Петербурге был вручен послу Соединенных Штатов Америки, китайскому посланнику и японскому поверенному в делах⁷. Наконец, 13(26) сентября последовало опубликование конвенции⁸. Следует заметить, что англо-индийское правительство, первоначально весьма негативно относившееся к перспективам англо-русского сближения, оттягивало момент передачи текста соглашения афганскому эмиру⁹. Так, конвенция, полученная вице-королем Индии лордом Дж. Минто из Лондона еще 24 августа (6 сентября), была передана в Кабул лишь 10(23) сентября. При этом, несмотря на активные возражения российского министра иностранных дел Извольского, министр иностранных дел Великобритании Э. Грей настоял на том, чтобы общая публикация документа состоялась только после извещения эмира о соглашении¹⁰. Правда, наряду с существовавшим предубеждением к соглашению со стороны англо-индийских властей, у англичан также были первые «потери». В частности, когда соглашение поступило в Кабул, эмир Хабибулла-хан находился в длительной поездке по своей стране и англичанам пришлось отказаться от намеченной отправки в афганскую столицу миссии во главе с Генри Макмагоном, который должен был не только «передать эмиру подробности состоявшегося соглашения», но и подготовить почву для подписания нового двухстороннего договора. Отсутствие в столице эмира, заранее не извещенного о готовящемся соглашении держав, обесценило идею отправки полноценной миссии в Кабул для получения возможных преимуществ от афганцев. Дальнейшие события и возникшее напряжение на границе, с точки зрения англо-индийского правительства, сделали ее невозможной. «Туркестанские ведомости» писали, что при отсутствии в столице эмира британский агент «без особого успеха» вынужден был объясняться в Кабуле о целях англо-русского соглашения с братом эмира Насрулло-ханом, который был известен своими англофобскими взглядами¹¹.

Почти год из Кабула не поступало никаких официальных откликов на конвенцию держав, поставленную в афганской части в зависимость от согласия эмира. Хабибулла-хан, видимо, надеялся, что она станет случайным и временным событием в истории противоборства держав и позволит ему, как и прежде, использовать их разногласия в своих интересах. Однако вскоре нашлось объяснение столь смелому и долгому молчанию эмира на заключенное между державами соглашение: в первые месяцы 1908 г. на индо-афганской границе, в полосе проживания пуштунских племен, момандов, развернулись

активные боевые действия против англичан, которые произвели переполох в обеих европейских столицах. Газеты писали о начале «настоящей войны между Афганистаном и Англией» и даже передавали весьма преувеличенные слухи о вторжении в Индию двадцатитысячной афганской армии. В печати стала курсировать пущенная немецкой прессой версия о том, что происшедшие события на границе являются следствием англо-русского соглашения, которым недоволен эмир¹².

Официальные представители российского министерства иностранных дел, уверенные в том, что англо-русская конвенция — это наилучшее решение «афганского вопроса» не только для стран-участниц, но и для самого Афганистана, отвергли какую-либо связь между событиями на индо-афганской границе и соглашением, а также отказывались признать участие эмира в инспирировании военных действий на границе против англичан. В беседе с корреспондентом близкой к официальным кругам «Петербургской газеты» заведующий отделом печати МИД А.А. Гирс на вопрос: «Верны ли слухи о том, что поводом к нападению послужило не понравившееся афганцам англо-русское соглашение», ответил категорически: «Соглашение тут не причем». В то же время некоторые чиновники, представлявшие дипломатическое ведомство России, в конфиденциальных беседах с корреспондентами газет не исключали такую связь¹³.

Оценки и комментарии как российской, так и европейской печати были противоречивы, однако приводимые ими факты и материалы все более отчетливо вырисовывали специфическую роль эмира и афганского правительства в событиях. Представлялось, что, получив сообщение о состоявшемся договоре, эмир понял нежелательность его для Афганистана и опасность положения страны между сговорившимися соперниками. Подписание державами соглашения свидетельствовало о том, что у третьей стороны, Афганистана, официально оставшегося за его кулисой, исчезала основа, на которой он так долго балансировал, сохраняя свою самостоятельность. Теперь он должен был потерять свою основную роль «буфера», к которой афганский правитель не только привык, но, благодаря которой, получал определенные, в том числе финансовые, дивиденды. Хотя первоначальный российский проект предлагал сохранить определение Афганистана как «буферного» государства, в окончательном тексте соглашения оно не закрепилось¹⁴. Правда, до реального исчезновения «буфера» прошло еще несколько лет. Этот факт стал реальностью лишь в годы первой мировой войны, подтвердившей на деле союзнические отношения Англии и России, когда наличие «буфера» стало раздражающим и мешающим фактором для обеих воюющих держав. Затем, после большевистского переворота в России, роль Афганистана как «буфера» была восстановлена вновь, что привело к дезавуированию всей системы, созданной соглашением 1907 г., и к ее ликвидации.

В мировой печати утверждалось, что афганское правительство «знало о готовящемся вторжении в Индию и содействовало ему». Так, сообщалось, что в ноябре 1907 г. эмир пригласил в Кабул представителей пограничных пуштунских племен и объявил им о начале в марте 1908 г., после праздника навруз, джихада. Хабибулла-хан потребовал заготовить списки на 300 тыс. воинов, которые получают жалованье из афганской казны, а также оружие и обмундирование. Печать

также зафиксировала факт прибытия в Кабул для осуществления этих планов турецких военных инструкторов ¹⁵. Газета «Русь» свидетельствовала о том, что эмир посетил в 1908 г. местности, лежащие близ индийской границы, и дал секретное указание передать племенам несколько тысяч ружей и патронов. Более того, стало известно, что в создании напряжения на индо-афганской границе «принимали непосредственное участие не только муллы, но и афганские чиновники всех степеней» ¹⁶. Туркестанская печать подчеркивала участие влиятельного Насруллы-хана в содействии и оказании тайной помощи момандам ¹⁷. Конечно, вопрос личной причастности афганского эмира к инспирированию в 1908 г. событий на индо-афганской границе в качестве ответной меры на англо-русское соглашение был неоднозначным, но «Русское слово» вполне справедливо подчеркнуло, что «если эмир и не был организатором вторжения племен в англо-индийские владения, то он, во всяком случае, не особенно заботился о предупреждении его» ¹⁸. События на индо-афганской границе не могли начаться без совета с Кабулом, без обычных в этом случае просьб племен о помощи в борьбе с англичанами. Данное обстоятельство, по выражению прессы, лишило англо-индийское правительство покоя. Оно не могло примириться с мыслью, что маленькая горная страна не хочет повиноваться его голосу и держит себя совершенно независимо. По мнению англо-индийской прессы, если бы в Индии было все спокойно и благополучно, то теперь, в условиях согласия с Россией, «с Афганистаном можно было бы не церемониться» ¹⁹. Этот лейтмотив британской политики после 1907 г. на долгие годы стал ведущим. У российских властей сложились представления, что реальные возможности силового воздействия на эмира у англичан ограничены, а прибегнуть к силе, значило резко осложнить положение в самой Индии. Такая ситуация сохранялась как до, так и в период первой мировой войны, и в значительной степени объясняла осторожную позицию англо-индийского правительства в отношении эмирата. Однако в планы англичан никогда не входило сделать Афганистан сильнее, чем он был.

Если в Лондоне и Петербурге больше говорили о факте двустороннего сближения и неизбежных в этом случае компромиссах, то власти Индии и туркестанская администрация рассуждали об условиях реализации конкретных статей соглашения и его практической пользе. Туркестанские, как и англо-индийские власти, весьма неоднозначно воспринявшие подписанное соглашение, уже скоро начали выражать недовольство отсутствием реальных результатов. Так, в январе 1908 г. туркестанский генерал-губернатор просил Министерство иностранных дел России разъяснить, надо ли ждать официального признания соглашения афганским эмиром или уже теперь установить контакты с афганскими пограничными властями по вопросам, «не имеющим политического характера»? Извольский предлагал и впредь, «до дальнейших распоряжений», не вступать в контакты с афганцами, пока не будет получено сообщение о признании эмиром англо-русской конвенции ²⁰. Таким образом, в Петербурге решили следовать букве соглашения с Англией, полностью поручив вопросы ратификации договора англичанам.

Туркестанские власти, озабоченные отсутствием согласия эмира на соглашение, занялись поисками путей, которые ускорили бы это

событие. Генерал-губернатор Гродеков в письме Извольскому от 3 марта 1908 г. полагал, что главные препятствия для признания эмиром конвенции — экономические. По его мнению, следовало немедленно пересмотреть таможенную систему на афганской границе в сторону облегчения: если через индийскую границу афганские сырьевые товары шли почти беспошлинно, то на российской границе их встречал высокий, почти запретительный таможенный тариф. Гродеков предлагал ввести гибкую систему пошлин на афганское сырье, уверенный в том, что других препятствий к принятию афганцами конвенции не встретится²¹. Российское дипломатическое ведомство поддержало это предложение туркестанских властей. Однако созванное в июне 1908 г. в Петербурге для решения этих вопросов Особое совещание из-за отрицательной позиции Министерства финансов решило отложить вопрос о пересмотре тарифа опять же «до того времени, когда вступит в силу конвенция 1907 года»²².

Русская туркестанская администрация также не исключала, что эмир, будучи торговцем по духу, привыкший от любой сделки получать преимущества, отказывается признать соглашение из-за того, что дипломатическая канцелярия вице-короля Индии не предлагает ему достаточной компенсации. Эту идею выдвинул дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе А. Калмыков, который сообщил в Петербург о том, что англичане якобы предлагали эмиру в качестве уступки морской порт на берегу Белуджистана, почему-то не удовлетворивший эмира. Правда, Калмыков сам ставил эту информацию под сомнение, считая, что предложение англичан, «несомненно приятное самому эмиру», «вряд ли покажется особенно заманчивым для его народа, который... мало склонен к морскому делу»²³. Как бы там ни было, донесение Калмыкова не было воспринято серьезно в российских ведомствах, учитывавших, что наименьшее удаление Афганистана от моря составляло около 500 км, а важнейшие экономические области страны находились на расстоянии свыше 1000 км от ближайшего порта Карачи²⁴.

В период затянувшегося ожидания признания эмиром соглашения также возникла дискуссия о целесообразности подписания соглашения, касающегося трех стран, единым пакетом. То, что статьи соглашения по Персии, Афганистану и Тибету, были подписаны в один день, казалось, должно было уравнивать значимость этих стран, поставить их на один уровень. Однако участники соглашения вынуждены были вскоре признать, что в таких представлениях и желаниях они обманывались: ситуации в Афганистане и вокруг Персии кардинально различались, а статьи по Афганистану имели иной характер, чем персидская часть соглашения, где договаривающиеся стороны размежевывали «между собой права, уже приобретенные с добровольного согласия Персии». В «афганской части» договора ничего подобного не было.

В этом смысле соглашение в части, касающейся Афганистана, не учитывало реального положения вещей и было основано на иллюзиях. Кроме того, русские переоценили возможности влияния англичан в этой стране и затем неоднократно удивлялись тому, что прежде казалось очевидным. Посол в Лондоне А.К. Бенкендорф еще в марте 1907 г. предупреждал: «Очень возможно, что мы не создаем себе дос-

таточно точного представления о сущности нынешних отношений Англии и Афганистана»²⁵. В июне 1914 г. в своем письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову (1910—1916) он подчеркнул: «Афганистаном они (англичане. — С.П.) на самом деле не обладают. Белуджистан — их, но это старо, почти также старо, как Бухара и Мерв»²⁶. Не менее критично выразился руководитель генерального консульства в Симле К.Д. Набоков, тем не менее, считавший, что у Англии всегда найдутся способы влияния на афганского эмира: «Мне представляется, однако, что отношения эмира к Англии вряд ли могут быть признаны отношениями вассала к суверену: он не платит, а получает субсидию в обмен на призрачное обязательство сохранять порядок и мир среди пограничных кочевников»²⁷.

Однако ни у британской, ни у российской стороны долгое время не возникало сомнений в том, что афганский эмир рано или поздно его признает. И чтобы добиться этого, англичане демонстрировали единство с Россией. Когда 27 июля 1908 г. агент афганского эмира в Бомбее полковник Голамрасул-хан устроил прием по случаю седьмой годовщины вступления на престол Хабибуллы-хана, на банкете, наряду с английскими представителями, был и генеральный консул России в Индии барон А. Гейкинг, провозгласивший «тост за здоровье правителя Афганистана». Выступивший затем редактор официальной бомбейской газеты «Таймс оф Индия» С. Рид, указав на исторические узы дружбы, связывающие Афганистан с Великобританией, приветствовал на церемонии российского генерального консула. Он сказал слова о том, что «англо-русское соглашение покончило с недоразумениями, возникавшими ранее между Россией и Англией, в сущности, одинаково желающими Афганистану процветания»²⁸.

Только через год после подписания конвенции, 27 августа 1908 г., англо-индийские власти получили от эмира Хабибуллы-хана весьма пространный документ, в котором без выражения его собственного мнения сообщалось о том, что государственный совет страны признал соглашение невыгодным для Афганистана и нарушающим его независимость²⁹. Вместе с тем, афганская позиция не была откровенно жесткой и оставляла возможности для дальнейших объяснений по этому вопросу. Эмир не решился категорически отвергнуть соглашение, опасаясь осложнений с англичанами, у которых теперь были развязаны руки, ибо они могли не бояться открытого русского противодействия в эмирате³⁰. Не имея возможности в случае развития событий в худшем направлении полностью положиться на свою армию, он сначала решил тянуть с ответом и ждать благоприятных обстоятельств. События на индо-афганской границе, которые, по сообщениям печати, были спровоцированы афганцами, дали эмиру возможность оттянуть почти на год необходимость ответа на соглашение и не позволили англичанам применить жесткие меры воздействия, чтобы заставить эмира принять конвенцию. Однако, поняв, что его планам создать с помощью племен серьезное и длительное напряжение в Индии, не суждено сбыться, он вынужден был проявить гибкость. Вместе с тем, в Кабуле почувствовали, что англо-русская конвенция открыла новые возможности во взаимоотношениях с соседями. Как говорится, «нет худа без добра», и эмир мог быть теперь относительно спокойным за свои северные рубежи, поскольку Россия открыто

признала Афганистан зоной британского влияния, и единственным официальным противником афганской независимости оставалась Англия. У эмира появилась реальная надежда превратить полосу проживания пуштунских племен на индо-афганской границе в тот «буфер», каким прежде выступал сам Афганистан в отношениях между англичанами и русскими. И Кабул уже работал в этом направлении: усиленно поддерживал связи с племенами и их вождями, снабжал их оружием, организовывал проповеди афганских мулл среди пограничных племен, держа границу в постоянном напряжении.

Ввиду сопротивления эмира признанию соглашения, «афганский вопрос» оставался открытым, а вся вновь созданная этим соглашением конструкция могла в любой момент потерять правовую основу. Это беспокоило российское и британское правительства³¹. Если первоначально у некоторых русских дипломатов и российской печати были предположения, что англичане играют какую-то сложную игру, и сами не позволяют эмиру дать согласие на подписанное соглашение (предположительно, чтобы не допустить непосредственных контактов русских с афганцами)³², то после обострения ситуации на индо-афганской границе такие подозрения отпали, и стал очевиден дипломатический «конфуз» англичан, самоуверенно поставивших конвенцию в зависимость от согласия эмира. Поэтому британская сторона осенью 1908 г. с большим удовлетворением встретила заявление Извольского о том, что, не дожидаясь официального согласия эмира, который вообще не являлся участником процесса, царское правительство готово рассматривать соглашение, «как имеющее законную силу», если с этим будет согласна британская сторона³³. Англичане прекрасно поняли смысл российского шага, который стал одновременно и важным союзническим жестом, сделав то, что им самим было уже затруднительно: Афганистан должен играть ту роль, которую он реально заслуживает, не разделяя, а объединяя обе державы. Вопрос эмирской ратификации соглашения, как изначально рекламного шага англичан, был оставлен им для осуществления. Это был прорыв для всей созданной, но еще хрупкой конструкции договора. Он свидетельствовал о том, что напряжение между сторонами на Среднем Востоке, несмотря на массу остававшихся все эти годы проблем, особенно из-за Персии, ослабло, что период острого, откровенно враждебного соперничества закончился. Согласие англичан в этом вопросе означало, что они, как и русские, в признании соглашения эмиром хотели видеть, хотя и необходимый, но весьма формальный акт. Однако из этого никому не стоило делать вывод о готовности англичан в тот период отказаться от публичного эмирского признания конвенции, что, видимо, воспринималось равносильным признанию Афганистана независимым от британской политики. Это понимала российская сторона. Заявление Извольского лишь позволило сделать вид, что державы до поры — до времени не нуждаются в таком признании и что оно является только сферой британской ответственности.

После заявления Извольского Лондону, позволившему соглашению в афганской части формально вступить в силу, российская сторона была готова к налаживанию отношений с южным соседом, но опасалась, что теперь афганцы будут отвергать ее предложения³⁴. Эти опасения вскоре подтвердились. На предложения туркестанских вла-

стей объединить усилия в борьбе с бичом Туркестана — саранчой, переданные через англо-индийское правительство, эмир ответил, что каждая сторона должна бороться с этим собственными силами³⁵. Судя по всему, это была позиция обиженного правителя, болезненно воспринявшего договор русских с англичанами и уже посчитавшего, что Россия перестала играть какую-либо самостоятельную роль в регионе, поставив все в зависимость от соглашения с Англией.

Пока российский МИД возглавлял один из инициаторов союза с Англией Извольский, вопросы афганской политики России, способные ухудшить отношения с англичанами, проводились очень осторожно. В феврале 1912 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов (1909—1914) в письме новому министру иностранных дел С.Д. Сазонову (1910—1916) предложил определиться с англичанами: если британское правительство признает, что соглашение 1907 г. вступило в силу, то оно должно добиться от Кабула всех обозначенных в тексте конвенции условий и преимуществ в Афганистане для российских подданных, если нет, то России следует самой «обратиться к эмиру афганскому и настоять на выполнении им требования о распространении принципа взаимности на русских подданных и, следовательно, беспрепятственному допущению их в пределы Афганистана». Самсонов был уверен, что сложившиеся отношения с Афганистаном являются глубоко «оскорбительными» и подрывающими российский престиж в глазах мусульманских подданных. По его мнению, англичане должны признать, что соглашение закрепило за ними не только права, но возложило на них и обязательства по отношению к России. «Если же правительство Англии, — считал Самсонов, — признает для себя соглашение еще не вошедшим в силу и не найдет возможности оказать на эмира должное воздействие, то в таком случае мы должны заявить, что у нас развязаны руки для самостоятельных сношений с правительством эмира афганского»³⁶. Таким образом, туркестанские власти в 1912 г. поставили вопрос о необходимости решительно изменить сложившуюся ситуацию вокруг Афганистана: либо активизировать посреднические усилия англичан, либо добиться от них согласия действовать в Афганистане самостоятельно по выполнению условий конвенции. Формально, эти предложения не требовали пересмотра соглашения, так как совпадали с его смыслом.

Для такой постановки вопроса были причины, в основном, экономические. В 1911 г. произошло падение мировых цен на хлопок, в результате чего Соединенные Штаты Америки, крупный поставщик этого сырья на российский рынок, заявили о прекращении действия торгового соглашения. Россия, зависевшая от американского хлопка, стала искать пути избавления от американской хлопковой зависимости. Наряду с развитием плантаций в Туркестане и Бухаре, внимание было обращено на северный Афганистан, быстрому экономическому развитию которого Россия была готова оказывать активную поддержку, снабжая местное население необходимыми семенами, обучая техническим знаниям и предоставляя обрабатывающие машины. В российские планы входило строительство в северном Афганистане хлопкоочистительных заводов³⁷. Однако их реализация по-прежнему упиралась в отсутствие нормальных отношений с южным соседом и допуска на его территорию иностранцев.

Переговоры, которые во время поездки в Лондон в сентябре 1912 г. вел Сазонов с министром иностранных дел Великобритании Греем и со статс-секретарем по делам Индии в британском правительстве лордом Р. Кру, не увенчались успехом. Англичан беспокоили другие проблемы: в Лондоне были недовольны интервенционистскими действиями русских в Персии, нарушившими, как считали британцы, статьи конвенции. Россия ввела свои войска в Персию, чтобы предотвратить, по мнению царской дипломатии, последовавшую за революционными событиями анархию в стране. Однако ввод войск привел к жертвам среди населения и вызвал негодование англичан³⁸. Сазонову чаще приходилось оправдываться и выслушивать претензии, чем самому заявлять решительные требования относительно Афганистана³⁹. Поэтому жесткие предложения туркестанских властей не были озвучены. Тем не менее, Сазонов предложил англичанам добиться от эмира допуска русскоподданных в Афганистан. В Лондоне признались, что они сами лишены такой возможности и пока не могут просить таких прав даже для своих подданных. Англичане пояснили, что сложность этого вопроса определяется не личной позицией эмира, а негативным отношением к нему афганского общества. Правда, Грей пообещал Сазонову сделать через англо-индийское правительство представление эмиру о желательности для его правительства «действовать в отношении России в духе добрососедства»⁴⁰. В сущности, такая ситуация в англо-русских отношениях тянулась с 1900 г., когда русские дипломаты подали британцам меморандум, известный как «меморандум Лессара»⁴¹, в котором было решительно заявлено о готовности российской стороны начать непосредственные пограничные отношения с Афганистаном, обещая при этом, что они не будут носить политического характера⁴². Затем, ввиду обещаний англичан положительно решить этот вопрос с эмиром, он несколько раз откладывался, вплоть до того момента, когда был поставлен в зависимость от англо-русской конвенции.

У русских дипломатов создалось впечатление, что англичане привыкли к сложившейся ситуации, что у них попросту нет никакой определенной политики в отношении Афганистана. По свидетельству российского генконсула в Индии К.Д. Набокова, вице-король Индии лорд Хардинг (1910—1916) в предвоенные годы был озабочен только тем, как «сохранить мир на границе» и не допустить усиления панисламистской пропаганды в Индии, а потому опасность развязывания новой войны с пограничными племенами стала навязчивой идеей для его правительства. Вместе с тем, лорд Хардинг хорошо знал, что его политика в отношении Афганистана и пограничной полосы критиковалась британскими военными, служившими в Индии и считавшими ее унижительной для Великобритании. По Набокову, британское офицерство в эти годы, в том числе на территории Индии, выступало за совместное с Россией вооруженное вмешательство в дела Афганистана и решение силовым путем всех назревших вопросов. Однако ни лорд Хардинг, ни британское королевское правительство не хотели и слышать о подобном. Одновременно англичане боялись ухудшить отношения с русскими из-за Афганистана, а потому успокаивали их, обещая решить все основные проблемы при нормализации обстановки в Индии.

В 1912 г., уже после поездки Сазонова в Лондон, когда стало ясно, что неопределенная ситуация в отношении Афганистана может тянуться бесконечно долго, и нарастало взаимное недовольство выполнением сторонами других статей соглашения, Набоков предложил решение затянувшегося вопроса: предоставить англичанам «полную свободу действий» в Тибете и взамен получить те же «свободы действий» в Афганистане, чтобы самим принудить эмира «к удовлетворению наших притязаний». Он не сомневался, что России не составит большого труда «сломить упорство эмира». «Будучи уверен, писал Набоков заведующему отделом Среднего Востока МИД В.О. Клемму, что “совместно с англичанами” мы в Афганистане ничего предпринять не можем, что англичане пальцем не двинут, чтобы убедить эмира уступить нам, я считаю, что задача наша заключается в получении той же “свободы действий” для самостоятельного понуждения эмира к удовлетворению наших притязаний, какую мы готовы дать англичанам в Тибете»⁴³. Оставим намеренно в стороне неоднозначный вопрос о роли Тибета во внешней политике России⁴⁴ после подписания соглашения 1907 г., но подчеркнем здесь первенство афганского вопроса, выраженное устами человека, который в полной мере понимал значимость обоих. Как видим, перед мировой войной в российской политике нарастала агрессивность в отношении Афганистана как реакция на нежелание его правительства выстраивать добрососедские отношения с Россией и считаться с ее статусом великой державы. Судя по всему, русские все больше склонялись как к экономическим, так и к военно-политическим мерам воздействия на эту страну, при условии, что англичане согласятся с их требованиями.

Однако эти планы упирались не только в нежелание англичан пойти на «раздел» Афганистана по типу Персии. Вставал более сложный и важный вопрос: как быть с политикой агрессивного изоляционизма, проводимой самими афганскими эмирами? Русский посол в Лондоне граф Бенкендорф накануне мировой войны справедливо задавался вопросом: «что будет делать наш резидент в Герате без сильного конвоя»? Ему пришлось ответить на этот вопрос однозначно: «он будет находиться в опасности»⁴⁵. Этот внутренний диалог дипломата отразил нараставшие в российском общественном мнении и в военно-дипломатическом корпусе настроения недовольства «не работающей» афганской частью соглашения и намерением решительно развязать «афганский узел», хотя еще не было понимания, как это сделать и как далеко можно пойти в решении «афганского вопроса».

В усилившемся внимании официальных российских представителей к Афганистану просматривалась не только обида на его длительную пренебрежительную позицию в отношении своего великого соседа, но и надежда на способность Афганистана повлиять на стабильность российского положения в Туркестане и Бухаре в случае международного кризиса в этом регионе. Нежелание афганского эмира поддерживать нормальные добрососедские отношения и изоляция страны всегда были негативными факторами для России, для ее международного авторитета, но она с ними мирилась, пока воспринимала Афганистан не как самостоятельный политический субъект, а как объект и фактор британской политики. Однако с момента подписания англо-русского соглашения и до первой мировой войны в этих

представлениях произошли серьезные изменения, заставившие осознать, что Афганистан перестал быть «личным делом» Англии, и простое признание его сферой британских интересов и областью британской ответственности не снимает нарастающую проблему. Российская и международная печать усиливали это беспокойство, рисуя гипотетические картины, когда Афганистан с помощью явных и потенциальных противников стран Антанты не только поглотит Индию, но создаст значительные трудности для российского господства в Туркестане. Эти настроения печать черпала, в том числе, и из официальных комментариев русской дипломатии. «Голос Москвы» и «Туркестанские ведомости», передавая в 1912 г. в изложении думскую речь министра иностранных дел Сазонова, подчеркивали, что Афганистан «в недалеком будущем при благосклонном покровительстве и содействии Германии и Турции может выступить в активной роли завоевателя».

Газеты, развивая мысль Сазонова об Афганистане, задавались гипотетическим вопросом: что произошло бы в огромной и сказочной Индии, если бы с афганских гор на равнины Пенджаба скатилась «стотысячная отлично вооруженная армия эмира»? По мнению «Туркестанских ведомостей», «при некоторой подготовке настроения в Индии и некоторых политико-стратегических движениях дружественных Афганистану европейских держав, этот день возвестил бы потрясенному миру конец британского владычества в Индии». «Нужно ли говорить, — видимо, искренне продолжала газета, — какое значение имело бы подобное событие как для общего международного положения, так, в частности, и для России? И это событие, даже совершенно независимо от нынешних добрых англо-русских отношений, совсем нельзя было бы признать желательным и отрадным для России»⁴⁶. Русская пресса остро чувствовала намерение российской дипломатии и военно-политических кругов предотвратить этот возможный сценарий развития событий и убедить Англию пойти на изменение конвенции, чтобы развязать руки для самостоятельных и превентивных действий в отношении эмирата.

Весной 1914 г., накануне первой мировой войны, в англо-русских отношениях вновь встал вопрос об Афганистане. К этому времени англичане открыто выражали недовольство исполнением Россией статей соглашения по Персии: вооруженная интервенция русских в 1912 г. на севере страны и попытки распространения российского влияния на «нейтральную зону», сделали свое дело. Однако в России не столько оправдывались, сколько пытались уличить англичан в подобных планах. Для этого Петербург обратил особое внимание на англо-китайско-тибетские переговоры, проходившие в Симле (Индия), которые должны были привести к подписанию «тройного соглашения». В российском МИДе были уверены, что англичане задумали их для того, чтобы в нарушение условий соглашения 1907 г. установить британский протекторат над Тибетом и поставить Россию перед свершившимся фактом. Когда британский посол в Петербурге представил Сазонову проект договора между Англией, Китаем и Тибетом, тот дал понять, что «если английское правительство желает пересмотра соглашения 1907 г. в части, касающейся Тибета, то тем открывается возможность одновременного пересмотра и других частей этого соглашения, например, относящейся до Афганистана»⁴⁷.

Можно с уверенностью сказать, что российские дипломаты даже ожидали подписания «тройного соглашения», чтобы, уличив в нем англичан, потребовать компенсаций и смягчения британской позиции по Афганистану. Такой вывод может быть сделан после изучения российского мидовского документа — «Компенсации, которые желательно было бы получить от англичан взамен уступок в Тибете», подготовленного в апреле-мае 1914 г., то есть до завершения переговоров в Симле. «Компенсации...», по сути, предполагали превращение северного Афганистана в исключительную экономическую зону России и даже содержали требование к англичанам не создавать своих предприятий и концессий на севере этой страны ⁴⁸, как будто бы северный Афганистан в тот период уже находился в российской, а не в британской зоне влияния, и не Англия, а Россия определяла внешнеполитический курс этой страны. Тем не менее, по данным И.М. Рейснера, в 1914 г. российская дипломатия настаивала на том, чтобы будущая линия разграничения в Афганистане прошла по горному хребту Сефид-кух, южнее Герируда, и оставила в зоне влияния России этот богатый район. Англичане сопротивлялись российскому давлению и определяли эту линию значительно севернее — по хребтам «Банди-Баба, Сиях-Бубак до точки, где Герируд вступает в русскую территорию у Зульфagara» ⁴⁹. Другими словами, Россия в 1914 г. подняла вопрос о «разделе» Афганистана на сферы экономического влияния держав, по типу Персии, чтобы создать из северных регионов этих стран прочный блок и защиту для своих среднеазиатских границ. Однако надежды сломить сопротивление англичан в отношении Афганистана оказались тщетными, а планы получения «компенсаций» в Афганистане за счет Тибета преждевременными. Англо-китайско-тибетские переговоры из-за позиции китайцев, которых не удовлетворил предлагаемый англичанами уровень сюзеренитета над Тибетом, были прерваны, документы не подписаны, а вся система тройственного соглашения не получила юридического оформления ⁵⁰.

Перелом в позициях союзников произошел в годы мировой войны. Весной 1915 г., в ходе переговоров о Константинополе и Проливах, российская делегация, соглашаясь передать под контроль англичан нейтральную зону в Персии, вновь потребовала рассматривать северный Афганистан как сферу российских интересов. По свидетельству И. Рейснера, на этот раз требования России, как в отношении Константинополя и Проливов, так и северного Афганистана, были признаны англичанами «приемлемыми» для реализации после окончания мировой войны ⁵¹. Если прежде Афганистан был той костью, из-за которой державы, по выражению А.Е. Снесарева, могли «передрасться в кровь» ⁵², то теперь позиция Англии свидетельствовала о возможности компромиссов, хотя она еще не была готова к принятию практических мер в этом направлении. В Лондоне исходили из понимания меняющейся действительности и необходимости поддержания союзнических отношений. Афганистан был важен англичанам в прежнем качестве лишь в условиях жесткого противостояния с Россией, которое в годы мировой войны потеряло прежнее значение.

Соединение уже сложившейся зоны российского влияния в северной Персии с подобной зоной в Афганистане ⁵³ должно было со-

здать для России прочную «подушку безопасности» в Центральной Азии. Кроме того, включение северного Афганистана в экономическую зону России воспринималось как дополнительный источник рабочей силы для Туркестана и как площадка для распространения многих важных для российской промышленности культур, в первую очередь, хлопка. Не менее важными выделялись в этой связи изменения прежде сложившихся маршрутов русской торговли, поддержание связей с англо-индийскими властями, а, при возможности, использование Афганистана как средства воздействия на англичан, что позже успешно использовало большевистское правительство.

Однако в период мировой войны в Англии и России усилилась агрессивность в отношении Афганистана. Союзники сблизил свои позиции относительно эмирата, а их дипломаты стали говорить о том, что «Афганистан, как единственная на Среднем Востоке не поддающаяся ни англо-индийскому, ни русскому влиянию, страна должна быть ликвидирована как самостоятельная единица». По выражению генерального консула России в Индии В. Томановского, Афганистан теперь все больше воспринимался «электрической станцией», «которой заряжаются и питаются все тлеющие под пеплом политические страсти русских и англо-индийских мусульман». В письме товарищу министра иностранных дел А. Нератову от 17 февраля 1917 г. он подчеркнул: «При трезвом взгляде на вещи приходишь к убеждению, что для того, чтобы умиротворить Средний Восток, необходимо будет уничтожить очаг всяких смут и волнений, каким до сих пор являлся Афганистан, а нашим союзникам придется внушить, как в Лондоне, так и здесь на месте, что пора отказаться к обоюдному удовлетворению от оказавшейся весьма “эфемерной” мысли создать государство-буфер»⁵⁴. Судя по тональности и агрессивному настрою высказываний, мировая война сказалась на восприятии Афганистана как важнейшей международной проблемы, когда речь стала идти не просто об условном «разделе» страны на зоны экономического влияния, но не исключался и военный вариант решения проблем. Во всяком случае, Афганистан, хотя он и не был воюющей страной, мог быть включен в программу послевоенного передела мира, и необходимая дипломатическая база для этого к концу войны была подготовлена.

Хотя англичане никогда не испытывали благожелательного отношения к Афганистану, откровенно агрессивная тональность к концу мировой войны исходила, в первую очередь, от России, которая была недовольна тем, что по вине афганской стороны долгие годы не решались вопросы двусторонних отношений, что наносило урон ее авторитету в среднеазиатских владениях. Принудить Афганистан к признанию международных норм, созданных ведущими государствами, наказать страну за нежелание все эти годы учитывать международную субординацию и прислушиваться к «голосу разума» можно было, как считали многие в России, только военным путем. Такая перспектива решения «афганского вопроса» обозначилась в годы мировой войны и признавалась как реальная. Последовавшие за мировой войной революции в России, приход к власти в Афганистане нового эмира изменили характер взаимоотношений всех трех сторон. Советская Россия в одностороннем порядке вышла из мировой войны и покончила с англо-русским соглашением, похоронив не только

его колониальную сущность, но и подготовленные им союзнические отношения Англии и России в годы первой мировой войны.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Личный архив А.П. Извольского, д. 26, л. 117об.—118; см. подробнее: ЛУНЕВА Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907—1914). М. 2010.
2. Красный архив. Т. 2—3 (69—70). М. 1935. с. 27.
3. ОСТАЛЬЦЕВА А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов. 1977, с. 229.
4. Полный текст соглашения 1907 г. см.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М. 1925, ч. 1, с. 176—177.
5. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 232, л. 138—139об., 142—142об., 364.
6. ADAMEC L.W. Afghanistan, 1900—1923. A diplomatic History. Berkeley-Los Angeles. 1967, p. 70.
7. Туркестанский сборник, т. 444, с. 160.
8. British Documents on the Origins of the War. 1898—1914. Vol. 4. L. 1929, p. 574; ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 461.
9. ADAMEC L.W. Op. cit., p. 71. В 1911 г. лорд Минто, к этому времени уже бывший вице-король Индии, пересмотрел свои взгляды на англо-русское соглашение и заявил, что оно является «благодетельным для мира и равновесия в Азии». — Туркестанская военная газета. 18.V.1911.
10. НАВБЕРТОН W. Anglo-Russian Relations concerning Afghanistan 1837—1907. Urbana. 1937, p. 80.
11. Туркестанские ведомости. 1.XI.1907.
12. Русское слово. 23.IV.1908.
13. Туркестанский сборник, т. 465, с. 1, 11, 30.
14. СИМОНОВ К.В. Афганский вопрос на российско-британских переговорах о разделе сфер влияния в Азии (1905—1907 гг.). Воронеж. 2008, с. 23.
15. Туркестанский сборник, т. 466, л. 23; ТЕМИРХАНОВ Л. Восточные пуштуны. Основные проблемы новой истории. М. 1987, с. 166—167.
16. Русь. 22.IV.1908; Туркестанский сборник, т. 465, с. 3, 18, 28; АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 159б., л. 6.
17. Туркестанская военная газета. 1.V.1908.
18. Русское слово. 23.IV.1908.
19. Туркестанский сборник, т. 511, с. 160.
20. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 232б., л. 368—368об., 374—375.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 1, д. 3211, л. 77—77об.
22. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 239б., л. 140.
23. Там же, д. 232, л. 374об. Хотя предложение англичан представляется сомнительным, тем не менее, выход к морю был желанным для афганского руководства в период правления Хабибулла-хана. Эмир ставил это требование перед англичанами во время переговоров с Л. Дейном в 1904—1905 годах. Выход к морю через Белуджистан был важнейшим условием мира и при переговорах с германо-турецкой миссией в 1915 году. МАССОН В.М., РОМОДИН В.А. История Афганистана. Т. 2. М. 1965, с. 314.
24. RHEIN E., GHAUSSY A. Die wirtschaftliche Entwicklung Afghanistans, 1880—1965. Schriften des Deutschen Orient-Instituts Monographien. Opladen. 1966, S. 9; Афганистан. Справочник. М. 2000, с. 4.
25. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 232, л. 38.
26. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917. Серия 3. Т. 4. М.—Л. 1931, с. 13.
27. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 235, оп. 486, л. 19.

28. Там же, д. 232, л. 377.
29. FRASER-TYTLER W.K. Afghanistan. A study of Political Developments in Central and Southern Asia. N.Y.-Toronto. 1967, p. 180.
30. Об этом красноречиво свидетельствует содержание секретного меморандума британского Министерства иностранных дел от 12 августа 1907 года. В нем, в частности, говорилось: «Такая возможность, как военные действия британских войск в Афганистане, должна всегда иметься в виду не только для защиты англо-афганского договора, но и для обеспечения исполнения настоящей конвенции» (то есть англо-русского договора 1907 года). Цит. по: РЕЙСНЕР И.М. Независимый Афганистан. М. 1928, с. 100.
31. British Documents on the Origins of the War. 1898—1914. L. 1929, vol. 4, p. 75.
32. Туркестанский сборник, т. 499, с. 84.
33. МАССОН В.М., РОМОДИН В.А. Ук. соч., с. 319.
34. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 232, л. 378—380.
35. SYKES P.A. History of Afghanistan. L. 1940, vol. 2, p. 242.
36. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 239б., л. 52—53об.
37. Там же, л. 54.
38. Подробнее см.: БЬЮКЕНЕН Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910—1918. М. 2006.; HAUSER O. Deutschland und der englisch-russische Gegensatz, 1900—1914. Gottinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft. Gottingen-Berlin-Frankfurt. 1958, Bd. 30, S. 246.
39. Подробнее см.: ИГНАТЬЕВ А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.). М. 1962, с. 135—139; HAUSER O. Op. cit., S. 247.
40. Международные отношения в эпоху империализма. 1878—1917. Серия 2. 1900—1913. Т. 20. М.-Л. 1938—1940, с. 253—254, 359—360.
41. П.М. Лессар, русский поверенный в делах в Лондоне, подал 6 февраля 1900 г. маркизу Солсбери меморандум, в котором заявлялось, что императорское правительство намерено установить непосредственные отношения с афганцами.
42. Красный архив. Т. 2—3 (69—70). М. 1923.
43. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 235, оп. 486, л. 20—23.
44. Подробнее см.: Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900—1914. М. 2005.
45. Международные отношения в эпоху империализма. Сокращенное издание. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. 1914—1917 гг. Т. 1. М. 1935, с. 40.
46. Туркестанские ведомости. 9.V.1912.
47. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг.: Серия 3. 1914—1917. Т. 3. М.-Л. 1933, с. 142, 240—242.
48. Там же, с. 142, 148, 213.
49. Там же, с. 233—234; РЕЙСНЕР И.М. Англо-русская конвенция 1907 года и раздел Афганистана (По материалам Секретного архива бывшего МИД). — Красный архив. 1925, т. 3 (10), с. 66.
50. Подробнее см.: КЫЧАНОВ Е.И., МЕЛЬНИЧЕНКО Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М. 2005, с. 224—225.
51. РЕЙСНЕР И.М. Ук. соч., с. 66.; БЬЮКЕНЕН Дж. Мемуары дипломата. М. 1924, с. 130—131.
52. СНЕСАРЕВ А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. СПб. 1908, с. 18.
53. Так как русская зона в Персии не соприкасалась с афганской территорией, то, передавая нейтральную зону под контроль Великобритании, российская сторона была намерена переделить нейтральную зону и соединить ее с северным Афганистаном. Подробнее см.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917. Т. VII. М.-Л. 1935, ч. 1, с. 481, 527.
54. Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего министерства иностранных дел. М. 1918, с. 114—115.

В.В. Адамов и его научное наследие

М.А. Фельдман

Судьба научного наследия историка зачастую определяется после его ухода из жизни. Редкое упоминание в библиографическом обзоре одних исследователей и постоянное обращение к работам других, нескончаемые споры вокруг их научных идей и выводов — два возможных варианта. Межрегиональные научные конференции (в 1994 и 2004 гг.), посвященные, соответственно, 80-летию и 90-летию со дня рождения В.В. Адамова, заложившие традицию «адамовских чтений»; сборники трудов, посвященные осмыслению подлинного значения и масштаба воздействия Адамова на эволюцию исторического знания позволяют достаточно точно дать ответ на вопрос: к какой группе историков отнести этого ученого.

Существует еще ряд факторов, требующих дополнительного обращения к наследию уральского историка. В литературе представлены только отдельные штрихи, раскрывающие образ Адамова, как человека. Наиболее четкое определение в этом плане принадлежит видному исследователю Урала, аспирантке Адамова — Л.В. Ольховой: «Ему были присущи внутренняя культура и интеллигентность в самом высоком смысле этого слова. Он был наделен теми качествами, которыми на протяжении столетий по каплям впитывала в себя российская интеллигенция. Он был прост в общении, хотя не многих посвящал в свои сокровенные мысли, переживания, и всегда был честен по отношению к людям»¹. Картина жизни студента-историка до 1941 г., в военные годы, на различных этапах послевоенного сорокалетия работы Адамова в Уральском университете (ныне — Уральском федеральном университете) присутствует в памяти людей и в устных рассказах, а его мысли — в трудах тех, кто продолжает его дело.

Владимир Васильевич Адамов родился 5 июля (22) июня 1914 г. в г. Мценске Орловской области. В 1938 г. поступил на исторический

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского института — филиала Академии народного хозяйства и государственной службы. Екатеринбург.

факультет Уральского государственного университета (УрГУ). С началом Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. В первых же боях был тяжело ранен. После ампутации ноги, вернулся в УрГУ, который окончил в 1944 г. и стал преподавать отечественную историю. В 1954 г. в Ленинградском государственном университете Владимир Васильевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Горнозаводская промышленность Урала в годы Первой мировой войны»².

Обращение к научному творчеству Адамова необходимо еще и потому, что сохраняют свои позиции те историки, которые не могут примириться с концепцией уральского исследователя — одного из историков «нового направления». В статьях Д.В.Гаврилова, В.И.Усанова постоянные нападки на научное наследие Адамова сочетаются с грубым искажением взглядов исследователя, защитой обветшалых догм официальной советской истории 30—50-х гг. XX века³.

Приращение роли научного наследия Адамова следует рассматривать, прежде всего, как последствие того, что и на Урале, и в СССР на полтора десятилетия было приостановлено подлинно научное осмысление отечественной истории, а наиболее заметные исследователи социально-экономической истории России рубежа XIX—XX вв. были насильственно лишены возможности заниматься научной работой. Поскольку, наряду с Адамовым, речь шла о таких выдающихся исследователях, как директор Института истории СССР П.В. Волобуев; руководители отдела истории периода капитализма этого института Л.М. Иванов, А.М. Анфимов, К.Ф. Шацилло; научные сотрудники И.Ф. Гиндин, К.Н. Тарновский, А.Я. Аврех, Ю.И. Кирьянов, М.Я. Гефтер и др.⁴, то можно утверждать, что изучению отечественной истории переходной эпохи от феодализма к капитализму был нанесен серьезный удар⁵.

Трудам Адамова в современной историографической литературе отведено достойное место⁶. Первым по времени и до сих пор наиболее глубоким историографическим осмыслением его трудов остается монография К.Н. Тарновского «Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х — начала 60-х годов». В монографии обращено внимание на, во-первых, методику работы Адамова: оставаясь на почве марксистских концепций, в том числе теории формаций, он отдавал приоритет выводам, полученным на основе научного, непредвзятого изучения конкретных исторических источников. Во-вторых, выступив в роли организатора коллектива сподвижников в Уральском государственном университете, Адамов смог организовать широкий фронт исследований по истории промышленности и рабочего класса Урала (Т.К. Гуськова, Г.В. Калугина, Л.В. Ольховая и др). В-третьих, своеобразие развития Урала (в частности, сохранение полуфеодалных горнозаводских округов) понималось Адамовым, как проявление общероссийских закономерностей, но в своеобразном, видоизмененном, трансформированном виде⁷. Оценки Тарновского (неоднократно повторенные в историографии последующих лет) позволяют увидеть в Адамове ученого, труды которого имеют отнюдь не только региональное значение.

Среди оценок наследия Адамова, прозвучавших в XXI в., привлекают внимание высказывания двух уральских исследователей —

Л.В. Сапоговской и Н.Н. Алеврас. По мнению Сапоговской, Адамов впервые представил горнозаводские округа (ГЗО) не только как производственные единицы, но и как особую форму социальной организации промышленности — устойчивую, способную к саморазвитию. Его система представлений и выводов сформировала целостную концепцию исторического развития горнозаводской промышленности Урала⁸.

Алеврас выдвинула замечание Адамова о том, что технические заимствования в эпоху капитализма могут даже укреплять, а не разрушать старое традиционное общество и его институты⁹. За этим суждением, основанном на анализе российских и, в частности, уральских социально-экономических отношений, Алеврас видит восприятие ученым регионального исторического своеобразия Урала, как признака цивилизационных особенностей России¹⁰. Даже беглое перечисление оценок научного наследия Адамова позволяет говорить о таланте ученого, преодолевшего физический недуг и идеологические барьеры. Попробуем выделить основные вехи творчества Адамова.

Полвека назад, в 1956 г., в статье «Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905 — 1907 гг.» Адамов писал о том, что в ходе акционирования уральских горнозаводских округов в конце XIX — начале XX в., банки и иностранные капиталисты приобретали вместе с ними и все принадлежавшие этим владениям права и привилегии, но продолжали придерживаться прежней системы хозяйствования. Ставшая знаменитой адамовская фраза «в акционерных уральских компаниях непосредственно сочеталась, таким образом, мощь финансового капитала с силой крепостнического землевладения и феодальных монополий» соседствовала с указанием на то, что «своеобразные черты и формы переплетения финансового капитала и пережитков крепостничества в уральской промышленности представляют собой один из ярких примеров, иллюстрирующих особенности складывающегося в России империализма»¹¹.

Заявить в 1956 г. о таком серьезном отличии не регионального, а общероссийского типа капитализма (империализма), как переплетение финансового капитала и пережитков крепостничества, мог только очень смелый человек, готовый отстаивать свои убеждения.

В это же самое время историки «нового направления» приступили к научному осмыслению особенностей финансового капитала в России. В монографиях И.Ф. Гиндина и А.Л. Сидорова прозвучали выводы о том, что не руководители финансово-промышленных групп диктовали свою волю правительству. Напротив, царизм играл руководящую роль по отношению к банковской системе России. Так в 1910—1913 гг. государство предоставило в распоряжение банков огромные суммы и поощряло широкое финансирование промышленности акционерными банками, приняв на себя всю тяжесть обеспечения ликвидности крупных банков. В 1914—1917 гг. вся деятельность банков была подчинена интересам войны и интересам правительства, которое вело эту войну¹².

Одновременно Гиндин «в ходе изучения государственного вмешательства, искусственного ограничения конкуренции и создания правительством привилегированного положения для узких капиталистических групп», пришел к выводу, что «домонополистический

капитализм в пореформенной России не принял до конца тех типичных для капитализма свободной конкуренции форм, в каких он сложился после промышленного переворота в странах, где капиталистический способ утвердился после буржуазных революций»¹³.

Сочетание самодержавного государства, диктующего свои условия в экономике, и феодальных вотчин в промышленности — это выводы привычные для современного читателя, но революционные для годов «оттепели».

Возвращаясь в 1960-е гг. к данной теме, Адамов выдвинул положение о том, что ряд уральских горнозаводских округов, в том числе и самых крупных, оставался в руках феодальных магнатов до октября 1917 г., а во всех образованных акционерных компаниях прежние владельцы имели значительный, если не решающий вес. Было дано теоретическое обоснование сохранения полуфеодального строя на Урале: ломка устарелых порядков обошлась бы заводчикам потерей большей части акционерного капитала, так как стоимость земельных владений заметно (в 2—3 раза) превышала стоимость производственных фондов. Становилось понятным, почему при наличии на Урале 10—12 крупных предприятий, оборудованных новой техникой, большинство уральских заводов осталось полукустарными предприятиями; модернизация оборудования в 1900—1913 гг. носила весьма фрагментарный характер, а в целом капиталистическая перестройка горнозаводских имений была еще очень далека от своего завершения¹⁴.

Анализ содержания монографии Ю.А. Буранова, нацеленной как раз на опровержение взглядов Адамова¹⁵, показал следующее. В 16 из 22 частных и посессионных горнозаводских округах в 1910 г. сохранялись прежние владельцы, то есть аристократы-латифундисты. В данном случае, материалы монографии Буранова опровергали вывод самого же автора о том, что в 1910 г. из 20 действующих крупных и средних горнозаводских хозяйств половина принадлежала новой буржуазии. В дальнейшем, в пяти ГЗО (Верх-Исетском, Нижнетагильском, Алапаевском, Богословском, Пастуховых) прежние владельцы потеряли контроль за горнозаводскими хозяйствами накануне, а еще в пяти — в годы первой мировой войны. Тем не менее, к марту 1917 г. владельцами округов оставались представители старой аристократии: Демидовы, Строгановы, Балашовы, Абамелек-Лазаревы, Белосельские-Белозерские, Львовы. Сохранял владельческие права на земли Чусовского округа, арендованного Камским обществом, князь Голицын. Напомним, что еще в шести казенных уральских ГЗО собственность принадлежала государству — полусамодержавной монархии. Трудно все это оценить, как «завершение процесса акционирования и капитализации горнозаводских хозяйств, практически полного обновления состава владельцев»¹⁶. Как видно, анализ социально-экономического развития Урала в 1900—1913 гг. подводит к иному выводу: о сохранении горнозаводских округов, основанных на феодальном праве.

Создание замкнутых, полунатуральных горнозаводских округов стало не только шагом к консервации феодальных отношений. В силу того, что горнозаводским вотчинам было присуще определенное внутреннее единство и целесообразность, они выступали как прочные и весьма сильные образования. Закрепив и упорядочив феодаль-

ные основы и организацию, горнозаводские округа стали высшим достижением феодальной эпохи на Урале, способствовали укреплению феодального уклада в регионе. О значении феодального земельного фонда, имевшегося в распоряжении горнозаводчиков, красноречиво говорит такой факт: в 9 наиболее развитых горнозаводских округах Урала в 1908 г. стоимость фабрик и движимого имущества составляла 11 млн, тогда как ценность земель определялась в 18,7 млн рублей¹⁷. Немалую роль в процессе консервации феодальных отношений играли контроль, опека горнозаводских округов со стороны государства, его финансовая помощь горнозаводчикам: не случайно Адамов указывал на то, что Горный Устав 1806 г. во многом сохранился до 1917 года¹⁸. С методологической точки зрения в науку вносились положения о возможности длительного сохранения и даже упрочения феодального уклада. Фактически, Адамов отрицал устоявшуюся схему о прямолинейном, неуклонном разложении феодальной формации.

Правоту выводов Адамова подтердило наиболее основательное исследование социально-экономической истории Урала последних лет — монография Е.Г. Неклюдова¹⁹. Жесткая регламентация со стороны государства посессионных горнозаводских округов (к ним относились округа с ограниченным владельческим правом), сохранившаяся до 1917 г., свидетельствовала не только о консервации архаичного правового института до конца имперского периода, но и об очевидной незавершенности реформирования институциональных основ предпринимательской деятельности в промышленности Урала²⁰.

Дальнейшие исследования привели свердловского историка к выводу о переплетении различных укладов в уральской экономике при преобладании полуфеодальных отношений. Финансовая реорганизация горнозаводских округов действительно усилила приток новых капиталов на Урал, однако главная масса этих капиталов пошла не на реконструкцию оборудования, а на выкуп прав и привилегий горнопромышленников. Затраты на производство были ничтожны²¹. Даже первая мировая война не принесла принципиальных изменений в процессы, происходившие в уральской горнозаводской промышленности, так как выборочная модернизация проходила в рамках замкнутых в себе горнозаводских округов²².

Проанализировав уровень развития экономических отношений на Урале, выявив незавершенность промышленного переворота на многих предприятиях региона, ученый обратился к исследованию социального состава и положения уральской буржуазии. Анализ документов съездов уральских горнопромышленников, военно-промышленных комитетов (ВПК) привел Адамова в 1958 г. к логическому выводу о наличии двух социальных групп в составе предпринимательского корпуса на Урале. Одна из них включала «небольшую, сословно-замкнутую, привилегированную группу» титулованной знати, владельцев горнозаводских округов, как правило, проживавших в Петербурге. Другая состояла из дельцов капиталистической эпохи, жителей Урала. Такое заключение подводило к мысли о незавершенности формирования буржуазии как класса, по крайней мере, на материалах Урала²³.

Составной частью промышленного переворота, согласно марксистской концепции, должно было стать формирование современного

индустриального рабочего класса. В первой, уже названной работе 1956 г., Адамов сформулировал общие черты пролетариата Урала. Путь распада сословия горнорабочих в ходе капиталистической перестройки оказался весьма извилистым: часть работников вернулась к сельскому труду, часть обратилась к ремеслам. Но и тот массив мастеровых, который превратился в наемных рабочих, оставался привязанным к горнозаводским округам наделами и хозяйством. Своеобразные черты промышленных рабочих Урала усиливались такими факторами, как проживание большинства пролетариев в заводских поселках, подчиненных крестьянским учреждениям, а также тем, что рабочие Урала были разбросаны на громадной территории изолированными группами. В силу этих причин Адамов указывал на незавершенность процесса формирования пролетариата и, как следствие, на близость положения промышленных рабочих с основной массой горнозаводского населения ²⁴.

Проведение Всесоюзных научных сессий по истории пролетариата, начиная с 1959 г., дало новый импульс изысканиям Адамова. В своем выступлении на третьей Всесоюзной научной сессии в 1963 г. ученый подверг критике как позиции народнической и буржуазной литературы, утверждавшей, что на Урале не было пролетариата, а горнозаводские рабочие являлись полуробочими, так и точку зрения большинства советских авторов, заявлявших о тождестве рабочих промышленности Урала и ведущих индустриальных районов России ²⁵.

Адамов подчеркивал: разговор о характеристиках уральских рабочих превращается в абстрактную схему, если не конкретизировать: о каком слое рабочих идет речь ²⁶. Поскольку капиталистическая перестройка горнозаводских имений была еще очень далека от своего завершения, только часть работников промышленности превратилась в индустриальных рабочих. Другим фактором, замедлявшим формирование рабочего класса, стало наличие у большинства уральских рабочих (3/5 по подсчетам Адамова) своего хозяйства и скота. Пролетарии, в классическом смысле, на Урале были в меньшинстве, являясь в основном пришлыми рабочими ²⁷.

Однако не только экономические и социальные факторы определяли положение рабочих. Научной заслугой Адамова следует считать мысль о глубоком воздействии правовых факторов на динамику формирования рабочего класса, в частности, на зависимость характеристик рабочих от типа горнозаводского округа (частных, посессионных, казенных). По мнению Адамова, если труженики казенных горнозаводских округов ближе других соотносимы с категорией индустриальных рабочих, то именно они, став земельными собственниками оказались менее восприимчивы к леворадикальным взглядам, к чисто пролетарской идеологии. Этот факт совершенно не увязывался с господствовавшими представлениями о развитии рабочего класса после революции 1905 г., подчеркивал Адамов ²⁸. Заметим: эти слова были произнесены на Всесоюзной юбилейной научной сессии по истории пролетариата в ноябре 1967 года.

Еще более выразительными и неожиданными для советских историков стали слова Адамова на другой Всесоюзной юбилейной научной сессии, посвященной 50-летию свержения самодержавия в России, в феврале 1967 г. в Ленинграде. По его словам, незавершенность

превращения горнозаводских рабочих в класс, сохранение и преобладание сословных характеристик обусловили равнодушие определенной части рабочих к советской форме управления весной 1917 года ²⁹. Предпосылки такого поведения Адамов видел в выдвигании уральскими рабочими таких своеобразных требований, как увеличение и передача в юридическую собственность земельных и лесных наделов; свобода промыслов. Характерно, что конфликты на этой почве большей частью не выливались в форму забастовок ³⁰.

Но сколь велика была численность отмеченных категорий уральских рабочих? Для выяснения данного вопроса Адамов, проанализировав все известные статистические источники, пришел к выводу о том, что к Уралу не применимы методы и приемы обработки дореволюционной статистики, используемые в литературе. Подсчет рабочих должен был идти, по мнению Адамова, по горнозаводским округам. Проведя примерные расчеты, исследователь пришел к следующим выводам. Во-первых, более трети горнозаводских рабочих Урала в начале XX в. составляли лесные рабочие — сезонники, занятые большую часть года на сельскохозяйственных работах. Во-вторых, еще более крупной по численности была группа горных, а также заводских вспомогательных рабочих. Хотя занятия подобным ремеслом носили устойчивый характер, среди этой группы уральцев преобладали временные, сезонные работники. Кадровые, постоянные рабочие в промышленности Урала составляли меньшинство ³¹, что лишний раз подтверждало предшествующие выводы Адамова о замедленном процессе формирования рабочего класса.

Наши исследования служат еще одним подтверждением правоты взглядов Адамова, говорившего о необходимости буржуазно-демократических преобразований (а не социалистических) на Урале ³²; правоты идей «нового направления», заявившего еще в конце 1950-х — начале 1960-х гг. о завышенности оценок капиталистического развития России ³³. За исключением Петербурга, Юга и Польши, Урал показывал, скорее, проявление общероссийских закономерностей, чем исключение из правил, демонстрируя широкий диапазон возможностей приспособления и взаимодействия феодализма с капиталистическим хозяйством. Российское государство оказалось способным выработать собственную модель индустриализации, которая на столь огромной территории в полуфеодальной России осуществлялась с аграрной составляющей: земельные участки стали для многих поколений горожан не только в начале, но и в конце в XX в. формой приспособления к новой эпохе. Направление индустриализации диктовал тот социальный слой, в котором дворяне, чиновники и предприниматели нередко выступали в одном лице.

Приращение подлинно научных знаний в последние два десятилетия стало возможным во многом благодаря борьбе представителей фронтового поколения в научном корпусе с ортодоксами сталинской эпохи и их последователями. Фронтовик Адамов выстоял и не сломался, не отказался от своих убеждений. Работы Адамова актуальны и сегодня. Они открывают дорогу к решению новых сложных исторических проблем. Для наших дней открытие Адамова о прочности традиционных, феодальных отношений в России знаменательно тем, что свидетельствует о тщетности (или, по меньшей мере, слож-

ности) надежд на быструю эволюцию советской государственно-монополистической экономики в социально-рыночную. Не потеряли актуальность и строки Адамова об эгоистической политике монополистов-горнозаводчиков, не желавших вкладывать крупные инвестиции в модернизацию промышленности Урала³⁴.

Примечания

1. ОЛЬХОВАЯ Л.В. Воспоминания об учителе. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX—XX вв. Екатеринбург. 2004, с.11.
2. Историки Урала. XVIII—XX вв. Екатеринбург. 2003, с.16.
3. О критиках В.В. Адамова см.: АЛЕВРАС Н.Н. В.В. Адамов и проблемы индустриальной модернизации горнозаводского Урала. В кн.: Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX—XX вв., с. 14—24; ГУСЬКОВА Т.К. Востребовано временем. Там же, с. 34—46.
4. ПОЛИКАРПОВ В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М. 2008, с. 83—84.
5. В этом плане символично название статьи А.Р. Ивонина. См.: ИВОНИН А.Р. Тупики «русского феодализма». — Общественные науки и современность. 2011, № 2, с. 87—99.
6. ТАРНОВСКИЙ К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. В кн.: Советская историография середины 50-х — начала 60-х годов. М. 1990, с. 233—237; ВАСЬКОВСКИЙ О.А., ТЕРТЫШНЫЙ А.Т. Феномен диктатуры пролетариата. (1917 г. в России в оценке историков). Екатеринбург. 1995, с. 103—105, 133; ЗАБОЛОТНЫЙ Е.Б., КАМЫНИН В.Д. К вопросу о месте «нового направления» в отечественной историографии. В кн.: Проблемы истории России: от традиционного общества к индустриальному. Екатеринбург. 1996; ОВЧИННИКОВА Б.Б., ОЛЬХОВАЯ Л.В. Владимир Васильевич Адамов — ученый-историк и педагог. Там же; БУГАЕВА С.Я. Перечитывая работы В.В. Адамова. Там же.
7. ТАРНОВСКИЙ К.Н. Ук. соч., с. 233.
8. САПОГОВСКАЯ Л.В. Оригинальность «оригинального строя» горнозаводской промышленности Урала по В.В.Адамову. В кн.: Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX—XX вв., с. 61.
9. АДАМОВ В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях горнозаводской промышленности Урала. В кн.: Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск. 1972, с. 11—12.
10. АЛЕВРАС Н.Н. Ук. соч., с. 19.
11. АДАМОВ В.В. Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905—1907 гг. В кн.: Большевики Урала в революции 1905—1907 гг. Свердловск. 1956, с. 12.
12. ПОЛИКАРПОВ В.В. Ук. соч., с. 89.
13. Там же, с. 91.
14. АДАМОВ В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала. В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России (1861—1917). М. 1966, с. 172—173; ЕГО ЖЕ. О предпосылках второй буржуазно-демократической революции. В кн.: Свержение самодержавия. М. 1970, с. 93—94.
15. БУРАНОВ Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917 гг.). М. 1982.
16. Там же, с. 254.
17. АДАМОВ В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях горнозаводской промышленности Урала, с. 103.
18. Там же, с. 87—89.
19. НЕКЛЮДОВ Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX вв. Екатеринбург. 2011.
20. Там же, с. 250, 260.
21. АДАМОВ В.В. Развитие промышленности на Урале в 1908—1913 гг. В кн.: Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск. 1961, с. 19.

22. ЕГО ЖЕ. Об оригинальном строе Урала (содержание термина, историография), с. 106.
23. ЕГО ЖЕ. Из истории местных военно-экономических организаций в годы первой мировой войны. — Вопросы истории Урала. 1958, № 1, с. 85.
24. ЕГО ЖЕ. Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905—1907 гг., с. 13—16, 18.
25. ЕГО ЖЕ. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала, с. 163—164.
26. ЕГО ЖЕ. Некоторые вопросы истории буржуазно-демократической революции на Урале. Научная сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. М.-Л. 1967, с. 84.
27. ЕГО ЖЕ. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала, с. 180—183.
28. ЕГО ЖЕ. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции. В кн.: Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года. Одесса. 1967, с. 162—164.
29. ЕГО ЖЕ. Некоторые вопросы истории буржуазно-демократической революции на Урале, с. 84.
30. ЕГО ЖЕ. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала, с. 180—183.
31. ЕГО ЖЕ. Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900—1917 гг. — Вопросы истории Урала. 1969, сб. № 8, с. 156—162.
32. См. например: АДАМОВ В.В. Некоторые вопросы истории буржуазно-демократической революции на Урале, с. 81.
33. ПОЛИКАРПОВ В.В. К.Н.Тарновский и «новое направление» в изучении социально-экономической истории России конца XIX — начала XX века. В кн.: Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. СПб. 2002, с. 45—52.
34. АДАМОВ В.В. О предпосылках второй буржуазно-демократической революции, с. 94—97.

Становление Восточного факультета Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе

П.В. Густерин

Военная разведка РККА на начальном этапе своей деятельности испытывала сильный кадровый голод. Особенно остро недостаток кадров ощущался на восточном «направлении». Это стало одной из причин, по которой было принято предложение бывшего начальника Азиатской части Главного Штаба ¹ А.А. Давлетшина ²: 20 сентября 1919 г. он представил начальнику Всероссийского Главного Штаба РККА Н.И. Раттэлю ³ докладную записку о целесообразности организации в связи с общей политической обстановкой особого Отдела восточных языков при Академии Генштаба РККА ⁴. Эта докладная записка была представлена Л.Д. Троцкому, который одобрил идею и издал соответствующий приказ. В феврале 1920 г. на основании Приказа РВСР № 137 от 29 января 1920 г. ⁵ при Академии Генштаба РККА было открыто Восточное отделение.

Существует заблуждение, что основателем Восточного отделения был второй начальник Академии А.Е. Снесарев ⁶, бывший генерал-лейтенант царской армии, опытный разведчик и выдающийся востоковед. В действительности он был ее старшим руководителем по Ближнему и Среднему Востоку и главным руководителем по военной географии и статистике по совместительству в период с 23 июля 1919 г. по 23 сентября 1924 г. ⁷, и, несомненно, много сделал для организации работы Восточного отделения. Приказ РВСР № 1675 от 5 августа 1921 г. гласил: «Начальника Академии Генштаба РККА тов. Снесарева освободить от его нынешних обязанностей и оставить его в должности профессора. РВСР выражает тов. Снесареву признательность за понесенную им в тяжелое для Академии время работу по поддержанию и устройению Академии» ⁸. Архивные данные также не подтверждают, что Снесарев являлся или исполнял обязанности начальника Отделения.

Первым начальником Восточного отделения по предложению Снесарева стал А.Д. Тарановский ⁹. В 1926 г. начальник Восточного факультета Н.Н. Шварц ¹⁰ отмечал: «От основания Восточного отдела, с 11 февраля 1920 г. до августа 1923 г. сменились 6 начальников отдела. Только с 1922 г. жизнь Восточного отдела начинает упорядочиваться» ¹¹. Это же подтверждается другими архивными материалами: «Ученая деятельность Восточного отделения начинается

Густерин Павел Вячеславович — научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

стабилизироваться лишь с назначением начальником Отделения Доливо-Добровольского^{12»} ¹³.

В «Положении о Восточном Отделении Академии Генерального Штаба», подготовленном Снесаревым, говорилось:

«1). С целью подготовки военнослужащих для службы Генерального Штаба и Красной Армии на восточных окраинах и сопредельных странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, а также для службы по военно-дипломатической части утверждается в составе Академии Генерального Штаба Восточное Отделение.

2). Ежегодно на Восточное отделение Академии зачисляются из числа желающих 20 человек, выдержавших вступительный экзамен в Академию Генерального Штаба, и 20 человек, командиремых Комиссариатом Иностранных Дел также после особого испытания.

3). Помимо изучения языков, в Восточном отделении Академии проходит ряд специальных предметов, положенных по общей программе Академии, чтобы выпускаемые из отделения специалисты-востоковеды в то же время являлись бы и Генштабистами, получившими соответствующую высшую военную подготовку для службы по Генеральному Штабу. Для слушателей, командиремых Комиссариатом Иностранных Дел, военные предметы не обязательны...

8). Установление учебной программы специальных по Востоку предметов и организация порядка обучения по этим предметам, как и во всей Академии, предоставляется Конференции, куда членами входят Заведывающий Отделением, Представитель из Комиссариата Иностранных Дел, Помощник Заведывающего Отделением, а также все преподаватели, руководители занятий и заведывающие обучающимися слушателями...

12). В Восточном отделении изучаются языки: турецкий (2 наречия), персидский (2 наречия), индустани¹⁴, английский, основы арабского языка, китайский, японский, корейский и монгольский, а также проходит краткий курс мусульманского права, страноведения, военная география и статистика Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, история и практика внешних сношений, торговое право и история дипломатических сношений с восточными странами.

Помимо этого преподаются военные науки общего академического курса по программам, установленным в порядке ст. 8...

13). Все преподаватели и руководители практических занятий принимаются Начальником Академии из числа лиц, имеющих соответствующую подготовку, и утверждаются Конференцией...»¹⁵.

К открытию Восточного отделения преподавателей по монгольскому и корейскому языкам подобрать не удалось, а позже от идеи преподавания этих языков было решено отказаться вовсе¹⁶.

Восточное отделение начало функционировать с 11 февраля. «Приказом Академии Генерального Штаба РККА № 29-б от 10 февраля 1920 г. по Восточному отделению», подписанным Снесаревым, все его слушатели были разделены на две группы: слушателей старшего курса (20 чел.) и слушателей младшего курса (20 чел.)¹⁷.

Военнослужащие на обоих курсах были представлены также слушателями Академии Генштаба (еще 20 чел.), которые, пользуясь тем, что занятия проводились по вечерам, одновременно проходили обучение и на Основном факультете, и на Восточном отделении.

Тем же Приказом Снесарева на основной курс Отделения зачислялись 12 сотрудников НКВД. Лица, командированные по линии НКВД, обучались и на ускоренном курсе. Обстоятельства их обучения и положение в неведомственном учебном заведении проясняет письмо Карахана «В комиссию ЦК

РКП по проверке личного состава слушателей Военной Академии РККА» от 16 сентября 1922 г. на имя секретаря ЦК РКП(б) В.В. Куйбышева¹⁸: «НККИД неоднократно обращался в ЦК РКП с просьбой откомандировать в распоряжение НККИД партийных товарищей для политической работы на Востоке. Наши требования до сих пор не были ЦК достаточно удовлетворены. Это обстоятельство заставило НККИД принять участие в организации Востотдела Военной академии РККА, ставящего своей целью подготовить кадры военно-политических и дипломатических работников на Востоке. В свое время на Востотдел для вышеуказанной цели НККИД был откомандирован целый ряд работников»¹⁹.

Примерно половину всех учащихся на каждом курсе составляли вольнослушатели.

В 1922 г. Восточное отделение было расширено и стало именоваться Восточным отделом. По Приказу РВСР № 1621/319 от 1922 г. в его штат должны были входить: начальник, комиссар, два старших преподавателя (1 — по Ближнему и Среднему Востоку, 1 — по Дальнему Востоку), 17 преподавателей и 80 слушателей²⁰. На 27 сентября 1922 г. там числилось 73 слушателя²¹.

Для обучения на Восточном отделении с начала его функционирования командировались и сотрудники ГПУ. В сентябре 1923 г. Доливо-Добровольский добивался от начальника Академии запрета на совмещение учебы и работы в органах сотрудниками ОГПУ. И это несмотря на то, что менее чем за год до этого, 13 декабря 1922 г., он положительно решил такой же вопрос с работниками НККИДа на основании письма Карахана заместителю начальника Академии по политической части Муклевичу: «Ввиду полной незаменимости в настоящее время следующих сотрудников НККИД, состоящих одновременно слушателями Востотдела, прошу Вас разрешить т.т. Пастухову, Рейснеру, Заславскому и Славуцкому продолжить свои занятия в Военной Академии по совместительству»²².

Сначала программа Восточного отделения носила импровизированный характер. Занятия начинались в 18:00 и заканчивались в 21:15. Слушатели занимались по 4 учебных часа в день, в общей сложности — по 24 в неделю. Большая часть учебного времени отводилась языковой подготовке. Общие предметы изучались на лекциях, носивших в большинстве случаев эпизодический характер²³.

С 12 февраля по 30 декабря 1920 г. было отработано следующее количество учебных часов: восточные языки — 7689, западные языки — 2560, общеобразовательные предметы — 45, страноведение — 52.

Таким образом, на начальном этапе своей деятельности Восточное отделение представляло собой скорее языковые курсы, нежели учебное подразделение.

К 1921—1922 учебному году в связи с увеличением числа слушателей, поступивших на вакансии НККИД, встал вопрос о необходимости введения в учебную программу Отделения социально-политических, военных и юридических дисциплин.

1922—1923 учебный год стал началом периода, когда Восточный отдел начал жить нормальной учебной жизнью с дневной формой обучения и строгим, последовательно реализуемым учебным планом. В начале 1922—1923 учебного года программа Восточного отдела в основных чертах сводилась к следующим циклам дисциплин:

1) языки восточные (арабский, китайский, персидский, турецкий, урду, японский) и западные (английский, французский);

2) страноведческие предметы (военная география и история, в том числе новейшая история Востока, экономика стран Востока, правовые системы стран Востока, мусульманское право);

3) социально-политические предметы (политическая история России и Запада, политическая экономия, исторический материализм, история социализма и РКП(б), империализм и экономическая политика РСФСР);

4) юридические предметы (международное право, консульское право, торговое право, гражданское право, государственное право, уголовное право);

5) военное дело.

Все эти дисциплины распределялись между тремя курсами, причем при переходе со 2-го курса на 3-й и при окончании Восточного отдела требовалась защита самостоятельной письменной работы по определенной теме. Между 2-м и 3-м курсами предполагалась 6-месячная командировка в изучаемую страну с обязательным предоставлением отчета о командировке, после чего слушатель считался окончившим теоретический курс.

В 1921 г. в «Положение о Восточном отделении» были внесены изменения, упрощавшие порядок его комплектования военнослужащими. В 1922—1923 учебном году на нем было введено дневное обучение²⁴. В 1922 г. начальником Академии являлся А.И. Геккер²⁵, направлявшийся в последующем в качестве военного атташе в Китай и Турцию.

По «Плану учебных занятий» на 1922—1923 учебный год занятия по разведке не предполагались. Изучались следующие дисциплины:

1-й курс: политическая история России в XIX в., политическая история Запада и Америки в XIX—XX вв., политическая экономия, исторический материализм, история социализма, история РКП, государственное право РСФСР, военно-статистическая география стран Востока, история Востока, топография, тактика главных родов оружия с точки зрения организации вооруженных сил;

2-й курс: гражданское право (в том числе гражданское и концессионное), уголовное и процессуальное право, мусульманское право (для ближневосточного отделения), международное право, консульское право, империализм и основы современных международных отношений, организация вооруженных сил;

3-й курс: новейшая история Востока, экономика стран Востока, экономическая политика РСФСР (в том числе основы внешней торговли и электрификация), правовое устройство изучаемых стран Востока, служба Генерального Штаба²⁶.

Слушатели всех курсов ежедневно по 2 учебных часа изучали восточный язык и также западный. Кроме того, со слушателями ближневосточного отделения проводились занятия по арабскому языку по 2 учебных часа в неделю²⁷.

1922—1923 учебный год стал годом проверки созданной учебной программы, в результате чего к началу 1923—1924 учебного года она была несколько упрощена. Теоретический курс Восточного отдела был сокращен с двух с половиной до двух лет. Затем слушатели направлялись в командировку на Восток на год с представлением отчетной работы по определенной теме. Как отмечал Шварц, «переход на 2-годичный курс в 1923/24 учебном году и изменения постановки занятий по языкам позволили значительно уменьшить число языковых преподавателей и вместе с тем установить их отбор»²⁸. При переходе с 1-го на 2-й курс слушатель должен был устно защищать одну из тем по Востоку²⁹.

Первыми преподавателями Восточного отделения стали известные в то время и ставшие впоследствии крупными учеными востоковеды. Приказом Академии Генштаба № 31-б от 13 февраля 1920 г.³⁰ были утверждены списки преподавателей Отделения, в том числе штатных: Агтая М.О. (арабский язык), Гафаров М.-А. (персидский язык), Вормс А.Э. (торговое право), Нерсесов А.Н. (практика международных отношений), Озеров И.Х. (экономическое положение восточных стран); и нештатных: Лосев В.В., Суворов (индустани), Ларош Е.Г. (турецкий язык), Попов Н.М. (японский язык), Никопольский М.М. (китайский язык), Баранов Х.К.³¹ (арабский язык).

На 4 августа 1922 г. штатными преподавателями Восточного отдела числились: Снесарев А.Е. (старший руководитель по Ближнему и Среднему Востоку, генерал-лейтенант царской армии), Польшов К.Б. (японский язык; старший

руководитель по Дальнему Востоку, полковник царской армии), Гордлевский В.А.³² (турецкий язык), Соколов А.А. (турецкий язык; сотник царской армии), Ларош Е.Г. (турецкий язык), Голунов Р.А., Жирков Л.И. (персидский язык), Клягина М.И. (урду), Никопольский М.М. (китайский язык; поручик царской армии), Попов М.Г. (японский язык; полковник царской армии), Попов Н.М. (японский язык), Баранов Х.К. (арабский язык; хорунжий царской армии), Агтая М.О. (арабский язык), Колоколов В.С. (китайский язык; прапорщик царской армии).

Преподаватели Восточного отдела по западным языкам и лекторы по общим предметам, а также два преподавателя китайского, один — персидского и один — турецкого языков стали числиться за штатом. Всего на 25 декабря 1922 г. — 18 преподавателей³³.

Здесь мы не можем не указать на досадную ошибку, допущенную в книге «Военная академия им. М.В. Фрунзе» (М. 1980, с. 72), в которой говорится: «Среди преподавателей [Восточного] факультета были такие видные языковеды, как известный тюрколог, впоследствии академик В.А. Брулевский». Речь, несомненно, идет о В.А. Гордлевском, которого приведенная цитата характеризует совершенно справедливо.

В 1921—1923 гг. для слушателей Восточного отдела их преподавателями были созданы учебные пособия по персидскому, турецкому, японскому языкам и урду³⁴.

В течение первых двух лет происходил значительный отсев слушателей Отделения, вызванный тем, что в их число при первых наборах попало много совершенно случайных людей, не стремившихся к работе с восточным языком или на Востоке. Кроме того, некоторые слушатели были командированы на срочную работу³⁵. Вообще, ситуация на Восточном отделении была характерна для всей Красной Армии того времени: «Бичом армии вплоть до 1924 г. являлась огромная текучесть личного состава, которая срывала всякую возможность организации нормальной боевой и политической подготовки войск»³⁶.

Первый выпуск Восточного отдела — 8 слушателей — состоялся в 1923 году³⁷. Среди его выпускников были полковник А.А. Бусяцкий (1893—1971), окончивший Академию в 1924 г. и ставший впоследствии заместителем начальника 8-го отдела Генштаба РККА, К.Г. Василевский, назначенный в ноябре 1924 г. начальником Среднеазиатских курсов востоковедения³⁸ в Ташкенте, основателем которых был легендарный И.Д. Ягелло³⁹.

В 1923 г. Восточный отдел перешел на 3-годовалный курс обучения, что было вызвано предложением НКВД предоставлять слушателям командировки в страны Востока для практической работы и совершенствования знаний восточных языков. Однако в том же году сроки обучения вновь были пересмотрены и уменьшены до двух лет⁴⁰.

Подготовку учащихся Восточного отдела курировало Разведуправление. Так, в 1924 г. в рапорте на имя заместителя председателя РВС СССР Уншлихта был раскритикован список учебных тем по тактике, среди которых были следующие: «Атака небольшими силами г. Багдада, защищаемого многочисленным, но плохо вооруженным неприятелем», «Оборона малыми силами г. Тавриз против неприятеля многочисленного, но плохо вооруженного», «Особенности подготовки войск для действий в Сирии и Палестине»⁴¹.

Список тем по военно-морскому делу в названном рапорте был одобрен. Примечательно, что он включал среди прочих тему «Сравнение стратегического и хозяйственного положения Панамского и Суэцкого каналов»⁴².

Военной администрацией также были одобрены темы «Особенности устройства тыла и базирование Английской армии в Месопотамии»⁴³ в мировую войну», «Комплектование Турецкой армии в Мировую войну и последнюю

Греко-Турецкую войну», «Организация горных войск применительно к нашим азиатским театрам военных действий с учетом нашего опыта на Кавказском фронте в Мировую войну», «Особенности устройства тыла на горном театре [военных действий] по опыту Войны 1914—1918 гг. на Кавказском фронте» и другие.

По стратегии и военному искусству рассматривались следующие темы: «Младотурецкая революция и Турецкая армия», «Борьба за Багдад в Мировую войну», «Железнодорожное строительство в Турции и его роль в обороне государства», «Иракский вопрос», «Сирийский вопрос»⁴⁴.

Со своей стороны Разведуправление предложило дополнительный список тем, в том числе «Вопросы организации тыла при войне Турецкой армии с советскими республиками», «Персидский Азербайджан как театр военных действий», «Война в пустынных областях Персии при условии базирования на Советский Туркестан»⁴⁵.

В 1924 г. Восточный отдел был реформирован: Приказом РВСР № 697/130 от 21 мая 1924 г. было установлено, что эта структура должна готовить специалистов только для военного ведомства и укомплектовываться только окончившими Военную академию или равное с ней военно-учебное заведение⁴⁶.

В связи с уменьшением штатного состава слушателей до 20 человек Восточному отделу был возвращен статус «Восточное отделение». Несмотря на уменьшение количества вакансий, сотрудники ОГПУ продолжали приниматься в качестве полноправных слушателей. 12 ноября 1924 г. Муклевич докладывал Уншлихту: «Некоторые слушатели из числа сотрудников Г.П.У. отрываются служебными работами по своим должностям от учебных занятий на восточном отделении»⁴⁷. Это позже подтверждал и Шварц: «Большое число пропусков в 1923/24 учебном году объясняется как общим состоянием учебной дисциплины, так и занятостью слушателей (невоенных), общественно-политической работой в часы занятий на факультетах службой в тех учреждениях, откуда они были командированы на Востотдел. В 1924/25 учебном году... некоторые категории слушателей (главным образом, из ОГПУ) продолжали пропускать занятия»⁴⁸.

В декабре 1924 г. в статье «Вопросы высшего военного образования» М.В. Фрунзе обосновал необходимость реорганизации подготовки на восточном отделении: «Некоторые изменения нами проведены в области подготовки работников для других стран на нашем восточном отделении (Военной академии. — П.Г.). До сих пор у нас было так, что здесь мы подготавливали вообще работников для работы за рубежом, не только для себя, для нужд Красной Армии, но и для нужд гражданских органов, в частности для НКВД. В соответствии с общей линией, которую мы проводим, это абсолютно ненормально. Работников для зарубежной работы мы должны готовить в широком масштабе в соответствующих высших гражданских учебных заведениях. Что же касается нашей военной потребности, то она должна достигаться несколько иным методом. Нам нужны работники за границей, но работники, прежде всего обладающие очень высокой военной подготовкой. Поэтому мы решили, что здесь, на восточном факультете⁴⁹, у нас будут (обучаться. — П.Г.) товарищи, которые уже имеют достаточную военную подготовку. О том, насколько важна эта работа, сейчас нет нужды говорить. Это ясно из всей международной обстановки, из тех событий, которые совершаются вокруг нас, которые имеют место сейчас в Китае, в Персии, в Турции и в целом ряде других восточных стран»⁵⁰.

Несомненно, на изменения в подборе кандидатов для поступления на Восточное отделение повлияло соперничество Разведуправления и ИНО.

В Приложении № 1 «Программы вступительных испытаний во все военные академии РККА и военные отделения гражданских высших учебных заведений» к Приказу РВС СССР № 500 от 25 мая 1925 г. указывается, что Военная академия РККА включает Восточный факультет⁵¹. 1 июля 1925 г.

восточное отделение Военной академии РККА было официально преобразовано в Восточный факультет, что было утверждено Приказом РВС СССР № 1094 в октябре того же года ⁵².

Примечания

1. Главный Штаб — один из структурных органов Военного министерства Российской Империи, функции которого заключались в высшем управлении военно-сухопутными силами в строевом и инспекционном отношениях, в том числе — отчетность личного состава войск, комплектование, формирование и расформирование войсковых частей, продвижение по службе, пенсии, награждения и т.п. Не путать с Генеральным Штабом — общее название чинов высших войсковых штабов Российской Империи, являвшихся ближайшими помощниками строевых начальников для разработки деталей военных операций и руководства их выполнением. Научную подготовку офицеры ГШ получали в военных академиях, куда поступали по выслуге определенного числа лет. Функции ГШ заключались в разработке вопросов, касавшихся подготовки к войне, и заведовании военными сообщениями.
2. Давлетшин Азис Абделлевич (Абдулгазиз, 1861—1920) — офицер, востоковед, один из виднейших военных арабистов. Окончил Павловское военное училище, НАГШ, Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД. В 1898 г. был в командировке в Хиджазе. Служил в Кавказском военном округе, Туркестанском военном округе, в Главном Штабе. Автор работ по политической географии.
3. Раттэль Николай Иосифович (1875—1938) — военный. Окончил Павловское военное училище (1896), НАГШ (1902). Участник русско-японской и первой мировой войн. В РККА с 1918 г.: начштаба Высшего военного совета, начальник ПШ РВСР, Всероглаштаба. С июня 1920 г. — председатель Военно-законодательного совещания при РВСР. С 1925 г. — в народном хозяйстве.
4. С назначением начальником Академии ГШ РККА М.Н. Тухачевского 5 августа 1921 г. переименована в Военную академию РККА. Нельзя путать с Академией ГШ РККА, созданной в 1936 г. на основе оперативного факультета ВА РККА им. М.В. Фрунзе. Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — военачальник. Окончил Александровское военное училище (1914). Участник первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. Занимал ряд высших командных должностей. Автор работ по различным аспектам военного дела.
5. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 24696, оп. 1, д. 78, л. 48, 53; ф. 4, оп. 12, д. 9, л. 195.
6. Снесарев Андрей Евгеньевич (1865—1937) — военачальник, разведчик, ученый. Окончил математический факультет Московского университета и Московскую консерваторию (1888), Московское пехотное училище (1890), НАГШ (1899). С 1904 г. — при ГШ, преподаватель военной географии в военных училищах. Участник первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 года. В 1919—1921 гг. — начальник Академии ГШ РККА, в 1921—1930 гг. — ректор и профессор МИВ, профессор военных академий. Автор трудов по военной географии и статистике. См.: МОРОЗОВ А. Служил Отечеству. Генерал А.Е. Снесарев. Воронеж. 2005; БУДАКОВ В. Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж. 2011.
7. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 180, л. 190об.—191.
8. Там же, ф. 4, оп. 12, д. 18, л. 52об.
9. Тарановский Александр Дмитриевич (1885—1938) — офицер, топограф. Окончил Военно-топографическое училище (1907), НАГШ (1914), Киевскую школу летчиков-наблюдателей (1917). В РККА с 1918 года. В феврале-октябре 1920 г. — начальник Восточного отделения Академии ГШ РККА. Позже — на командных должностях. В 1923—1930 гг. — начальник Корпуса военных топографов.
10. Шварц Николай Николаевич (1882—1944) — военный, ученый. Окончил Новгородское реальное училище, Московское военное училище (1904), НАГШ (1911).

- Участник русско-японской, первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. Начальник разведывательного отделения военно-статистического отдела Оперативного Управления ВГШ. С 1920 г. — преподаватель ВА РККА им. М.В. Фрунзе, в том числе с 9 августа 1923 г. по 1927 г. — начальник Восточного факультета. С 1936 г. — преподаватель Академии ГШ РККА. Автор военно-теоретических трудов.
11. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 78, л. 42.
 12. Доливо-Добровольский Борис Иосифович (Осипович) (1873 — ?) — военный, ученый. Окончил Морской кадетский корпус (1893). Служил на Черноморском флоте. Во время первой мировой войны служил в Морском ГШ. В 1918 г. — преподаватель русско-германской комиссии по морским вопросам, в 1919 г. — лектор военно-морского дела на курсах военной разведки при Наркомате морских дел. С 1920 г. — в Академии ГШ РККА, в том числе — начальник Восточного отдела с 1 августа 1921 г. по 9 августа 1923 года. С 1923 г. — начальник кафедры иностранных языков ВА РККА. Автор военно-теоретических трудов.
 13. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 78, л. 50об.
 14. Индустаны — устаревшее название. Точнее — хиндустаны или урду.
 15. РГВА, ф. 4, оп. 12, д. 9, л. 197—197об.
 16. Там же, ф. 24696, оп. 1, д. 78, л. 51об.
 17. Там же, д. 159, л. 81.
 18. Куйбышев Валериан Владимирович (1888—1935) — государственный и партийный деятель. Участник Гражданской войны (один из организаторов и политических руководителей РККА). Позже — на руководящей профсоюзной, хозяйственной и партийной работе. С 1927 г. — член Политбюро ЦК ВКП (б).
 19. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 170, л. 50.
 20. Там же, ф. 4, оп. 4, д. 442, л. 341; ф. 24696, оп. 1, д. 186, л. 43.
 21. Там же, ф. 24696, оп. 1, д. 63, л. 43.
 22. Там же, д. 78, л. 50об.; д. 65, л. 14; д. 63, л. 98.
 23. Там же, д. 78, л. 49.
 24. Там же, л. 48об.
 25. Геккер Анатолий Ильич (1888—1938) — военачальник, военный дипломат. Окончил Владимирское военное училище (1909), курсы при НАГШ (1917). Участник первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 года. Начальник ВА РККА (1922), военный атташе в Китае (1922—1925), Турции (1929—1933). С 1934 г. — начальник отдела внешних сношений РУ.
 26. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 186, л. 79—80.
 27. Там же, л. 79.
 28. Там же, д. 78, л. 42.
 29. Военная академия за пять лет. М. 1923, с. 212—216.
 30. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 159, л. 92.
 31. Баранов Харлампий Карпович (1892—1980) — выдающийся советский арабист-филолог. Окончил Лазаревский институт восточных языков (1915). В середине XX в. составил Арабско-русский словарь, продолжающий переиздаваться в виду его непреходящей практической, культурологической и педагогической ценности. В ВА РККА им. М.В. Фрунзе преподавал до 1932 года.
 32. Гордлевский Владимир Александрович (1876—1956) — крупный советский тюрколог. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1899) и Лазаревский институт восточных языков (1904). Внес значительный вклад в изучение турецкой истории, филологии и этнографии. В ВА РККА им. М.В. Фрунзе преподавал в 1921—1939 годах.
 33. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 186, л. 16—19; д. 63, л. 146.
 34. Военная академия за пять лет, с. 217.
 35. Там же, с. 220—221.
 36. БЕРХИН И.Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.). М. 1958, с. 333.
 37. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 173, л. 67.
 38. «Положение о Военных курсах востоковедения при Штабе Туркфронта» было утверждено 20 мая 1921 г. РГВА, ф. 4, оп. 4, д. 274, л. 9—10 и объявлено Приказом РВСР № 919/159 того же года. С 1 октября 1922 г. они стали именоваться «Выс-

- шая военная школа востоковедения Туркестанского фронта» («Положение о Высшей военной школе востоковедения Туркестанского фронта» см.: РГВА, ф. 4, оп. 4, д. 442, л. 421—422). В журнале «Новый Восток» (М. 1928, № 20—21, с. 497—498) К.Г. Василевский опубликовал заметку «Средне-Азиатские курсы востоковедения РККА», ставшую, по сути, отчетом о деятельности курсов за семь лет их функционирования.
39. Ягелло Иван Дионисьевич (1865—1942) — офицер, востоковед. Окончил 2-е Константиновское военное училище, Курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, Археологический институт. В 1896—1897 гг. стажировался в Школе живых восточных языков в Париже. В 1897—1900 гг. — начальник и преподаватель Курсов для обучения офицеров урду в Ашхабаде. В 1900—1914 гг. — преподаватель урду и фарси, начальник Ташкентских курсов восточных языков при Штабе Туркестанского военного округа (Ташкентская офицерская школа восточных языков). Участник первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. В 1920—1921 гг. — начальник Курсов востоковедения и разведки при штабе Туркестанского фронта, в 1921—1924 гг. — начальник Среднеазиатских курсов востоковедения РККА, в 1930—1933 гг. — преподаватель урду в ВА РККА им. М.В. Фрунзе. Автор трудов по военной географии, педагогике и языковедению.
 40. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 78, л. 49; д. 65, л. 15.
 41. Там же, д. 69, л. 13.
 42. Там же, л. 13об.—14.
 43. В августе 1921 г. на территории Месопотамия было образовано королевство Ирак. Здесь сотрудниками Разведуправления употребляется устаревший термин.
 44. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 69, л. 14об.
 45. Там же, л. 10.
 46. Там же, д. 78, л. 58.
 47. Там же, л. 50об.; д. 69, л. 17.
 48. Там же, д. 78, л. 42об.
 49. По-видимому, Фрунзе подразумевает уже принятое решение о преобразовании Восточного отделения в Восточный факультет.
 50. ФРУНЗЕ М.В. Избр. соч. Т. II. М. 1957, с. 182.
 51. РГВА, ф. 4, оп. 15а, д. 188, л. 222.
 52. Военная академия им. М.В. Фрунзе. М. 1988, с. 272.

Японский колониализм: особенности управления

В.А. Перминова

Японская империя начала реализовывать собственную колониальную политику только с конца XIX в., в период, когда международный порядок и разделение на сферы политического влияния в мире были уже сформированы западными странами. Япония, вступившая со второй половины XIX в. на путь модернизации по западному образцу, использовала опыт западных стран в управлении колониями. Таким образом, японская колониальная политика, в первую очередь, носила «подражательный» характер. Административные и политические институты, созданные по западному образцу, были характерны не только для внутренней модернизации страны, но и для ее колоний. Новые административные структуры, уголовное и гражданское право, органы местного самоуправления, современное промышленное производство, усовершенствованная система образования — все это было характерно как для европейских, так и для японских колоний. Вместе с тем, японский колониализм в европейской историографии никогда не ставился в один ряд с колониализмом западным, поскольку он обладал рядом черт, которые не были присущи европейскому управлению.

Представляется интересным определить отличительные особенности японского колониализма, а также в общих чертах сравнить японское управление на Тайване, в Корее и Маньчжурии и определить основные результаты, которых японцам удалось достичь в управлении своими колониями.

Уникальность японского опыта заключается в том, что колониальная империя создавалась из территорий, географически близких Японии, а народы, населявшие эти территории, в социально-культурном отношении имели много общего с японцами, так как принадлежали одной и той же конфуцианской дальневосточной цивилизации¹. Этим японцы отличались от европейцев, которые покоряли земли, ранее им неизвестные, и народы, чуждые им по культуре. Принципиальное различие в европейской и восточной культурах давало европейцам основания, хотя и формальные, полагать, что они принадлежат к более высокой и развитой цивилизации. Народы, которые были покорены японцами, напротив, не воспринимали их как носителей более совершенной цивилизации. Корейцы, например, были убеждены в своем культурном превосход-

Перминова Вера Александровна — аспирант Института востоковедения РАН.

стве, поэтому в их глазах легитимность японского управления была с самого начала под вопросом². Это явилось дополнительной причиной того, что колониальные власти для поддержания своего контроля больше полагались на силу. В условиях жесткого контроля за населением на территории японских колоний часто происходили вооруженные восстания³.

Еще одна черта японского колониализма — массовая миграция населения из метрополии на подконтрольные территории. Такая политика отвечала ее долгосрочным планам — для создания Великой Восточной Азии под началом Японии требовалось населить государства-сателлиты японцами. Несмотря на то, что переселение японцев-фермеров и других работников сельскохозяйственной отрасли было малоэффективно, японцы все же составляли значительную долю населения (в Корее — около 2,5%, на Тайване — 4,5, причем на востоке Тайваня — почти 17%).

Географическая близость японских колоний к метрополии способствовала их всеобъемлющей экономической интеграции. Была создана развитая система транспортной сети, связи и другая необходимая инфраструктура для максимально легкого перемещения промышленности ближе к источникам сырья и дешевой рабочей силы. По отдельным показателям Япония опережала европейские страны по экономическому освоению колоний⁴.

Задача экономической интеграции колоний и метрополии могла быть реализована наиболее эффективно при условии культурного и языкового единства территорий, входящих в Японскую империю. Активная культурная ассимиляция, которую японские власти начали проводить в колониях с 1920-х гг., включала в себя обучение японскому языку (проводилось с самого начала колониального освоения) и «национальной морали». Новые учебные заведения, приходившие на смену традиционным школам, должны были воспитать подданных, лояльных японскому режиму, и обеспечить кадрами низшее административное звено. Хотя европейские колониальные страны тоже насаждали свою культуру и язык, однако нигде такая активная культурная ассимиляция не стояла в числе первоочередных задач колониальной политики.

Первой колонией Японии стал Тайвань, который перешел к ней по результатам японо-китайской войны 1894—1895 годов. К этому моменту японцы не обладали каким-либо опытом колониального управления, что и объясняет чисто военные методы контроля и постоянные восстания, не утихавшие в течение первых 10 лет после аннексии острова. Только с XX в. японцы начали реализовывать на Тайване более рациональную политику экономического развития с учетом местных особенностей (так называемое «научное управление»). Тайваньский опыт в дальнейшем использовался японцами во время управления Кореей и Маньчжурией. Причем, Маньчжурия должна была служить лучшим образцом японской колониальной политики, а ее взаимодействие с Японской империей являлось примером того, как в будущем должны будут взаимодействовать государства Азии с Японией в рамках Великой Восточной Азии (Маньчжурию называли «изящной витриной сферы процветания»).

Колонизация подконтрольных Японии территорий начиналась с подавления сопротивления местного населения, затем проходила «инвентаризация» — земельная перепись и перераспределение земельной собственности, которая в основном оборачивалась для населения конфискацией земли, часто земля передавалась государству из-за отсутствия надлежащих документов, удостоверяющих принадлежность земельного участка. В отличие от Тайваня, в Корее резкое уменьшение площади пахотных земель, которыми могло распоряжаться крестьянство, усугублялось еще тем, что значительную долю участков японцы оставили в собственности корейской аристократии — янбанов. В результате, крестьяне не могли самостоятельно обрабатывать землю без финансовой помощи банков⁵.

Вместе с упорядочиванием земельной собственности происходило формирование местной администрации всех уровней. Главой администрации являлся генерал-губернатор, назначаемый напрямую императором по представлению премьер-министра ⁶. В Маньчжурии и на Тайване с 1919 г. эту должность занимали гражданские чиновники, в Корее генерал-губернатор возглавлял только гражданское управление ⁷. В период 1910—1920 гг. в колониях формировались законосовещательные советы, были учреждены местные органы самоуправления на уровне провинции, города и села. Такие советы занимались обсуждением финансовых вопросов, а решения членов совета носили рекомендательный характер. В Корее выборы населением местной администрации начали проводиться раньше, чем на Тайване. С 1921 г. прошли выборы на основе имущественного ценза в провинциальные и городские советы ⁸. По сравнению с тайваньцами, корейцы в большем количестве были представлены в администрации колонии: к 1942 г. они занимали 18% должностей на высшем административном уровне, 32% должностей более низкого ранга и 57% должностей низшего звена (на Тайване только 1—1,5% из числа госслужащих были тайваньцами) ⁹.

Контроль за населением производился за счет большого количества полиции и жандармерии: в Корее полиция составляла 0,25% населения, на Тайване — 0,6%. Везде применялась система круговой поруки баоцзя (яп. — хоко), благодаря которой власти могли контролировать все сферы жизни населения. Более того, были созданы системы «деревень безопасности» (в Маньчжурии в районе КВЖД и на Тайване), где круговая порука носила также охранительный характер ¹⁰.

Одной из основных задач, стоявших перед японской администрацией, являлась наладка наиболее прибыльной отрасли производства в каждой из колоний: на Тайване это была сахарная промышленность, в Корее — сельскохозяйственные продукты (в основном рис), в Маньчжурии — тяжелая промышленность.

Аграрный сектор в Маньчжурии не являлся основным и должен был обеспечивать продовольствием, в первую очередь, японскую армию ¹¹. Промышленность, главным образом, горнодобывающая и черная металлургия, составляла основу экономики Маньчжурии. В отличие от европейских держав, которые придерживали темпы экономического развития своих колоний, Япония была вынуждена создавать и укреплять военно-промышленный комплекс на оккупированной территории, так как сама не располагала достаточными ресурсами для развития отечественной тяжелой промышленности (японское производство покрывало 58% потребностей страны в чугунах и 76% в стали) ¹². Японцы реконструировали в Маньчжурии несколько заводов, восстановили рудники и угольные шахты, создали крупные предприятия транспортного машиностроения ¹³. К 1936 г. Япония создала в Маньчжурии надежную материальную и технологическую базу — среднегодовой прирост объема производства в обрабатывающей и добывающей промышленности составлял 16,7% ¹⁴.

В отличие от Маньчжурии, промышленность в Корее и на Тайване не являлась основной отраслью экономики и начала играть сколько-нибудь важную роль только к середине 1930-х гг. в ходе подготовки Японии к войне. В этот период в Корее большое развитие получила горнодобывающая промышленность (добыча золота, серебра, железа, меди), машиностроение, химическая и легкая промышленность ¹⁵. На Тайване цветная металлургия, машиностроение и химическое производство начали развиваться только с конца 1930-х гг., большее внимание здесь уделялось обрабатывающей промышленности (более трудоемкой), а с начала 40-х гг. XX в. власти начали проводить политику импортозамещения и диверсификации сельскохозяйственных культур. К концу

колониального периода наметилась тенденция увеличения роста экспорта по отношению к импорту: за 1911—1938 гг. его экспорт увеличивался на 6,7%, импорт — на 4,9% в год. Вместе с Кореей в первой половине 1930-х гг. Тайвань обеспечивал до 30% импорта и 35% экспорта Японии ¹⁶.

В период войны все ресурсы колоний были мобилизованы для обеспечения японской армии необходимым оборудованием и продовольствием. Корея и Маньчжурия в силу своих географических и природных особенностей служили промышленной базой (Корея поставляла еще и продовольствие), тогда как Тайвань, не обладавший богатыми природными ресурсами, мог подкреплять экономику Японской империи, в основном, за счет большего объема реализуемой на рынке сельскохозяйственной продукции. В условиях подготовки к войне экономика Маньчжурии, нацеленная на форсированное строительство военно-промышленного комплекса, развивалась еще более однобоко, чем прежде. На Тайване те же условия явились причиной активного развития экспорта и расширения перечня товарной продукции.

Планы колониального освоения были рассчитаны на длительное время и предполагали постепенное привлечение местного населения в органы власти. Опорой местных властей могли стать молодые люди, получившие образование японского образца и воспитанные в духе единства стран Азии и Японии. Всем этим целям отвечала политика культурной ассимиляции и ее основная составляющая — образовательная политика. Обучение японскому языку и японизация населения являлись приоритетными задачами ассимиляции народов Кореи, Маньчжурии и Тайваня. Число традиционных китайских и корейских школ стремительно сокращалось, в новых учебных заведениях преподавание велось только на японском языке, хотя родной язык все же оставался в программе (как иностранный). Набор дисциплин помимо обычных предметов включал в себя учение о «сфере сопроцветания» народов Азии (в Маньчжурии). Японцы стремились показать, что они являются единокровными и «старшими» братьями народов, которыми управляют ¹⁷. Школы с самого начала подразделялись на японские и те, которые предназначены для местного населения. Хотя позднее (в Корее — в 1919 г., на Тайване — в 1922 г.) все школы были формально уравнианы в правах, а программы унифицированы, возможности получить среднее и высшее образование у местного населения почти не оставалось (высшее образование получали в среднем не более 2% молодежи). Слишком высокая для большинства населения оплата обучения не позволяла корейцам и китайцам (за исключением богатых семей) получать образование, выше начального.

К числу мер, предпринятых в рамках культурной ассимиляции, относится также искоренение местных обычаев, распространение синтоизма и проведение кампании по изменению имен (в Корее и на Тайване). Эта политика начала проводиться во всех японских колониях преимущественно в 40-е гг. XX в., однако не везде полностью исключала местные религии и культы. В Маньчжурии синтоизм, призванный духовно сближать Маньчжоу-го и Японию, был объявлен государственной религией в 1940 году. С этого момента все проявившие неуважение к синтоизму граждане подвергались тюремному заключению ¹⁸. На Тайване синтоизм тоже являлся основной религией, однако 24% всех храмов (в 1941 г.) оставались несинтоистскими, из которых более 2 тыс. были китайскими ¹⁹. В Корее, несмотря на распространение синтоизма, японские власти восстановили некоторые старые корейские обычаи (правила о похоронах и браке) и открыли конфуцианскую школу ²⁰.

Для более эффективной ассимиляции число японских переселенцев в колониях должно было составлять значительную долю населения, чтобы стать опорой для японского режима. На решение переселенческого вопроса японское

правительство возлагало особые надежды: в Маньчжурию, например, к 1952 г. планировалось переселить 5 млн японских и корейских колонистов²¹. «Основным переселенческим элементом должны были стать крестьяне-земледельцы», после которых по значимости шли «чиновники всех видов, промышленники и коммерсанты»²². Для организации переселения японских крестьян (и корейских — в Маньчжурию) был разработан целый комплекс мер по освоению целинных земель. Однако из-за того, что подъем целинных земель шел крайне медленно, правительство, как правило, в массовом порядке скупало за бесценок земли у местных крестьян, сдавая их в аренду колонистам²³. Кампании по переселению японцев-крестьян в Корею и на Тайвань также не имели большого успеха.

Миграция населения из колоний в Японию происходила в ограниченных масштабах, однако, в зависимости от периода времени и колонии, отличалась по составу мигрантов: среди тайваньцев это были в основном студенты и состоятельные люди, среди корейцев, особенно в военное время — неквалифицированные рабочие, преимущественно, бывшие крестьяне, оставшиеся без земли²⁴. О разнице в уровне доходов населения в Корее и на Тайване также свидетельствует следующее: в ходе развития промышленности в Корее многие безземельные или малоземельные крестьяне мигрировали в города, что повлекло за собой удешевление рабочей силы в промышленной отрасли. На Тайване, в отличие от Кореи, не происходило сокращения занятых в аграрном секторе (доходы населения, занятого в сельскохозяйственной отрасли, росли), поэтому заработная плата рабочего промышленной сферы не приближалась к доходам в аграрном секторе (на одного человека).

Более высокие показатели в экономической и финансовой сферах Тайваня по сравнению с Кореей и Маньчжурией дают основания полагать, что общий уровень жизни тайваньцев был немного выше. При том, что в финансовой политике во всех японских колониях была принята система принудительных вкладов и «народных сбережений»²⁵, а также контроль за расходами местного населения по банковским счетам, на Тайване оплаченный капитал и вклады возрастали быстрее, чем в среднем по империи. Кроме того, общая сумма капиталов компаний, имевших основной офис на Тайване, была больше, чем в других колониях, при том, что площадь Тайваня и его население в несколько раз уступают Корее или Маньчжурии²⁶. В числе положительных черт тайваньского колониального развития стоит отметить также санитарно-гигиенические мероприятия, которые были организованы японскими властями почти сразу после аннексии острова, что позволило приостановить распространение тяжелых тропических болезней, угрожавших как местному населению, так и администрации.

О значимости преобразований, проведенных японцами в колониях, и важности связей японских колоний с метрополией можно судить по тому, насколько серьезно сказался разрыв с Японской империей на экономическом развитии этих территорий в период, сразу последовавший за «славным возвращением». На Тайване, с переходом власти к Гоминьдану, началась эксплуатация собственности не только японских, но и тайваньских предприятий в пользу материкового Китая. Жесткое авторитарное управление и огромная инфляция в результате разрыва экономических отношений с Японией (рост цен составлял 600—700%) привели к восстанию против китайских властей в 1947 году. В Корее после депортации японских переселенцев в 1945 г. промышленность осталась без квалифицированных кадров и сырья в результате разрыва связей с бывшей метрополией. Война и раскол страны, произошедшие в 50-х гг. XX в., привели к почти полному разрушению корейской промышленности и инфраструктуры, которые, по мнению многих ученых, являлись наиболее развитыми

в колониальном мире ²⁷. Таким образом, уход японцев с захваченных территорий в 1945 г. был связан не только с освобождением народов от иностранной эксплуатации, но и с определенным откатом назад в сфере экономического развития ²⁸.

Японская политика на оккупированной китайской территории, по мнению многих западных ученых, являлась менее эффективной, чем управление европейцев, так как Япония не смогла поддерживать такой же уровень экономической организации на оккупированных территориях (за исключением Тайваня и Кореи)²⁹. На Тайване и в Корее японский колониализм, по крайней мере до середины 1930-х гг., мало отличался по степени авторитаризма от французской или голландской моделей колониального управления, зато заметно их превосходил по своим экономическим достижениям ³⁰. Если же сравнивать Корею и Тайвань, то можно сказать, что японское колониальное управление на Корейском полуострове выявило больше отрицательных сторон, поскольку политика проводилась более репрессивная (на Тайване большинство карательных операций касались аборигенов, так и не подчинившихся японцам), а культурная ассимиляция не привела к такой японизации населения, какая произошла на Тайване. Тайвань оказался более сбалансировано развит в промышленной и сельскохозяйственной сферах, и, судя по его экономико-финансовым показателям, был регионом, в котором общий уровень жизни населения был несколько выше, чем в других японских колониях.

В период японского управления на Тайване была заложена основа японо-тайваньского сотрудничества в послевоенные годы. Япония сумела установить прочные экономические и культурные связи с Тайванем в период его освоения, что создало благоприятные условия для их взаимодействия во второй половине XX века.

Примечания

1. КАЛАШНИКОВ Н.И. Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики. — Восток. 1999, № 6, с. 18.
2. MACDONALD D.S. The Koreans: Contemporary politics and Society. Boulder- London. 1988, p. 39.
3. JACOBS N. The Korean road to modernization and development. Ithaka-Chicago. 1985, p. 71. Цит. по: КАЛАШНИКОВ Н.И. Ук. соч., с. 18.
4. КАЛАШНИКОВ Н.И. Ук. соч., с. 21.
5. Там же, с. 23.
6. МОЛОДЯКОВ В.Э., МОЛОДЯКОВА Э.В., МАРКАРЬЯН С.Б. История Японии. 20 век. М. 2007, с. 51.
7. КИМ Н. Под гнетом японского империализма. Очерк современной Кореи. Владивосток. 1926, с. 88.
8. КАЛАШНИКОВ Н.И. Ук. соч., с. 28.
9. Там же, с. 28.
10. Японские методы умиротворения Маньчжурии. Корреспонденции. — Тихий океан. 1934, № 4(6), с. 160.
11. КУЧУК О.В. Аграрная политика Маньчжоу-го. Общество и государство в Китае, 23-я научная конференция. М. 1991, ч. 2 (тезисы докладов), с. 163—164.
12. ЗАХАРОВА Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии 1932—1945. М. 1990, с. 60.
13. КАРА-МУРЗА Г.С. Маньчжоу-го — колония Японии. Чита. 1944, с. 81—95; Industrial expansion of Japan and Manchoukuo. The chungai shyogyo shinpo. Tokyo. 1936, p. 64—71.
14. ЗАХАРОВА Г.Ф. Ук. соч., с. 68.
15. КИМ Н. Ук. соч., с. 64—65; Industrial expansion of Japan and Manchoukuo, p. 59—61.

16. Для сравнения: доля всех колоний во внешнеторговом обороте Франции в 30-е гг. XX в. составляла не более 10—12%. Подробнее см.: КАЛАШНИКОВ Н.И. Ук. соч., с. 20.
17. МИН Ч. Колониальный режим японского империализма в Корее. — Тихий океан. 1935, № 4(6), с. 128.
18. ЗАХАРОВА Г.Ф. Ук. соч., с. 123.
19. Подробнее см.: БЕЛОГУРОВА А.Э. Программа японской администрации по ассимиляции населения Тайваня и ее реализация (1937—1945). Общество и государство в Китае, 29-ая научная конференция. М. 1999, с. 124—128.
20. МИН Ч. Ук. соч., с. 127.
21. КУЧУК О.В. Ук. соч., с. 164.
22. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин. 1942, с. 51.
23. КУЧУК О.В. Ук. соч., с. 164. На Тайване земельные участки японские власти часто отбирали у аборигенов, заставляя их переселяться дальше в горы.
24. STEINBERG D.I. The Republic of Korea: Economic transformation and Social change. Boulder-London. 1988, p. 46.
25. Принудительная покупка облигаций, внесение депозитов в банки.
26. КАЛАШНИКОВ Н.И. Ук. соч., с. 24.
27. The political economy of the new Asian industrialism. Ithaca-London. 1987, p. 56.
28. На Тайване, в отличие от других японских колоний, во второй половине XX в. возникло такое явление, как «тайваньская идентичность», появившееся в результате осознания народами Тайваня своих отличий от китайцев в культурном и языковом плане и определенной ностальгии по японскому периоду на фоне откровенно грабительской политики Гоминьдана на острове после 1945 года.
29. MARTIN B. The politics of expansion of the Japanese empire: imperialism or Pan-Asiatic mission? In: Imperialism and after: continuities and discontinuities. London. 1986, p. 77—78.
30. КАЛАШНИКОВ Н.И. Ук. соч., с. 29.

«Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому»: история создания

С.А. Иникова

Историки, занимающиеся изучением старорусских христианских сект (духоборцев, молокан, хлыстов, скопцов), знают, как ценно любое свидетельство о вероучении и раннем этапе их истории, особенно, если оно добровольно получено от самих сектантов. Возможно, поэтому «Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому», в которой, как считается, самими духоборцами или с их слов и по их просьбе изложено вероисповедание секты, в течение двух веков являлась базовым документом для тех, кто о них писал. Оригинал документа не обнаружен, но существуют три отличающиеся друг от друга редакции, сделанные в первой половине XIX века. Одна из них под вышеуказанным названием была опубликована в 1871 г. известным ученым Н. Тихонравовым¹. Поскольку еще до публикации этот документ использовался учеными в основном под названием «Исповедание духоборцев», а после его опубликования стал известен как «Записка...», то мы сохраним оба названия.

Первое известие об «Исповедании духоборцев» относится к 1803 г., когда Синод поручил префекту Александро-Невской лавры Евгению (Болховитинову) изучить вероисповедание духоборцев, изложенное в рукописи, оказавшейся в руках митрополита Петербургского и Новгородского Амвросия (Подобедова), и дать свое заключение. Евгений Болховитинов был выбран экспертом не случайно: за год до этого в Александро-Невской лавре он увещевал двух доставленных туда из Тамбовской губернии духоборцев и составил для Синода отчет об этой беседе². Очевидно дела помешали Евгению быстро выполнить новое поручение, и только три года спустя — в 1806 г. уже во время пребывания в Новгороде в сане епископа Старорусского — он завершил свое исследование, названное им «Рассмотрение исповедания духоборческой секты».

Епископ Евгений не только проанализировал вероучение духоборцев, но и провел источниковедческий анализ документа. Он обратил внимание на систематизированное изложение материала; использование терминов, неупотребляемых простым народом (фурия, морально, сублимировать и т.д.), включение в текст латинского выражения (*huc pertinent tria puncta visionis* — итак, суще-

Иникова Светлана Александровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

ствуют три пункта учения) и стихов, сочиненных «по правилам школьной просодии»; на цитирование автором «Исповедания духоборцев» текстов Св. Писания по переводу с какого-то неизвестного иностранного издания и т.д. Еп. Евгений высказал предположение, что либо это писал сам ересеучитель духоборцев, либо кто-то «по просьбе и показанию духоборцев сочиняя сии исповедания, дал ему вновь систематический вид и едва ли не от себя придумал многое, чего у простолюдинов духоборцев и быть не могло»³. Он нашел в учении духоборцев много общего с заблуждениями древних гностиков, квакеров, анабаптистов и с мистиками Нового времени (второй половины XVIII в.) — Сен-Мартеном и Эккартсгаузеном — и отметил, что это сближает религиозные понятия духоборцев и масонов⁴.

Впечатления, вынесенные от встречи с двумя тамбовскими духоборцами, и изучение «Исповедания...» произвели сильное впечатление на Евгения, которому хотелось, чтобы об этой секте было написано серьезное исследование. Видимо, занятость делами церкви в сане епископа, а затем и киевского митрополита не позволили ему самому сделать это. В начале 1820-х гг. он передал документы о духоборцах ректору Дерптского университета Иоганну Эверсу, который, в свою очередь, предоставил их своему коллеге доктору богословия Теофилу Эдуарду Ленцу, но тот успел написать только первую, историческую часть, причем по латыни⁵. Тогда митр. Евгений предложил духоборческую тему и имевшиеся у него материалы, в том числе рукопись «Исповедания духоборцев» и собственный труд «Рассмотрение исповедания...», ректору Киевской духовной академии, чтобы тот по своему усмотрению передал их студенту для написания диссертации. Этим студентом оказался О. Новицкий. Студенческий труд читал ректор Академии и сам митр. Евгений, его одобрил Синод, и в 1832 г. он был опубликован⁶. Новицкий, без указания на авторство митр. Евгения, практически полностью включил его «Рассмотрение исповедания...» в свой труд, однако, несмотря на критические замечания, все же представил «Исповедание духоборцев» в качестве «основания всех духоборческих мнений», принятого ими и усвоенного⁷. После выхода книги Новицкого редкий исследователь духоборчества не ссылался на этот документ в изложении дотоле неизвестного студента духовной академии.

Спустя 50 лет Новицкий существенно переработал свой труд и издал его в значительно расширенном виде. Он признал, что составитель духоборческого исповедания, «узнав от духоборцев основные пункты их вероучения, старался и передать их на письме, но развил и разработал их по-своему», а то, что не совпадало с его взглядами или было неудобно для предоставления начальству, он постарался видоизменить и смягчить. Новицкий пришел к заключению, что «источником этим можно пользоваться лишь с крайнею осмотрительностью»⁸. Однако такой вывод не помешал ему и во втором издании широко использовать этот документ, поскольку, по его мнению, основные черты изложенного в нем духоборческого вероучения «довольно верно» отражают учение упомянутого в «Исповедании...» основателя секты Силуана Колесникова⁹.

Надо отметить, что «Исповедание духоборцев» написано талантливо и даже вдохновенно. В нем есть какое-то особенное обаяние спокойной (не фанатичной), но непоколебимой веры, заставляющее поверить в абсолютную искренность пишущего, и оставляющее после прочтения ощущение соприкосновения с высоким идеалом. После ознакомления с содержанием «Исповедания...» немецкий ученый-путешественник Гакстгаузен с удивлением писал: «У них целая психологическая и мистическо-философская система, полная величественных воззрений и составленная с большой внутренней последовательностью...», и недоумевал: «Как дошли до этих глубоких философских идей и до этого философского языка простые безграмотные русские мужики?»¹⁰.

Известный историк и специалист по истории русской культуры П.Н. Милюков, обращаясь к теме русского сектантства, назвал к тому времени уже изданную «Записку...» «замечательным документом» и после внимательного ее изучения писал, что «мистическую систему украинских духоборцев нельзя не признать явлением, значительно опередившим свое время. Духовное христианство выставило в екатеринославском исповедании свой идеал, достижение которого принадлежит будущему»¹¹.

Возможно, это обаяние высокого идеала ощутили и друзья Л.Н. Толстого, читавшие «Записку...» для ознакомления с вероучением духоборцев¹². И весьма вероятно, что она сыграла не последнюю роль в том, что толстовцы увидели в духоборцах своих духовных братьев и взялись за пропаганду среди них идей толстовства (Толстовский сборник — 2000. Тула. 2000, ч. 2, с. 50, 63).

Известный советский историк-религиовед А.И. Клибанов подробно рассмотрел «Записку...» в книге «Народная социальная утопия в России». Он использовал не только опубликованный текст, но и неопубликованную редакцию, хранящуюся в фонде Киево-софийской библиотеки в Институте рукописей ЦНБ НАНУ (Центральная национальная библиотека Национальной академии наук Украины). Последовательно отстаивая тезис о том, что духовное христианство в XVIII в. — это форма социального протеста крестьянства, Клибанов старался избегать слова «секта» и вслед за Милюковым представлял «Записку...» как «вероизложение духовного христианства». Разбор социально-философского содержания «Записки...» проведен Клибановым с позиций классовой борьбы: «... учение духовных христиан вдохновлялось гибелью старого мира, уничтожением негодного человеческого материала... Из руин старого мира предстояло подняться миру новому и новому человеку». Автор увидел в ней мысли пантеистические и рационалистические, желание духовных христиан сделать «все разумное — действительным». Отметим и вывод Клибанова о том, что это социально-утопическое сочинение связано с крестьянской средой, а именно с однодворцами¹³. Проанализировав собранные В.Д. Бонч-Бруевичем псалмы духоборцев¹⁴ и сравнив их с содержанием «Записки...», Клибанов уверенно говорит о том, что она действительно содержит духоборческое вероисповедание. После такой оценки известного и авторитетного ученого у нескольких поколений историков, бравшихся писать о духоборцах, уже не возникало даже тени сомнений в том, что «Записка...» адекватно отражает духоборческое учение¹⁵.

Однако Евгений Болховитинов, обратив внимание на то, что духоборческое исповедание было составлено «по просьбе и показанию» духоборцев, тем самым поставил вопрос об авторстве. С легкой руки Новицкого, назвавшего в качестве возможного автора странствующего украинского философа Гр. Сковороду, некоторые историки, как например, П.Н. Милюков, начали говорить о тождестве идей в трудах последнего и в «Исповедании духоборцев». Спустя годы Клибанов писал об авторстве Сковороды уже с полной уверенностью¹⁶. В пользу этого, по мнению ученого, свидетельствовали не только идейные параллели, но и латинское выражение и встречавшиеся в тексте украинизмы, и даже помещенное там же четверостишие, органичное, по его мнению, поэтическому творчеству Сковороды.

Используя текст «Записки...» для сравнительного анализа учения екатеринославских духоборцев с догматикой их тамбовских единоверцев, ученые-историки и богословы делали вывод об имевшихся между ними серьезных различиях, а это означало, что даже к концу XVIII в. учение секты, как и сама секта, окончательно не сформировались. Однако анализ содержания духоборческих псалмов и новые архивные материалы дали повод усомниться в том, что в «Записке...» изложено исповедание екатеринославских духоборцев, поэтому мы сочли необходимым вновь обратиться к этому документу.

У человека, хотя бы немного знакомого с мистической литературой, издававшейся в России в последней четверти XVIII — первой четверти XIX в., совершенно определенно должно возникнуть ощущение, что «Исповедание духоборцев» стоит с ней в одном ряду.

Увлечение образованной публики, прежде всего московского и петербургского дворянства, литературой этого жанра — сначала западной переводной, а потом и доморощенной, по сути перепевавшей западные образцы, — началось с 1780-х гг., и пик его пришелся на царствование Александра I. Из западных авторов особенно популярными среди русских читателей были Иоганн Таулер (1300—1361), Фома Кемпийский (1379—1471); Иоганн Арндт (1555—1621); Якоб Бёме (1575—1624), Фенелон (1651—1715), популярны и почитаемы были и их продолжатели XVIII в. Луи Клод де Сен-Мартен (1743—1803); Карл Эккартсгаузен (1752—1803) и др. Значительными по тому времени тиражами мистическую литературу издавали Н.Н. Новиков и И.В. Лопухин. Существовали и периодические издания, публиковавшие сочинения этого направления¹⁷. Неопубликованные произведения в большом количестве расходились в рукописях.

Исследователи второй половины XIX в., оценивая недавно минувшее время, писали о том, что увлечение мистикой в высших слоях было реакцией на падение религиозности, на церковный формализм и «оцепенелую догматику», и связывали его со стремлением духа верующего человека к чистой, «внутренней духовной религиозности»¹⁸. Большой вклад в популяризацию религиозно-мистической литературы внесли масоны, многие из которых были ее переводчиками и авторами. Мистика легла в основу их религиозного мировоззрения. Как заметил А. Галахов — автор работы о мистической литературе этого времени — не каждый мистик был «непременно масон», но каждый масон был «более или менее мистик»¹⁹. И те, и другие признавали приоритет внутреннего откровения и внутреннего богопоклонения над внешним, утверждали, что Царство Божие, к достижению которого истинный христианин должен стремиться, в душе у него, то есть были последователями учения о «внутренней церкви». В качестве своей главной цели они декларировали восстановление образа Божия в падшем человечестве и таким образом его совершенствование и возвращение к Отцу Небесному.

Поскольку представления о праве интеллектуальной собственности были весьма слабо развиты в обществе, то идейные заимствования авторов-мистиков друг у друга, а особенно у классиков этого жанра, были обычным делом. Можно вычленил основной набор идей, которые повторялись в их сочинениях²⁰, и которые практически все нашли отражение в «Исповедании духоборцев».

В двух неопубликованных редакциях «Исповедания духоборцев» основной текст предваряется подробным оглавлением, в котором выделены главные и частные «материи». Далее следует обращение («прошение») якобы сидящих в тюрьме духоборцев к губернатору Каховскому. Представляясь губернатору, духоборцы сразу заявляют о себе как о тех, кто хочет «новорождаться в тварь новую», но пока еще приняли «мало понятия слова Господня духом любви водиться». Далее, буквально с первой строки прошения следует неслыханно дерзкий и явно неуместный в сложившейся ситуации совет просителей Каховскому: «... сами Ваше Превосходительство, прочитали бы 1-й пункт за священнотаинственную важность его и не в ино время как токмо в утро, рано, посне, тихим, здравым и от многих хлопот успокоившимся умом, неспешно; будет бо он в все сие в божественных, священных, вечных, а не о земных, тленных человеческих вещах. Солом. о премудрости “утреннеавый к ней не утрудится ищущи ея приседящую бо обрящет при вратех ума своего исходяща на день”»²¹. Этот совет вполне укладывается в представление мистиков о «внутренней молитве» или «умной молитве», «молитве в молчании», означавшей обращение к

Богу и всему божественному сердцем и познание Его в этот момент, причем многими лучшим для этого временем считалось раннее утро, когда открыты внутренние очи ²².

«Исповедание духоборцев» буквально напитано идеями и образами, заимствованными из мистической литературы, которые его автор очень умело вплел в создаваемый им текст. Евгений Болховитинов обнаружил сходство «духоборческих» постулатов с некоторыми мыслями произведений Сен-Мартена и Эккартсгаузена ²³, но таких произведений на самом деле было использовано значительно больше ²⁴. Однако совпадение идей и образов вовсе не означает, что «Исповедание духоборцев» не является духоборческим. Прямым доказательством, по нашему мнению, может служить дословное совпадение текстов или их очень тесная текстуально-смысловая близость. При детальном изучении исследуемого сочинения мы обнаружили, что его автор особенно широко использовал сочинение немецкого христианского мистика И. Арндта «О истинном христианстве», изданное в 1784 г. в типографии И.В. Лопухина. Часть текста «Исповедания духоборцев» напоминает вольное переложение главным образом первой части труда Арндта, но встречается достаточно много фрагментов, позволяющих однозначно идентифицировать их как заимствования. Приведем несколько примеров:

Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому. ЧОИДР. 1871. Кн. 2.	Арндт И. О истинном христианстве. М. 1784.
1. «... от естества так видно семянико яблочно держит в себе сокровенным образом целое древо, величину онаго, толстоту, высоту, широту, отрасли, ветви, листья, цветы и плоды, целую яблонь. Подлинно удивиться должно, как в таково малое семячко местится и держится такое великое древо со всеми своими...» (с. 49)	«Ибо как естественное семя содержит в себе сокровенным образом всего растения род и свойства, величину онаго, толстоту, долготу и широту, отрасли, листья, цветы и плоды, так что по справедливости удивляться должно, как в таком малом семячке скрывается такое великое древо и столь безчисленное множество плодов» (ч. 1, с. 17).
2. «... воззрим токмо на гнев и ярость нашу: не подобны ли оне лвыным? Воззрим на ненасытимую зависть и алчность наши: не подобны ли оне псеим и волчьим? На нечистоту и неумеренность нашу: не подобны ли свиньиным и проч.? истинно, что и самые дикие звери не бывают толико яростны, псы не толико завистливы, волки не толико хищны и скупы, лисицы не толико хитры, василиски не толико ядовиты, и свинии не толико обжорливы и нечисты, как человеки» (с. 50).	«Воззри только на гнев и ярость твою, не подобны ли они лвыным? Зависть и ненасытимая алчность твоя, не подобны ли псеим и волчьим?.. Часто и самые дикие звери не бывают толико яростны, псы не толико завистливы, волки не толико хищны и скупы, лисицы не толико хитры, василиски не толико ядовиты, и свинии не толико нечисты, как человек» (ч. 1, с. 21).
3. «Се образно картина жизни в уме падения всякаго из самолюбцев, до времени невидимая им, и не иное что знаменует, как нас, блудных чад и	«Сие не иное что знаменует, как нас блудных чад и грешных человеков, лишившихся чрез грехи наши небеснаго наследия нашего, то есть прав-

грешных человеков, лишившихся чрез грехи наши, небеснаго наследия нашего, то есть правды, святости, невинности и изящнаго образа Божия, по нем же сотворены есмы, нас, впадших чрез то в тяжко рабство греха, дьявола, и смерти, и не могущих обрести покоя, помощи и утешения во всех делах и законах человеческих, рожцами изобразуемых, и на веки гладом ада умрети имеющих, естли не обратим мыслей наших к милости отеческой, ко Иисусу. Скорбяще же, пришед в себе, рече: “Отче! Согреших на небо и пред тобою”. Божественным умом покаяния приходит в себе, размышляет о бедствии своем, что из чада Божия скотом и нечистою соделался он свиниею, и пр., воспоминает о породе своей, откуда пришел, помышляет об отце своем, раскаевается и, познавая падение свое, поет: “В бездне греховной валяясь”, и проч.; веруя же и твердо уповая, что хотя отец его не примет уже его, яко сына, но в наемники по милосердию своему, вменив, не изженет его от лица своего, идет ко отцу своему. Сколь милостивы очи отца, зрящия на детей, из заблуждения в разум приходящих! В Евангелии: “Еще же ему далече сушу, узре его отец его” (ст. 20): Се 1-е, благодать предупреждающая, предускоряющая, дающая познание зла: “И мил ему бысть”. Сие 2-е, благодать, ожидающая, живо покаяние в сердцах творящая. “И тек, нападе на выю его”: се есть 3-е, благодать, приемлющая, в единение душу с Господом вводящая. “И облыбыза его”: се есть 4-е, благодать, утешающая радостью, миром и веселием сердце, срастворяющая, уповающая. “Изнесите одежду первую”: се есть 5-е, Христос и правда его, благодать оправдающая, скверны плоти и духа омывающая, Господу нас усыновляющая. “И дадите перстень на руку его”: се есть 6-е, Дух Свят, Богу Отцу и Сыну в вечность обручающ нас, благодать единотворная. “И сапоги на ноги его”, то есть 7-е, святое хождение во храм чрез Духа Святаго, Божия в нас сила и мо-

ды, святости, невинности и изящнаго образа Божия, по нем же сотворены мы, Ефес. Гл. 4, ст. 24 и впадших чрез то в тяжкое рабство греха, дьявола и смерти, и не могущих обрести покоя, помощи и утешения во всех делах и законах человеческих, рожцами изобразуемых; но долженствовавших бы вечным умрети гладом, есть ли б не обратили мы паки мысли наши к милости Отческой.

Скорбящее кающееся сердце изображено сими словами. “В себе же пришед рече, колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же гладом гиблю? Возстав иду ко отцу моему, и реку ему, отче, согреших на небо и пред тобою”. В сих словах преизрядно представлено истинное покаяние.

1) Божественное раскаяние. Он приходит в себя, размышляет о бедствии своем, что из чада Божияго скотом и нечистою соделался свиниею, земным, скотским, зверским, воспоминает о породе своей, откуда произошел он; помышляет об отце своем, раскаевается, признает грех свой и говорит: “Отче, согреших на небо и пред тобою”, оскорбил Бога и человеков; признает недостойнство свое: “И уже несмы достоин нарешися сын твой”. 2) Вера, яко вторая часть покаяния, тем изображается, что он возстает и идет ко отцу своему, и уповает, что хотя отец и не примет его, яко сына, но без сомнения причислит к рабам, или наемникам своим. Понеже говорит он: “Несмы достоин нарешися сын твой: сотвори мя яко единого от наемник твоих”. Уповает он твердо, что отец не откажет ему в сем, но по милости своей умилосердится над ним.

3) Отеческое сердце изображено тако: 1) “Еще же ему далече сушу, узре его отец его”. Коль милостивы очи отца, зрящия на детей заблуждших! Сие есть предупреждающая и предускоряющая благодать. Пс. 79, ст. 8. Ис. Гл. 30. ст. 18. 19. Пс. 31, ст. 8. 2) “И мил ему бысть”. Сие есть благодать ожидающая. 3) “И тек нападе на выю его”. Сие есть благодать приемлющая. 4) “И облыбыза его”. Сие

<p>гущество, благодать нас, в благе со- ддержажая. “И приведите телец упи- танный, и заколите”, и проч.: се есть радость небеснаго Отца Бога Ангелов и о душ праведных во небе о душе запечатлеваемой на земли, идущей в живот вечен» (с. 57—58).</p>	<p>есть утешающая благодать. Ис. Гл. 66, ст. 13. Пс. 102, ст. 13. 5) “Изнесите одежду первую”. Сие есть Христос и правда Его. Благодать оправдающая. Рим. Гл. 8, ст. 33. 6) “И дадите пер- стень на руку его”. Сие есть Дух Свя- тый, перстень обручательный, пер- стень детства, благодать сочетающая. Галл. Гл. 4, ст. 6. Ефес. Гл. 1, ст. 5. 7) “И сапоги на нозе”. Сие есть новое святое хождение во Христе чрез Духа Святаго, и Божия сила и могущество. Благодать содержащая. Филипп. Гл. 1, ст. 27. 1. Петр. Гл. 1, ст. 5. 8) “И приведшее телец упитанный заколи- те” и пр. Сие есть пиршество и ра- дость Ангелов. Благодать радующая, животворящая и увенчивающая. Ис. Гл. 65, ст. 13. 14. Гл. 66, ст. 13, Пс. 62, ст. 4. Пс. 83, ст. 12. Пс. 102, ст. 4» (ч. 2, с. 97—100).</p>
<p>4. «Когда не имеем в сердце сладшею меда в сотех любви ко Богу и ко вся- кому ближнему, и не чувствуем радо- стотворных сил ея, жизни ея, ея бла- годенний, благоденний, дружественности, кротости, смирения, терпения и проч., во истину не знаем Бога, который есть единая любовь. Познание бо Бога дол- жно происходить из опыта и чувство- вания. Иоан. VII, 17—18; Псал. XXIV, 14 и проч., и Богословия, учащая, ис- кусно и витийственно говорить бы токмо о Боге, есть мертвая и потому неправильная и не дающая познания, что Бог есть; правильная же, из жи- ваго опыта и живаго упражнения, в любви ко Богу и ко ближнему в сер- дце всякаго Христианина раждается. И каково может истинно познати Христа ни чего о любви не знающий, когда Христос есть единая любовь, кротость, смирение и проч.? Тот ис- тинно познает Христа, кто имеет слад- кими в сердце добродетели его и хо- дит в них» (с. 60).</p>	<p>«Не имеющий бо любви в сердце своем и не испытавший никогда силы ея, жизни, благоденний, благоденности, друже- ственности, кротости и терпения и проч. сей воистину не знает Бога, Который есть единая любовь, ибо познание Бога должно происходить из опыта и чувствования. Иоанн. Гл. 7, ст. 17. 1 Иоан. Гл. 4, ст. 7. 12. 13. Кто может истинно Христа знати, не зная ничего о любви? Христос бо есть еди- ная любовь и кротость. Кто имеет и исполняет добродетель сию, тот ис- тинно Христа знает...» (ч. 1, с. 291— 292).</p>
<p>5. «... истинным же Христианином, чадом Божиим быть, называется в сер- дце во Христа веровать, в сердце лю- бить его, Христу в добродетелях пос- ледовать, возлюбить учение его, жить, ходить в нем, Христу истинно при- надлежать, быть им сердечно люби-</p>	<p>[Христианин должен] «во Христа вер- бовать, любить Его, Христу последо- вать и жить в Нем, Христу истинно принадлежать, быть Им сердечно лю- биму, иметь вечную часть в Нем и всеми благоденниями Его наслаждаться. Кто же не имеет любви Христо-</p>

<p>му, иметь вечную часть в нем, и все-ми благодеянии его наслаждаться.</p> <p>Кто же не имеет любви Христовой в сердце, тот не есть Христианин, не принадлежит Христу, и ни какая части не имеет в нем. Понеже не имеет он ни какая веры, то и Христос своим его не признает» (с. 61).</p>	<p>вой, тот не принадлежит Христу и никакой части не имеет в Нем. Понеже не имеет он никакая веры, то и Христос своим его не признает» (ч. 1, с. 293).</p>
<p>б. «Что бо человек любит, к тому лежит и сердце его, к тому оно прилепляется, во истину таковыя вещи берут его в плен и лишают его благородныя свободы; коликия земныя вещи любит кто, толиких вещей раб он и пленник» (с. 61).</p>	<p>«Что человек любит, к тому лежит и сердце его, к тому оно прилепляется, воистину таковыя вещи берут его в плен, делают рабом и лишают благородной его свободы» (ч. 1, с. 144—145).</p>

Сковорода, чьи идеи усмотрели ученые в духоборческом «Исповедании...», не избежал общего увлечения мистической литературой и черпал религиозно-философские мысли из тех же работ западных мистиков, что и автор «Исповедания...». Клибанов, доказывая авторство Сковороды, в качестве примера идейных параллелей как раз приводил отрывки из текста «Исповедания духоборцев»²⁵, заимствованные из труда Арндта и указанные нами под номерами 1 и 2.

Создатель «духоборческого» сочинения подражал произведению немецкого мистика и в структурной организации текста (расширенное оглавление, заголовки и подзаголовки), и в стиле, и в языке. Так для перевода труда Арндта и для «Исповедания духоборцев» характерен заметно архаизированный язык (по сравнению с аналогичными произведениями 1780-х — начала 1800-х гг.) с использованием церковно-славянизмов, употреблением устаревших форм, вроде, «се» (сие), «дати» (дать), «имети» (иметь) и т.д.; и в то же время с включением в текст новомодных иностранных слов.

Глубокомысленные философские стихи, помещенные в «Исповедании...»²⁶ и произшедшие впечатление на путешественника Гакстгаузена и ученого Клибанова, опять же приписавшего их Сковороде, принадлежат немецкому поэту-мистику Иоганну Шеффлеру, известному под псевдонимом Ангел Силезский. Его четыре двестишья заимствованы из кн. «Райские цветы, помещенные в семи цветниках», изданной Н. Новиковым:

«Крещаться надлежит, но кто огнем крестится,
тот в пламени во век не может утопиться».

«Коль кровь Христову пьешь, но плоть принести забудешь,
ты, как смоковница, во веки проклят будешь».

«Что есмь Я на конец! Я храмом Божиим слыть,
И камнем, и жрецом, и жертвой должен быть».

«В нас сердце есть олтарь, а воля жертва есть,
Священник в нас душа, чтоб волю в дар принести»²⁷.

В каждое двестишье заложена определенная идея, а весь сборник стихов — это квинтэссенция учения христианских мистиков и масонов. Творчество Шеффлера было очень популярно в их среде.

Удивительно то, что высокообразованный Евгений Болховитинов, интересовавшийся мистической литературой, хорошо знавший произведения Сен-Мар-

тена и Эккертсгаузена и, скорее всего, читавший известного в среде русских церковных иерархов Арндта, не понял, что «Исповедание духоборцев» является откровенной компиляцией мистических произведений, достаточно широко известных среди образованной публики. И не менее удивляет, что восхищенный стихами Шеффлера Гакстгаузен²⁸ не разобрался, что это стихи его соотечественника.

Так кто же был автором этого таинственного «Исповедания духоборцев», которое ввело в заблуждение богословов и ученых, и как оно вообще появилось на свет, а, главное, зачем? Выше мы отмечали, что существуют три его редакции. Две из них находятся в Институте рукописей ЦНБ НАНУ в Киеве и одна — в Рукописном отделе РГБ.

Рукопись из ЦНБ НАНУ (фонд V. 737) выполнена, очевидно, в Петербурге на хорошей бумаге переписчиком Иваном Синайским. Слепой штемпель в верхнем правом углу свидетельствует, что бумага была изготовлена на Петергофской бумажной фабрике либо в 1833—1834, либо в 1841 году²⁹. Синайский в 1842 г. упоминается в архивных документах как преподаватель греческого языка Саратовской гимназии при духовной семинарии³⁰. Таким образом, эта копия была сделана Синайским между 1833 и 1842 годом. На ней имеется печать Одесского общества истории и древностей, которое было создано в 1839 году. С большой долей вероятности можно предположить, что копия предназначалась для Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова в связи с происходившим следствием (1836—1839 гг.) по делу о преступлениях духоборцев, проживавших в Таврической губернии, или в связи с их последующим выселением в Закавказье (1841—1845 гг.), а потом была передана в Одесское общество истории и древностей.

Переписчик Синайский считал своим долгом сохранить при копировании документа очень важную для нашего расследования помету, бывшую на исходном документе: «Списано сие в С-Петербурге 1803-го года из полученного сенатором Лопухиным от Его Высокопреосвященства митрополита Амвросия». Эта помета свидетельствует о том, что экземпляр «Исповедания духоборцев», который копировал Синайский, был в 1803 г. в Петербурге переписан с экземпляра, предоставленного Лопухиным, причем последний сам получил его от митр. Амвросия. Указание даты копирования и лиц, предоставивших документ, говорит о том, что копия в 1803 г. была сделана для официальной инстанции. И.В. Лопухин проживал в Москве и редко бывал в Петербурге, но с марта 1803 по ноябрь 1804 г. он действительно жил в Петербурге.

Кроме пометы, Синайский скопировал и короткое предисловие, предвещающее «Исповедание духоборцев». Приводим его полностью:

«Учение

называющихся детьми Божиими простолюдинов, заключающееся в том: что они отнюдь не признают называющихся христиан — христианами, которые великолепно в публике подолгу молятся, все обряды и установления церковью исполняют, храмы строят, милостыни делают и проч. и при том купно, дабы жить им во славе и роскошно, совнутрь на вся их деяния между ближними ненасытным духом славолубия, себяискания, хитростей, ссор, лжи и зла движутся, который Дух Духом Сатаны они называют, мучающим весь род человеческий, но тех только признают они неложными детьми Божиими, неложными христианами, себя и других не обманывающими, к живой, вечной церкви христовой принадлежащими, которые во временной жизни на земле мерзят славною и роскошною жизнью пред человеками, которые пред всевидящим Отцем их с любовью, с благодарением Ему за все и с страхом смиренно и умереннейше себя и детей своих содержат из того, что собственным трудом без греха выработают, которые всегда совнутрь на вся их деяния между ближ-

них без ссор, довольным духом преданнейшаго боголюбия, духом чистаго дружелюбия, человеколюбия, справедливости, невинности и проч. водятся, — каковой Дух Духом Христовым — Божиим они называют, и оной только нужным ко спасению их признают. Им многогрешнаго обряднаго христианина ответ:

при почитании исторической церкви, чрез благоговееющее хранение спасительных обрядов и установлений ея, Отец дарит многим имети Дух Христов — дух Евангельский. Не соблазняйтесь, братья, плотскими без духа церковей слушителями; сами они за себя ответ дадут, равномерно и ложные христиане»³¹.

Предисловие принадлежало перу человека, который, как и духоворцы, осуждал показное внешнее благочестие и был очень высокого мнения о том истинно христианском духе, которым «водятся» «дети Божьи», но, в то же время, считал, что и видимую церковь и ее обряды не надо отвергать, поскольку верующий может получить истинный Дух Христов и через нее.

Эта позиция полностью соответствует той, которую занимал сенатор Лопухин. Именно ее он декларировал в своих автобиографических «Записках», когда писал о встречах с духоворцами и своем отношении к секте: «Соглашаяся с ними и по справедливости в том, что все существенное заключается во внутреннем, убеждал я их в надобности и пользе ходить в храмы, исполнять все внешние обязанности, и повиноваться всем уставам церковным»³². Мы уверены, что автором этого предисловия был не кто иной как сам И.В. Лопухин, поэтому назовем эту редакцию «лопухинской».

После предисловия следует оглавление, затем обращение духоворцев к екатеринославскому губернатору Каховскому и изложение самого исповедания. В этом же деле есть и другие документы о духоворцах.

В ЦНБ в фонде Киево-софийской библиотеки [ф. 312, д. 530 (328)] хранится рукописный сборник документов о духоворцах. Весь сборник назван «Исповедание учения духоворческой секты с присовокуплением разговора с двумя тамбовскими духоворцами и рассмотрении всего духоворческаго учения. Записка о тульских а также и калужских духоворцах и проч.». Собственно, нас интересуют первые три документа.

Копия «Исповедания духоворцев» сделана на грубой голубой бумаге и имеет название: «Исповедание духоворцев, которое по прозьбе и показанию их в 1791 году к 25 декабря приуготовлено было для подачи Екатеринославскому губернатору Каховскому, однако ж оставлено ими без подачи». Тем же почерком и на той же бумаге написан текст «Разговора с двумя тамбовскими духоворцами», то есть это запись беседы, которую в 1802 г. вел в Петербурге префект Александро-Невской лавры Евгений с двумя крестьянами из дер. Крюково Тамбовской губернии. Третья рукопись на той же бумаге и тем же почерком — это «Рассмотрение исповедания духоворческой секты». В конце «Рассмотрения...» есть личная подпись Евгения епископа Старорусского, дата — 1806 г. и указано место — Новгород. Не вызывает сомнения, что все три документа написаны собственноручно Евгением Болховитиновым³³. В отличие от «лопухинской» редакции, переписанное Евгением «Исповедание духоворцев» не имеет предисловия, пометы, когда и от кого получено, но зато в самом названии имеется указание на то, что документ составлен «по прозьбе и показанию» духоворцев. Собственно, поэтому Евгений Болховитинов и поставил вопрос об авторстве. Только в этой редакции есть указание на то, что «Исповедание духоворцев» не было подано ими Каховскому. Незначительные орфографические и стилистические отличия от «лопухинской» редакции, встречающиеся в тексте, как и большое число помарок, скорее всего, свидетельствуют о том, что переписчик очень спешил. Очевидно, эта редакция наиболее соответствует оригиналу или даже идентична ему. Назовем ее «евгеньевской».

В фонде Духовной академии (ДА, № 286 П) хранится точная копия «евгеньевской» редакции и копии с приложенных к ней других документов. На 1-ом листе сверху справа имеется помета «В.П. митроп. Киев. Евгения». Новицкий упоминал, что митр. Евгений (Болховитинов) передал в Киевскую духовную академию два экземпляра «Исповедания духоборцев».

И, наконец, рукопись, хранящаяся в РО РГБ в фонде Н. Тихонравова (ф. 298, к. 11, д. 6). Потертый кожаный переплет тетради свидетельствует о том, что содержимое ее неоднократно читалось. На переплете золотом написано: «Копия с рукописи 1791 года о духоборцах». Этот же заголовок повторен на первой странице рукописи сверху, а ниже на той же странице другой заголовок — «Мысли русского крестьянина». В отличие от «лопухинской» и «евгеньевской» редакций, здесь нет ни оглавления, ни прошения. Редактор дал «Исповеданию...» новое название и предварил текст собственным предисловием:

«Предлагаем мы писание любопытнейшее, по тому что оно есть творение простаго крестьянина. Один приятель, удивленный разсуждениями сего мужичка о Христианских материях, любопытствовал узнать, откуда он почерпнул сведения свои, и услышав, что от такого же простаго крестьянина, просил его написать историю своего научения и полученные им понятия на бумаге, и сей добрый человек из повиновения то исполнил. Сие писано в 1791 году в Екатеринославской губернии. Мы сообщаем оное без всяких почти поправок, кроме грубых погрешностей в языке, и естли при всем том найдется какая неясность, или неопределенность в выражениях, или в самых понятиях, то кто может взыскать то с простаго мужика? Много ли из людей и не сего звания о сих материях так написать могут? Размышления о важнейших предметах у нас еще не весьма обыкновенны. Мы представляем только частицу сего мужичьяго писания».

Чтобы сделать текст более похожим на «мужичье писание», из него убрали латинское выражение, выправили отсылки на Писание по синодальному изданию; кое-где поменяли слова местами; изъяли небольшой кусок текста, в котором духоборцы оправдывались перед властями, что это некоторые из их среды согрешают, совершенно отвергая видимую церковь, а остальные из-за них страдают³⁴. Этот отрывок явно был лишним в «мыслях русского крестьянина». Рукопись, очевидно, была кем-то подготовлена к публикации.

Именно она и была опубликована в 1871 г. Тихонравовым, но он взял уже готовый текст и только дал ему новое название. На титульной странице его рукой написано: «Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому». О том, что «Записка...» не была подана, Тихонравов не знал. Но нас интересует, кто же выступил редактором и соответственно автором предисловия в этой редакции.

После проведенного нами графологического исследования было установлено, что текст «Исповедания духоборцев» переписан в тетрадь издателем журнала «Сионский вестник», известным мистиком и масоном А.Ф. Лабзиным³⁵. После текста «Мыслей русского крестьянина» в тетради помещено небольшое сочинение г-на Маркелова «Практика». Удалось установить, что это — Петр Дмитриевич Маркелов — масон, писатель-мистик, входивший в основанную Лабзиным ложу «Вифлеем». Те же мысли, которые присутствуют в «Практике», и даже дословные совпадения мы находим в рукописи: «Мысли Петра Дмитриевича Маркелова собраны Александром Ивановичем Ковальковым»³⁶. Присутствие «Практики» Маркелова в той же тетради является дополнительным аргументом в пользу того, что тетрадь действительно принадлежала Лабзину. Правоммерно назвать эту редакцию «Исповедания духоборцев» «лабзинской».

Итак, кроме Евгения Болховитинова, которому было поручено рассмотреть вероучение секты, прикосновенными к этому документу оказались два

известнейших масона — Лопухин и Лабзин, причем каждый из них снабдил его своим предисловием.

Как известно, Лопухин сыграл огромную роль в судьбе духоборцев. Эта история достаточно хорошо известна, поэтому напомним ее, не вдаваясь в подробности.

В ноябре 1801 г. Лопухин и Ю.А. Нелединский-Мелецкий были направлены с ревизией в Слободско-украинскую губернию. За несколько месяцев до этого в Изюмский уезд вернулись освобожденные по высочайшему повелению из ссылки на о. Эзель духоборцы³⁷. Местные власти начали «прилежно смотреть» за ними, а священники, видя, что сектанты не отказываются от своих религиозных убеждений, взялись увещевать их. Естественно, что духоборцы, вернувшись к разоренным очагам, поскольку дома и хозяйства были распроданы с торгов за гроши, потеряв в ссылке здоровье, а кто-то и своих близких, отвечали чиновникам и духовенству на все их претензии дерзко. Скорее всего, конфликт завершился бы новой ссылкой, но как раз в этот момент в Харькове появились ревизоры.

Еще на пути в губернскую столицу они заезжали в Белгород, и Лопухин интересовался духоборцами у еп. Белгородского и Курского Феоктиста, который в 1796—1799 гг. неоднократно увещевал тех самых сектантов, которые теперь были возвращены из ссылки. В Харькове, узнав о действиях местных властей, Лопухин потребовал прекратить всякое следствие, отпустить арестованных и доставить ему ведомость о духоборцах губернии. 12 ноября от себя и Нелединского-Мелецкого он отправил царю первое донесение, описав бедственное положение духоборцев и объяснив сложившуюся ситуацию неуместностью увещеваний и неискренностью увещевателей, неправильно истолковавших высказывания духоборцев. Лопухин высказал мысль, что только кроткое и терпеливое обхождение и просвещение могут погасить фанатизм и рассеять заблуждение³⁸.

Безусловно, либеральные настроения недавно вступившего на престол Александра I уже были всем известны, но у Лопухина были недоброжелатели среди царедворцев и особенно среди высших иерархов церкви, настроенных против масонов и мистико-религиозных веяний в обществе и не разделявших новые идеи религиозной толерантности, поэтому поступок Лопухина можно назвать смелым.

Еще не получив ответ на первое послание, 3 декабря сенаторы направили императору второе донесение и передали прошение духоборцев об отделении их в особое от православных место. Накануне выезда из Харькова сенаторы и слободско-украинский губернатор получили высочайшие рескрипты от 27 ноября: первые — со словами одобрения за правильные действия в деле с духоборцами, а второй — с вразумлением, как отныне поступать с такими людьми: «И разумом и опытами давно уже дознано, что умственные заблуждения простаго народа прениями и нарядными увещаниями в мыслях его углубляясь, единым забвением, добрым примером и терпимостью мало помалу изглаждаются и исчезают. Вот правило, коего местному начальству должно с ними держать...»³⁹. Потом последовал высочайший указ от 25 января 1802 г. на имя новороссийского губернатора, который положил начало переселению сначала екатеринославских и слободско-украинских духоборцев, а позже (в 1804 г.) и тамбовских, воронежских и открывавшихся в других местах духоборцев в Мариупольский уезд Новороссийской губернии, вскоре переименованный в Мелитопольский уезд Таврической губернии, на земли около речки Молочные Воды⁴⁰.

К первому донесению Лопухин приложил в качестве справки для государя «Выписку о духоборцах»⁴¹. Характеристика вероучения секты, вошедшая в «Выписку», очевидно, заимствована Лопухиным из справки «О духоборческой секте», составленной еще в 1797 г. в канцелярии слободско-украинского губер-

натора для представления в Петербург⁴². Копия ее должна была остаться в Харькове и вместе с другими бумагами могла быть предоставлена сенатору по его требованию. Однако исторические сведения, помещенные в «Выписке», получить в Харькове было бы вряд ли возможно.

Лопухин мог получить какие-то документы о духоборцах еще в 1796 г. после того, как взошедший на престол Павел I высочайше допустил его к материалам Тайной экспедиции. Он мог ознакомиться с ними и в 1801 г. после ликвидации Александром I Тайной экспедиции, прошлые дела которой поступили в архив, а новые дела подобного рода были переданы в ведение 5-го департамента уголовных и следственных дел Сената (в Москве)⁴³, сенатором которого был Лопухин. Он интересовался этой сектой, как было сказано выше, у еп. Феоктиста, и успел поговорить с кем-то из духоборцев, проживавших в Харьковском уезде, чуть ли не в первый день по прибытии в Харьков, о чем упомянул в первом донесении императору⁴⁴. Напрашивается вывод: Лопухин ехал в Слободско-украинскую губернию не только по заданию правительства, но и с целью ознакомления с положением духоборцев. Откуда у него могла возникнуть такая заинтересованность в судьбе этих людей?

Мы можем только высказать предположение: Лопухин, бывший не только последователем, но и российским идеологом учения о «внутренней церкви»⁴⁵, был наслышан о духоборцах, как поборниках того же учения, от своего ближайшего друга и масона кн. Н.В. Репнина, бывшего генерал-губернатором Рижским и Ревельским как раз в тот период, когда в 1793 г. на о. Эзель начали прибывать первые группы ссыльных духоборцев из Харьковского наместничества и Екатеринославской губернии. Репнин, о котором современник писал как о великодушном человеке, отличавшимся готовностью прийти «на помощь нуждающимся»⁴⁶, отзывался о духоборцах с большим сожалением, полагая, что вина их состоит единственно в том, что они «попались только в умствованиях и в особые толкования и понятия священных книг». В письме к генерал-прокурору А.Н. Самойлову Репнин писал: «... жаль мне, что они не были доведены до Санктпетербурга, где по исследовании об них может быть, то бы им в пользу обратилось»⁴⁷.

Теперь, во время пребывания Лопухина в Харькове его заочное знакомство с духоборцами дополнилось личным. Духоборцы Слободско-украинской и несколько человек из соседней Екатеринославской губерний приходили к сенатору и, как писал последний, «говаривал я часто с ними и при всех, и обыкновенно ходили они ко мне всякий день поутру; они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно»⁴⁸.

Лопухин не первый раз вступался за людей, обвиненных в оскорблении церкви и веры. В 1796 г. он написал сочинение «Вопль старинного судьи». Поводом стал жестокий приговор за богохульство крестьянину и двум старообрядцам. Уже тогда Лопухин сформулировал свою позицию в отношении к раскольникам и сектантам: «Болезнь расколов рождается тьмою суеверия и безрассудною ревностью. Просвещение одно для него лекарство. Казни же только ожесточают раскольников и всего больше питают, воспаляя ложным мученичеством»⁴⁹. Он старался последовательно отстаивать принцип веротерпимости, невзирая на религиозные убеждения преследуемых. Его поступок в отношении духоборцев был совершенно естественен и органичен складу характера и убеждениям.

Поскольку христианские мистики (в том числе масоны) ставили целью возрождение в человеке образа Божия через внутреннее соединение с Христом, а этот процесс, в их представлении, не зависел от внешней церкви, то и принадлежность человека к той или иной христианской церкви или секте не имела значения. С.В. Ешевский, изучавший мистические настроения русского обще-

ства конца XVIII в., справедливо отмечал, что у мистиков «узкое и исключительное национальное чувство теряется в горячей любви, обнимающей все человечество»⁵⁰. Лопухин писал: «Познание духовное не есть ремесло или искусство, свойственное или приличное только некоторому особому числу людей. Оно есть самое нужное, полезное, изящнейшее для всякаго долженствующаго поклоняться Богу духом и истинною»⁵¹. В другом месте он выразил свою мысль еще четче: «Истинная религия есть ни обрезание, ни необрезание; а новая тварь во Христе Иисусе есть истинная натура христианства»⁵².

Братолюбие, которое понималось частью масонов шире, чем любовь к собратьям по ложе, считалось одной из главных добродетелей вольных каменщиков. Защита духоборцев — несправедливо гонимых братьев по духу — должна была восприниматься Лопухиным как выполнение христианской и масонской миссии, что, впрочем, для него было неразделимо.

Можно догадываться, какое огромное впечатление на Лопухина произвели личные беседы с духоборцами. Позже он писал о своих первых впечатлениях: «Кроме безмерных, фанатических можно сказать, предрассудков против всякой наружности и сектического особничества и предпочтения себя, нашел я в них понятия о христианстве самые коренные и правильные. Сила духа веры в них весьма замечательная и общая»⁵³. Евгений Болховитинов, который еще в своем «Рассмотрении исповедания духоборческой секты» высказал упрек в адрес масонов в том, что это они, «может быть, больше всех» способствовали «заведению и распространению сей секты»⁵⁴, видимо, имел в виду как раз заступничество за них Лопухина, и спустя более чем 10 лет он опять писал, что Лопухин «потому и восхвалял духоборцев, что нашел у них свои начала о внутренней церкви»⁵⁵.

В свете сказанного, понятно, что Лопухин был очень заинтересован в том, чтобы «Исповедание духоборцев», составленное в духе новых религиозных веяний, разделявшихся самим монархом, попало в руки правительства, и чтобы церковные иерархи убедились, что учение этой секты основано на истинном христианстве и не содержит ничего опасного. Однако сравнительный анализ текста «Исповедания...» и произведений Лопухина (оригинальных и переводных) ясно показывает, что его автором является не он, а кто-то из его окружения.

В письме от 14 июня 1815 г. к своему хорошему знакомому, одному из директоров Московского отделения Российского библейского общества Д. П. Руничу, Лопухин упоминал о завещании тогда уже покойного своего друга, — Григория Трофимовича Данникова⁵⁶. Перед смертью Данников завещал продать его дачу и употребить деньги на печатание экземпляров Нового завета, которые предназначались «для раздачи приходящим на поклонение в Киев людям, более простым, бедным и не всегда мужчинам, но и женщинам пожилым, приметно жаждущим познать, возлюбить и последовать подлинному учению Спасителя»⁵⁷. Душеприказчик Данникова счел возможным передать 2,5 тыс. руб. завещателя Московскому отделению РБО, поскольку это вполне соответствовало желанию покойного.

Как раз об этом Лопухин прочитал в присланном ему Руничем отчете Московского отделения за 1814 г. и сразу откликнулся письмом. Воспоминания нахлынули на Лопухина, и он сообщил Руничу некоторые сведения об этом, по его выражению, «прямолюбителе христианства»: «Покойный Данников мне очень знаком был. Большой был мне приятель и жил у меня. Он в знаниях, конечно, не уступал Сковороде, и нравов был самых честных и приятных: дар говорить о духовных материях имел отличный. Не писал ничего. Его сочинения только “Система духоборцев” (эти слова подчеркнуты, очевидно, самим Лопухиным. — С.И.) которой подлинник, его руки, не помню, кто у меня завладел, а списывал у меня, помнится в П-бурге Александр Федорович, и

точно помню, что списывали митрополит СП-бургский для Академии и граф Кочубей для дел внутренняго министерства. Писано действительно с их слов и понятий; но виден тут и дух сочинителя. Почтенный был человек. У меня здесь в саду есть и аллея Данникова и камень положен с надписью: «Тени Г.Т. Данникова, от хозяина, члена Библейскаго общества». Истинно почтенный человек был»⁵⁸.

Упоминаемый в письме Лопухина Александр Федорович — это А.Ф. Лабзин, которому принадлежала «лабзинская» редакция. Копия, сделанная по поручению митр. Амвросия, хранилась в Петербургской духовной академии⁵⁹ и, видимо, уже с нее копию для себя сделал Евгений Болховитинов. Лопухин упомянул о копии, сделанной для министра внутренних дел В.П. Кочубея. «Лопухинская» редакция, совершенно очевидно, как раз и была сделана Лопухиным для Кочубея, и им же (Лопухиным), как мы и предположили, написано небольшое предисловие. Как раз в это время после указа Александра I о переселении духоборцев в Таврию, министр внутренних дел занимался ими и, естественно, хотел знать, с кем правительство имеет дело.

Остается неясным содержание упомянутой выше пометы, скопированной Синайским с копии, полученной в МВД. В письме Руничу Лопухин говорит о том, что «Систему духоборцев» митр. Амвросий списывал у него («точно помню»), и ничего нет о том, что это он получил документ от Амвросия. Возможно, переписчик Синайский был не достаточно внимателен, но нельзя исключить и того, что «Исповедание...» с подобающей легендой попало сначала к митрополиту, который распорядился скопировать его для Петербургской духовной академии, а потом было передано Лопухину. Осуществить эту операцию было бы нетрудно, учитывая, что друг Лопухина еп. Михаил Десницкий с 1802 и до конца 1803 г. был викарным митр. Амвросия в Новгороде⁶⁰.

Но вернемся к «Исповеданию духоборцев» или, как назвал его Лопухин, к «Системе духоборцев». Итак, обращение к Каховскому и текст исповедания написаны Данниковым. Его формулярный список найти не удалось, сведения о нем самые скудные: служил в Херсоне губернским секретарем в чине титулярного советника, имел поместье в 6 тыс. дес. и 43 ревизские души⁶¹ — вот и все, чем мы располагаем. Судя по встречающимся в тексте украинизмам, он уроженец Украины. И этим можно объяснить тот факт, что Лопухин сравнил его обширные познания с познаниями украинского философа Сковороды.

Нас интересует, где и когда Данников мог познакомиться с духоборцами, ведь Лопухин обратил внимание Рунича на то, что вероисповедание «духоборцев» «писано действительно с их слов и понятий». К сожалению, здесь мы можем выдвигать только гипотезы.

Прежде всего, обратим внимание на точную датировку «Исповедания духоборцев» — 25 декабря 1791 года. Она добавляет документу правдоподобности и убедительности. Как раз в 1791 г. екатеринославский губернатор Каховский поставил перед генерал-губернатором Новороссийского края Г.А. Потемкиным вопрос о необходимости принятия строгих мер против этой вредной секты и об отправке всех мужчин с. Никольского (в том числе Колесниковых), зараженных ересью, на военную службу. Потемкин продемонстрировал явное нежелание заниматься этим вопросом, а потом последовала его смерть, но Каховский продолжал писать о вредной секте и генерал-прокурору А. Вяземскому, и секретарю Кабинета ЕИВ В.С. Попову, и каждый раз, при этом, отмечал честнейшие правила жизни и благонравие духоборцев. Более чем сомнительно, чтобы в такой момент духоборцы с. Никольского доверились херсонскому чиновнику, и тем более назвали своими учителями не только уже умершего Силуана Колесникова, но и его здравствовавших сыновей — Кирилла и Петра. Таким признанием духоборцы подписали бы им приговор на вечное заточение в Со-

ловецком монастыре. Полагаем, что «Исповедание...» было написано не в 1791 г., а позже. Но возникает резонный вопрос, а откуда тогда взялась эта правдоподобная дата.

Перу Лопухина принадлежит записка «Некоторые черты об обществе духоборцев», написанная им в 1805 г. после поездки по служебным делам в Таврическую губернию и ставшая результатом более подробного ознакомления с верованием, культовой практикой и бытом духоборцев на Молочных Водах⁶². Авторство Лопухина предположил еще Новицкий, а А.И. Клибанов достаточно аргументировано подтвердил это предположение⁶³, и мы полностью разделяем их точку зрения. В этой записке Лопухин упомянул одно из писем Каховского с лестным отзывом о правилах жизни духоборцев⁶⁴, то есть он был знаком с этими документами и знал, что в 1791 г. группа духоборцев действительно оказалась под стражей. А число — 25 декабря? Так ведь «Исповедание духоборцев» подано не было, и указанное число вообще никакой роли не играло.

Автор «Записки о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде Таврической губернии», неоднократно посещавший их селения в 1841 г., обратил внимание на то, что они ничего не знали о подготовленном в 1791 г. для подачи Каховскому исповедании их веры⁶⁵, хотя еще были живы современники тех событий из с. Никольского.

И вместе с тем, изучение содержания «Исповедания...» показывает, что писавший был все-таки хотя бы поверхностно осведомлен об учении и жизни духоборцев. Информацию Данникову мог предоставить Лопухин, но нельзя исключить и того, что автор «Исповедания...» и сам все-таки встречался с духоборцами. Мы не знаем, когда состоялось знакомство Лопухина с Данниковым, но их встреча могла произойти в губернском городе Симферополе в начале осени 1802 года. Как раз в это время Данникову, взамен участка, ранее отданного им в казну, должны были отмежевать землю около с. Белозерка Мелитопольского уезда Таврической губернии (на тот момент Перекопский уезд Екатеринославской губернии)⁶⁶. Лопухин же в качестве главы Комиссии для разбора споров и определения повинностей на Крымском полуострове приехал из Москвы в Симферополь в конце лета 1802 г., где пробыл по февраль 1803 года. Трудно представить, чтобы Лопухин, почти полгода пробыв в тех краях, не поинтересовался судьбой духоборцев, чье переселение в Мелитопольский уезд Таврической губернии началось в июле 1802 года. Лопухин и Данников могли посетить духоборцев на Молочных Водах вместе, тем более что Белозерка находилась очень близко от Богдановки — первого селения, основанного духоборцами на новом месте. «Исповедание духоборцев», по нашему мнению, могло быть написано в период с конца 1802 г. и в течение 1803 года.

Лопухин, будучи страстным почитателем и издателем Арндта, конечно же, не мог не знать, что Данников широко использовал сочинение немецкого мистика. Выдавая произведение Данникова за духоборческое и давая его переписывать для представления в правительство, Лопухин совершал сомнительный, с точки зрения христианской этики, поступок, и кроме того, очень сильно рисковал своей репутацией. Полагал ли он, что благородная цель оправдывает средства, или он искренне верил, что в данном случае совершенно неважно, кто автор сочинения, и пусть в нем виден «дух сочинителя», но смысл-то этого произведения тождественен духоборческому исповеданию! Ответ на этот вопрос мог бы дать только сам сенатор.

Теперь обратимся к «лабзинской» редакции. Скорее всего, она была подготовлена для публикации в «Сионском вестнике». «Исповедание духоборцев» по своему смыслу и духу, конечно же, должно было понравиться издателю журнала, являвшегося рупором мистически настроенной части общества. Лабзин мог планировать издать его под названием «Мысли русского крестьянина»

еще в 1806 г., когда его журнал начал выходить в свет, однако вскоре он был закрыт. Вторая возможность для публикации представилась в 1817—1818 гг., когда «Сионский вестник» был возобновлен, и в это же время духоборцы опять оказались в центре внимания.

В 1816 г. херсонский военный губернатор граф Ланжерон после донесений духовных особ о совращении православных в духоборческую ересь решил положить конец распространению секты во вверенном ему крае. По его приказу был арестован ее руководитель Савелий Капустин. Ланжерон поставил вопрос о поселении духоборцев между ногами, подальше от православных. Лопухина уже не было в живых, но у духоборцев оказался еще один влиятельный защитник в лице министра внутренних дел масона О.П. Козодавлева, который сумел представить царю духоборцев, как незаслуженно обвиненных в разных противозаконных деяниях. Высочайшим рескриптом на имя Ланжерона от 9 декабря 1816 г. Александр I подтвердил свою прежнюю позицию в отношении этой секты⁶⁷. Однако и Лабзин счел нужным поднять свой голос в их защиту, а значит и в защиту своего покойного друга, поскольку имя Лопухина оказалось навсегда связано с духоборцами. Как только часть общества, в основном представители консервативного крыла, поднимала вопрос об увеличивавшемся числе сектантов, об их политической опасности, и прежде всего это касалось духоборцев, так тут же раздавались обвинения в адрес Лопухина, оказавшего им покровительство.

В декабрьской книжке «Сионского вестника» за 1817 г. был опубликован написанный Лопухиным еще в 1806 г. «Глас искренности». Это был ответ сенатора на обвинения его в пособничестве духоборцам. Текст «Гласа...» предваряет письмо Лопухина к Лабзину, датированное июлем 1806 г., с просьбой опубликовать в журнале эту, по его словам, «пьесу». Из-за закрытия журнала Лабзин тогда просто не успел этого сделать. О том, что публикация «Гласа искренности» в 1817 г. была вызвана новой волной неприязни к духоборцам, свидетельствует помещенная там же статья Лабзина «О терпимости (к письму г-на сенатора Лопухина)». Автор ее, разбирая позиции «Инквизиции» и «Терпимости», приходит к выводу о том, что духу христианства отвечает благоразумная терпимость, которая как раз и изображена в высочайшем рескрипте Александра I на имя Лопухина и Нелединского-Мелецкого 1801 г. и в «другом подобном к херсонскому военному губернатору г. Ланжерону, по случаю возобновившихся неприязненных поступков против поселенных в сей губернии духоборцев»⁶⁸.

Лабзин считал образ мыслей Лопухина относительно духоборцев и его поступок основанным на христианской любви и полагал, что «каждое сердце, к добру склонное, каждый разум, водимый не предубеждениями, — добровольно присовокупят к тому и свой одобрительный голос. Всякое существо страждущее имеет право на сострадательность нашу; и доброе сердце делит с ним болезнь его, спешит к нему с соучастием и помощью...»⁶⁹. Обращаясь к событию 17-летней давности, Лабзин использовал его в качестве повода для разговора об отношении к христианским сектам, против которых «столь многие ополчаются с жестокостию». В отношении сект позиция редактора «Сионского вестника» полностью совпадала с позицией Лопухина: «Вера Христова не знает никаких разделений, кроме разделения верующих от неверующих, — ветхаго человека от новаго»⁷⁰. Лабзин высоко оценивал духоборцев за то, что они уважали только духовное и внутреннее, называл их стоической сектой «между простенькими нашими христианами»⁷¹. Опубликовав «Глас искренности» Лопухина и собственную статью, возможно, Лабзин счел уже излишним публиковать еще и «Мысли русского крестьянина», тем более что они весьма объемны. Возможно, он оставил рукопись до следующего удобного случая, но его уже не

представилось ⁷², а может быть, он знал тайну появления «Исповедания духовборцев» и не стал рисковать.

Остается вопрос: есть ли в «Записке...», созданной Данниковым, что-то от вероучения духовборцев? Многое из того, что в «Записке...» относится к учению о «внутренней церкви», можно признать соответствующим духовборческому учению, как, впрочем, и молоканскому. И в этом смысле Милюков и Клибанов справедливо писали о представленном в ней идеале духовного христианства. Данников подвел под каждое положение учения о «внутренней церкви» основательную доказательную базу, состоящую из многочисленных ссылок на Св. Писание, чего у сектантов в таком объеме не было, но смысл каждого положения остается общим для всех поборников этого учения.

Что же касается представленного в «Исповедании духовборцев» толкования картин Св. Писания, его духовного понимания, то этого у духовборцев не было. Они перетолковывали слова, употребляемые в церковной обрядности, имена персонажей библейской истории (Ветхого и Нового заветов), но не придавали Св. Писанию того значения, которое придавали ему христианские мистики, в том числе и автор «Исповедания...».

Тот, кто читал духовборческие псалмы, сразу должен был бы обратить внимание на встречающееся в тексте «Записки...» упоминание о трех качествах человеческой души — памяти, разуме и воле: «... укреплял бы он (Бог. — *С.И.*) яко отец, детей своих любящ, память обширну, многодержашу, мыслию без конца скоро бегущу нашу, просвещал бы Сыном, словом премудрости своея, разум наш, различающ, что затвержено в память, исправлял бы и освящал, изливающе в нас Дух Свят свой, злую волю нашу, и прочими благими свойствы своими рождаясь в нас, срастворял и осеменял бы в нас и прочия свойства душевны и телесны, внутренни и внешни наши, в вечное благо, кое есть един он: и так обиталась бы в нас Святая Троица един Бог, были бы мы живым храмом, престолом, седалищем, опочивальнею, орудий его. Для сего и создал он нас по образу своему и по подобию, и проч.» ⁷³. В духовборческих псалмах неоднократно говорится о трех силах души — памяти, разуме и воле: «Пресвятая Троица — существо непостижимое. В человеке утверждается Отец-Бог — память, Сын-Бог — разум, Дух-Бог — воля. Бог-Троица — един»; «Отец Бог — память; Сын Бог — разум; Святой Дух Бог — воля» ⁷⁴. Или: «Душа бо есть образ Божий, по ней и мы имеем тройственную силу — единое естество. Силы души человеческой суть память, разум, воля. Памятью уподобляемся Богу Отцу; разумом уподобимся Богу Сыну, волею уподобляемся Богу Духу Святому. Такжеже во святой Троице три суть лица, во единой душе три силы душевные — един Бог» ⁷⁵. Духоборцы дословно заимствовали этот текст у Дм. Ростовского ⁷⁶, произведения которого русские мистики тоже очень высоко ценили и многократно переиздавали. И можно было бы подумать, что в «Записке...» отражен именно этот догмат духовборцев, но и у Арндта мы находим следующее: «Сего ради вложены Богом в душу человеческую три знатнейшия силы: разум, воля и память. Сии силы раждает, сохраняет, освящает и просвещает Пресвятая Троица»; или «Христос есть души истинная сила, разум, воля, память, то есть свет ея в разуме, ея желание в воле, утешение ея в памяти» ⁷⁷. Интерпретация этих трех божественных качеств или сил души у духовборцев и немецкого мистика все-таки отличается, но Данников объединил их, и Св. Троица не только рождает, просвещает и освящает в человеке эти «знатнейшия силы» (как у Арндта), но и сама в них пребывает, а значит и в душе человека (как у духовборцев). Эти богословские тонкости не сразу заметны и не настолько важны, но они свидетельствуют о том, что духовборческий догмат Данникову был известен.

Представим, что должен был почувствовать Лопухин — поклонник Арндта, услышав от явившихся к нему простых русских мужиков подобное выска-

звание о памяти, разуме и воле?! Может быть, как раз поэтому в основу «Исповедания духоборцев» и была положена работа именно этого мистика, как наиболее, по мнению Лопухина и Данникова, близкая учению духоборцев.

Автор сочинения отразил и такую особенность духоборческого религиозного обряда, как поклонение не иконам, а друг другу, поскольку душа человека — это и есть образ Божий: «... паче же ходить между собою в братолюбии и дружелюбии, услужливости и проч., поклоняясь Богу друг во друге, яко есмы начаток созданием его, и есмы между всеми творении в мире живоначертанное рукою Господнею изображение, образ Бога на земли»⁷⁸.

В «Исповедании духоборцев» основополагающие христианские догматы о едином Боге в Троице, о воплощении Сына Божьего и его жертве изложены так, что невозможно сделать определенные выводы: можно ли назвать эти представления ортодоксальными или нет, но это не духоборческие догматы. Возможно, Лопухин и Данников не знали позицию духоборцев по этим вопросам или не хотели акцентировать на них внимание, поскольку именно по ним духоборцы координально разошлись с православием. Но и сами духоборческие лидеры, очевидно, были заинтересованы в том, чтобы обойти острые углы.

Данников, увлекшись темой, многое приписал духоборцам. У духоборцев Адам понимался как образ павшего человечества, а не как павший родоначальник, грех которого лег на все человечество. Наследственный грех духоборцы не признавали, а потому у них не было и того дуализма, о котором любили поговорить христианские мистики. И уж тем более нет у них ничего о падении душ в доматериальном мире, но эти представления до сих пор приписывают им современные религиоведы⁷⁹.

С легкой руки Данникова и Лопухина буквально во всех работах о духоборческой секте Силуан Колесников фигурирует как основатель духоборчества. Это историческая личность, но он был лишь одним из проповедников учения, и его роль исследователи сильно преувеличивают. Духоборцы, хотя и доверительно беседовали с Лопухиным, но имя своего настоящего вождя ему не назвали.

В заключение мы считаем важным дать однозначный ответ на вопрос: можно ли использовать «Записку, поданную духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому» как источник по вероучению и истории духоборчества, и с полной уверенностью говорим: нет!

Вся эта история с созданием фальшивой «Записки...» высвечивает проблемы религиозной и политической истории эпохи Александра I, взаимоотношений старого русского сектантства и мистического христианства в лице российских масонов. Мы не ставили перед собой задачи провести сопоставительный анализ их учений; но даже отмеченное выше сходство духоборческого учения по целому ряду вопросов с учением мистиков, по нашему мнению, свидетельствует о едином источнике, откуда те и другие разными путями и в разное время почерпнули свои религиозные идеи — это западноевропейское реформационное движение.

Примечания

1. Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому. Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР), 1871, кн. 2, с. 26—79.
2. Записка о разговоре с двумя духоборцами архимандрита Евгения, впоследствии митрополита Киевского. ЧОИДР, 1874, кн. 4 (октябрь-декабрь).
3. ЕВГЕНИЙ еп. (БОЛХОВИТИНОВ). Рассмотрение исповедания духоборческой секты. — Центральная научная библиотека Национальной академии наук Украины (ЦНБ НАНУ). ДА, № 286 П, л. 74об.
4. Там же, л. 75об.
5. LENZ THEOPHILUS EDUARDUS. Commentationis de duchborrcis. Particula 1. Dorpat. 1829, p. 4—5.

6. НОВИЦКИЙ О. О духоборцах. Киев. 1832, с. 181—182.
7. Там же, с. 46.
8. НОВИЦКИЙ О. Духоборцы: их история и вероучение. Киев. 1882, с. 212.
9. Там же, с. 221.
10. ГАКСТГАУЗЕН А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М. 1870, с. 261, 262 примеч. Гакстгаузен ознакомился с «Исповеданием духоборцев» в 1841 г. по книге Новицкого (1832 г. изд.) в переводе И. Корниса.
11. МИЛЮКОВ П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб. 1902, ч. 2, с. 115, 118.
12. В документах И.М. Трегубова есть рукописная копия «Записки, поданной духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому». Архив ИРЛИ, ф. 330, оп. 1, д. 128. «Записка...» положена в основу работы Д.А. Хилкова «О духоборческом учении». Гос. музей Л.Н. Толстого, ф. Хилкова, п. 2, кн. 1—3. «Записку...» изучал и П.И. Бирюков. Архив ИРЛИ, ф. 330, оп. 1, д. 13, л. 39об.
13. КЛИБАНОВ А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М. 1977, с. 236, 238, 250.
14. Животная книга духоборцев. СПб. 1909.
15. Например: ШУГАЕВА Л.М. Религиозные верования и социальная практика духоборов. Киев. 1992. Дисс... канд. философ. наук. Одна из последних работ о духоборцах — ДЕГТЕРЕНКО Л.Н. Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII — начале XX вв.: Традиционализм и модернизационные аспекты. М. 2010. Дисс... канд. истор. наук. Автор настоящей статьи также в свое время использовала «Записку...» в качестве источника по изучению вероучения духоборцев. См.: Русские. М. 1997, с. 722—740. Не указывая на «Записку...» в качестве своего источника, ее положения пересказывают авторы энциклопедических статей о духоборцах: БАГДАСАРЯН В.Э. Духоборцы. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М. 2006, с. 323—325; ТАЕВСКИЙ Д.А. Христианские ереси и секты. I—XXI веков. Словарь. М. 2003, с. 73—75.
16. НОВИЦКИЙ О. Духоборцы..., с. 211; МИЛЮКОВ П.Н. Ук.. соч., с. 110; КЛИБАНОВ А.И. Ук. соч., с. 231—233.
17. Например, Ежемесячное московское издание, Утренний свет и Вечерняя заря, Сионский вестник.
18. ТЕРНОВСКИЙ Ф. Материалы для истории мистицизма в России (Записки К.А. Лохвицкого). — Труды Киевской духовной академии. 1863, № 10, с. 161; ЕШЕВСКИЙ С.В. Материалы для истории русского общества XVIII века. Несколько замечаний о Н.И. Новикове. [ЕШЕВСКИЙ С.В.] Сочинения. Т. 3. М. 1870, т. 3, с. 435; ГАЛАХОВ А. Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I. — Журнал министерства народного просвещения. 1875, ч. 182, № 11, с. 90—92.
19. ГАЛАХОВ А. Ук. соч., с. 87.
20. Человек создан по образу и подобию Божию; троичный Бог троично запечатлел свой образ в душе человека (воля, ум, премудрость; свет, огонь, сила, или разум, воля, память); человек — образ Бога и образ мира, и если он хочет познать Бога, то вначале должен познать себя; Адам пал и Божий образ в нем помрачился, а через него и у всего его потомства, на котором лежит первородный грех; земной мир — это темница и юдоль плача; Бог послал своего Сына, чтобы Он показал человечеству путь спасения; в каждом человеке есть Адам и Христос, плоть и дух, земля и небо, но у человека есть свобода выбора, и его целью должно стать восстановление в себе образа Божьего, умерщвление ветхого человека и рождение твари новой; путь к этому — самоотвержение, покаяние, последование Христу; такой человек соединится с Ним и станет сыном Божиим; Бог пребывает в таком человеке, и Царство Божие внутри его; через внутреннее откровение такой человек познает Божественные истины; ад и рай — это не отдаленные места, они в душе человека; Бог есть дух и поклоняться ему надо в духе и истине, то есть духовно; вечность приобретается внутренностью, а не внешностью; внешняя церковь и ее обряды и таинства могут быть полезны, но они не приведут к спасению, если сам человек не станет храмом Божиим; Св. Писание надо понимать не буквально, а духовно, увидеть духовными очами; все, что есть в Новом завете, должно совершиться в человеке: Христос

в душе должен родиться, возрасти, пострадать, быть распят, умереть и воскреснуть.

Расхождения были по вопросам грехопадения Адама: пал ли он однажды, съев яблоко с заповеданного древа, или до этого он пал в мыслях, а потом уже явно; некоторые писали о падении душ еще в доматериальном мире. Если одни вполне ортодоксально понимали троищность единого Бога, то формулировки других не были столь однозначны и позволяли усомниться в равенстве по божеству и единственности трех лиц. Одни считали, что человек может спастись только верой, а другие — еще и делами. Большинство считали, что хотя истинные христиане живут по законам Бога, но власти от Бога, и их нужно слушаться и терпеть. Более радикальные мистики полагали, что прежде надо бояться Бога, а потом начальников, то есть Божьи законы ставили выше царских.

21. ЦНБ НАНУ, ф. V. 737, л. 15.
22. Наставлении отца сыну. — Ежемесячное московское издание. М. 1781, ч. 2, с. 266; МАРКЕЛОВ. Практика. — РО РГБ, ф. 298, к. 11, ед. хр. 6, л. 67; [ЛОПУХИН И.В.] Присутствие Божие. Средства приобрести и сохранить оное в сердце своем, дабы сделаться истинным христианином. РО РГБ, ф. 147, № 266, л. 15об., 27; [ЛОПУХИН И. В.] О истинном друге. Там же, оп. 1, д. 146, № 2, л. 10об.; ЛАБЗИН А. Ф. Письмо Д.П. Руничу. 15 декабря 1808 года. Архив ИРЛИ, ф. 656, № 23, л. 157об.
23. СЕН-МАРТЕН. О заблуждениях и истине. М. 1785; ЭККАРТСТАУЗЕН. Важнейшие иероглифы для человеческого сердца. СПб. 1803.
24. Христианин размышляющий, разглагольствующий и кающийся. М. 1784; Духовный путеводитель, служащий к отвлечению души от чувственных вещей и к приведению ея внутренним путем к совершенному созерцанию и ко внутреннему миру. М. 1784, ч. 1; ФЛЕЙШЕР А. Описание трех действующих оснований — свойств человеческой души яко источников моральных добродетелей и моральных пороков. Рукопись. АРХИВ ГМИР, колл. II, оп. 1, д. 13.
25. КЛИБАНОВ А.И. Ук. соч., с. 233—234. Клибанов цитировал по рукописи «Исповедания духоборцев» из Киево-софийской библиотеки в ЦНБ НАНУ. Приведенные им отрывки почти полностью совпадают с текстом, опубликованным Н. Тихонравовым в ЧОИДР.
26. «Записка...», с. 66—67, 72.
27. Райские цветы, помещенные в семи цветниках. М. 1784 г., с. 7, 11, 13, 15. Ср. с «Запиской...», с. 66—67, 72.
28. ГАКСТГАУЗЕН А. Ук. соч., с. 267.
29. КЛЕПИКОВ С.А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. 1959, № 74, 76. Штемпели, помещенные Клепиковым под этими номерами (овальные, в центре буква «Н», в нижней части которой римская цифра I, над ней — корона, по бокам — ветви, внизу — аббревиатура ИПБФ — Императорская Петергофская бумажная фабрика) полностью совпадают со штемпелем на бумаге этой рукописи.
30. РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 2043.
31. ЦНБ НАНУ, ф. V. 737, л. 13—13об.
32. ЛОПУХИН И.В. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим. Лондон. 1860, с. 125. Эту же мысль Лопухин проводил в «Гласе искренности». См.: Сионский вестник. 1817, кн. 9, с. 372.
33. На то, что рукопись принадлежала перу самого Евгения, указывал его биограф: ШМУРЛО Е. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804. СПб. 1888, с. 293. Подпись в конце рукописи «Рассмотрения...» идентична подписи Евгения на других документах этого периода. Например, см.: РО РНБ, ф. 1000, оп. 1, д. 837, л. 2об.
34. «От мысли старика хотя и оставя породились из нас согрешившие непристойным уничтожением невинных законов, духовну святыню образующих (как ниже о церквах в мире скажем) за их то преступления умноженные клеветами, и невинные многие ныне страждем. Да помилует Господь их всех!» ЦНБ НАНУ, ф. V. 737, л. 24об.; ф. 312, д. 530 (328), л. 18—18об.
35. Нами был изучен комплекс писем А.Ф. Лабзина к Д.П. Руничу. Архив ИРЛИ, ф. 263, оп. 2, д. 216, 240; РО РНБ, ф. 656, д. 22, 23 и другие его письма и записки.

- РО РГБ, ф. 13, к. 28, д. 4—5. Почерк Лабзина менялся, но есть характерные особенности, которые позволяют его идентифицировать.
36. РО РГБ, ф. 13, к. 28, д. 18, л. 8, 19об., 24.
 37. После восшествия на престол Александра I по именному указу от 15 марта 1801 г. «О прощении людей содержащихся по делам производившимся в Тайной экспедиции, с присвоением 4-х списков оных» были освобождены люди разных званий. В указе был пункт «О содержащихся в крепостях и сосланных в разные места на поселение и в работу людям не имеющих чинов», под который попали и ссыльные духоборцы. ПСЗ. Собр. I, т. 26, № 19. 784. Специально созданная Комиссия по пересмотру прежних уголовных дел представила Александру I списки духоборцев, содержащихся в Лифляндской губернии на о. Эзеле и в Екатеринбурге, всего — 182 человека. Император повелел вернуть их на прежние места жительства, но наблюдать за ними посредством земской полиции, чтобы в тех селениях, где они будут жить, волостной голова «из правоверных» прилежно смотрел, «дабы они под видом богослужения не делали сборищ в домах своих». РГИА, ф. 468, оп. 43, д. 679, л. 30об.—33.
 38. РГИА, ф. 796, оп. 79, д. 525, л. 16—19об.; ЛОПУХИН И.В. Записки из некоторых обстоятельств жизни..., с. 118, 123—124.
 39. Рескрипт Александра I на имя слободско-украинского гражданского губернатора Зильбергарниша. 27 ноября 1801 года. РГИА, ф. 1284, оп. 195, 1816 г., д. 20а, л. 82.
 40. ПСЗ. Собр. I, т. 26, № 20. 123. НОВИЦКИЙ О. Духоборцы..., с. 58—63.
 41. Выписка о духоборцах, сделанная И.В. Лопухиным при первом его донесении Государю о них из Харькова от 12 ноября 1801 г. ЧОИДР, 1864, кн. 4, с. 46—47.
 42. РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3071, л. 9—11.
 43. ПСЗ. Собр. I, т. 26, № 19. 813. Манифест 2 апреля 1801 г. «Об уничтожении Тайной экспедиции и о ведении дел производившихся в оной в Сенате».
 44. ЛОПУХИН И.В. Записки из некоторых обстоятельств жизни..., с. 122.
 45. Лопухин являлся автором трактата «Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели», написанного в 1789 г. и изданного в 1798, 1801, 1816 годах. Это сочинение, удостоившееся похвалы известного и очень почитавшегося масонами мистика Эккартсгаузена, было широко распространено в печатном виде и во множестве рукописных копий среди последователей этого учения.
 46. ЛУБЯНОВСКИЙ Ф.П. Воспоминания. — Русский архив. 1872, № 1, ст. 169.
 47. РЕПНИН Н.В. Письмо к генерал-прокурору А.Н. Самойлову. 25 июня 1793 г. Центральный исторический архив Эстонии (Тарту), ф. 291, оп. 1, д. 2496, л. 57—58. В начале 1793 г. 37 душ екатеринославских духоборцев по требованию высшей власти были отправлены губернатором Каховским в С-Петербург, но их продержали в дер. Сорочниной в 100 верстах от Петербурга, а в апреле без всякого дополнительного следствия отправили на о. Эзель.
 48. ЛОПУХИН И.В. Записки из некоторых обстоятельств жизни..., с. 125.
 49. ЕГО ЖЕ. Вопль старинного судьи. 1796 г. Цит. по: СУРОВЦЕВ А.Г. Иван Владимирович Лопухин. Его масонская и государственная деятельность. СПб. 1901, с. 62.
 50. ЕШЕВСКИЙ С.В. Ук. соч., с. 438.
 51. [ЛОПУХИН И.В.] Нечто для размышления о молитве и сущности христианства. Орел. 1814, с. 43—44.
 52. ЕГО ЖЕ. Глас искренности. — Сионский вестник. 1817, кн. 9, декабрь, с. 371. Такой «новой тварью во Иисусе Христе» Лопухин, например, считал немца, последователя Бёме, Квирина Кульмана, обвиненного в еретичестве и заживо сожженного в Москве в 1689 году. В подмосковном имении в с. Савинском в память о нем Лопухин установил каменную плиту, в нижней части которой была надпись: «Прохожий, вздохни о страдальце: благословляй просвещение разсыпавшее мрак лютости времен оных; и учиись осторожным быть в самом стремлении к истине». Эта плита ныне находится в экспозиции Краеведческого музея в г. Ногинске.
 53. ЕГО ЖЕ. Записки из некоторых обстоятельств жизни..., с. 125.
 54. ЕВГЕНИЙ еп. (БОЛХОВИТИНОВ). Ук. соч., л. 75об.
 55. Письма митрополита Евгения к В.Г. Анастасевичу, из Калуги и Пскова (1813—1818). — Древняя и новая Россия. 1880, т. 18, № 12, с. 617.

56. ЛОПУХИН И.В. Письмо Д.П. Руничу от 14 июня 1815 г. — Русский архив. 1870, кн. 2 (7), с. 1234—1236. Подлинник в РО РНБ, ф. 656, д. 2929, л. 21—21об.
57. Отчет Комитета Московского отделения Российского библейского общества за 1814 г. М. 1815, с. 71.
58. ЛОПУХИН И.В. Письмо Д.П. Руничу от 14 июня 1815 г., с. 1235—1236. Лопухин любил ставить в своих имениях мемориальные памятники в честь людей, взгляды которых были близки его воззрениям и которые внесли вклад в продвижение слова Божьего в народ своими трудами и своей жизнью. В его подмосковном сельце Савинском был Юнгов остров, Руссова хижина, памятники Фенелону и Дютуа, Бему, Кульману и т.п. См.: [КОВАЛЬКОВ А.] Мирное отдохновение в садах сельца Савинского во время нашего шествия врагов. — Друг юношества. 1813, февраль. Аллея и камень посвященные Данникову в орловском имении Лопухина Ретяжи, откуда отправлено письмо, свидетельствуют о том, насколько высоко хозяин имения ценил этого человека.
59. ШМУРЛО Е. Ук. соч., с. 293. Эта копия не обнаружена.
60. ЧИСТОВИЧ И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб. 1894, с. 116.
61. Гос. архив Одесской обл., ф. 1, оп. 218. 1805 г., д. 8; Гос. архив Херсонской обл., ф. 14, оп. 2, д. 24.
62. Лопухин был в Крыму еще раз с конца 1804 до июля 1805 г. (РГИА, ф. 1374, оп. 4, д. 390, л. 70—70об.). О том, что он не прекратил интересоваться духоборцами, свидетельствует его письмо к М.М. Сперанскому от 11 ноября 1804 г. — Русский архив. 1870, № 3, с. 613.
63. НОВИЦКИЙ О. Духоборцы..., с. 215—216; КЛИБАНОВ А.И. Ук. соч., с. 265.
64. [ЛОПУХИН И.В.] Некоторые черты о обществе духоборцев. — Русская старина. 1896, т. 87, № 8, с. 259.
65. Записки о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде Таврической губернии. — Труды Киевской духовной академии. 1876, август, с. 397.
66. ГАОО, ф. 1, оп. 218. 1805 г., д. 8, л. 2, 9.
67. Рескрипт от 9 декабря 1816 г. опубликован в кн.: НОВИЦКИЙ О. Духоборцы..., с. 91—95.
68. [ЛАБЗИН А.Ф.] О терпимости (к письму г-на сенатора Лопухина). — Сионский вестник. 1817, кн. 9, декабрь, с. 394.
69. Там же, с. 395.
70. ЕГО ЖЕ. О разделениях между христианами. — Сионский вестник. 1817, ч. 6, кн. 7, октябрь, с. 4.
71. ЕГО ЖЕ. О терпимости..., с. 401.
72. Министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын в угоду оппозиции, выступавшей против масонов и вообще мистиков, подрывавших основы «внешней церкви», передал лабзинский журнал из рук светской цензуры в духовную. Лабзин прекрасно понимал, что он не сможет вести журнал прежним курсом, и сам прекратил его издание с июля 1818 г. (ЧИСТОВИЧ И.А. Ук. соч., с. 193).
73. «Записка...», с. 29.
74. Животная книга духоборцев, пс. 1, в. 5; пс. 65.
75. Записка о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде..., с. 417. В «Животной книге духоборцев» в пс. 64 есть пропуск фрагмента о воле, поэтому мы даем более раннюю публикацию этого псалма.
76. [ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ]. Сочинения св. Димитрия митрополита Ростовского. Т. 4. М. 1827, т. 4, с. 14.
77. АРНДТ И. О истинном христианстве. М. 1784, ч. 1, с. 3; ч. 3, с. 48.
78. «Записка...», с. 36.
79. БАГДАСАРЯН В.Э. Ук. соч., с. 324; ТАЕВСКИЙ Д.А. Ук. соч., с. 75.

Турецкие воинские формирования Красной армии в 1918—1920 гг.

В.В. Познахирев

Как показывает исторический опыт, практически любой межгосударственный вооруженный конфликт создает предпосылки для привлечения воюющими сторонами в свои ряды представителей не только нейтральных, но и враждебной стороны, и даже для формирования из них отдельных подразделений, воинских частей и целых соединений. Указанный феномен, известный еще со времен Античности, неоднократно проявлялся и в отечественной военной истории. В числе наиболее крупных формирований такого рода, созданных в нашей стране до Октября 1917 г., можно назвать Русско-немецкий легион (1810—1815), Сербский корпус (1916—1918), Чехословацкий корпус (1917—1919) и другие.

Не стали в данном отношении исключением и русско-турецкие вооруженные конфликты. При этом боевое содружество с Россией армян, болгар, греков, курдов, молдаван, румын, сербов и представителей иных народов многонациональной Османской империи уже не раз оказывалось в центре внимания отечественных и зарубежных историков и к настоящему времени может считаться в основном реконструированным в целом ряде научных работ¹. Что же касается собственно этнических турок, то их добровольная служба Российской империи в составе своих национальных или, по крайней мере, «смешанных» вооруженных формирований остается до сего дня малоизученной, хотя с 1676 по 1918 г. наши страны прошли через одиннадцать войн, занявших в общей сложности свыше 50 лет².

Гражданская война в России, во многом ассоциируемая с широчайшим размахом пролетарского интернационализма, казалось бы, создавала все необходимые предпосылки для появления в структуре Красной армии если не соединений и частей, то хотя бы подразделений или отдельных отрядов из числа бывших военнопленных Османской империи. Между тем, место и роль последних и в данном вооруженном конфликте представлены в отечественной и зарубежной историографии (в т.ч. и турецкой) более чем скромно, что особенно заметно на фоне большого числа работ, посвященных германским, венгерским, итальянским, китайским, польским, чешским, финским и другим иностранным интернационалистам³.

Фактически на сегодняшний день к числу таких формирований можно отнести следующие:

1. *Турецкую роту 1-го татаро-башкирского батальона (1918 г.)*. Поскольку в документах Архивного фонда РФ нам не удалось обнаружить никаких следов этого подразделения, говорить о нем приходится, опираясь исключительно на опубликованные источники. В этой связи отметим, в первую очередь, что, по мнению Н.А. Субаева, отдельная турецкая рота была сформирована в Москве в июне 1918 года. В конце того же месяца она прибыла в Казань и «во

Познахирев Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, доцент Смольного института Российской академии образования. Санкт-Петербург.

время ожесточенных боев под Сызранью», то есть во второй половине сентября 1918 г., вошла в состав 1-го татаро-башкирского батальона⁴. В другой своей публикации тот же автор указывал, что 26 сентября 1918 г. на совещании турецких социалистов в Казани было «принято предложение о расширении названной роты до батальона»⁵. Из работ иных исследователей можно узнать, что в формировании роты большую роль сыграли Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК) и лично Мустафа Субхи — один из основателей и первый руководитель Коммунистической партии Турции (КПТ)⁶.

К сожалению, ни один из приведенных фактов авторы не подкрепили ссылками на документы. Это не позволяет сегодня назвать ни орган, принявший решение о формировании роты, ни дату ее образования; совершенно неясен состав части; остаются без ответа вопросы о том, где, когда и по чьему приказу она была расформирована, ибо после сентября 1918 г. о существовании роты ни в одном из источников больше не упоминается.

Заметим также, что сам факт создания этой части в Москве в июне 1918 г. вызывает серьезные сомнения, поскольку речь тогда приходится вести о грубом нарушении советской стороной Брестского мирного договора, совершаемом буквально «на глазах» и Оттоманской дипломатической миссии в РСФСР, и Германской комиссии по делам пленных, принявшей на себе «по взаимному соглашению русского, германского, турецкого и болгарского правительств, заботу о германских, турецких и болгарских пленных в России», и Смешанной русско-германской (репатриационной) комиссии, в работе которой участвовала и турецкая делегация, возглавляемая энергичным генералом Ремзи-пашой, никогда не упускавшим случая высказать советской стороне претензии по поводу низких темпов возвращения на родину его соотечественников⁷.

Впрочем, полагаем, что «тайну» данной части еще в 1967 г. фактически раскрыл известный историк-востоковед М.А. Персиц. Отметив, что в 1918 г. «под Казанью героически сражался коммунистический отряд из турецких интернационалистов», этот автор назвал и источник своей осведомленности — выявленные им в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁸ письма В.И. Ленину и Я.М. Свердлову одного из ответственных работников Комиссариата по делам мусульман Наркомнаца РСФСР Ш.Н. Ибрагимова, датированные 23 августа 1918 года. В этих документах руководителям государства сообщалось, что «партия турецких коммунистов уже доказала на деле свою приверженность коммунистическим идеалам, организовав партизанский отряд, успешно сражающийся в рядах советских войск под Казанью»⁹.

Ссылка на «партизанский отряд» многое ставит на свои места. Восстание Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. и возвращение основных его сил из Сибири к Волге и Уралу в целях создания нового антигерманского фронта сопровождалось, наряду с прочим, расправами военнослужащих корпуса над пленными стран Тройственного союза. Явление это настолько выходило за рамки эксцессов, что вызвало обеспокоенность правительств Германии, Австро-Венгрии и Турции. Более того, оно встревожило руководство Международного Комитета Красного Креста, которое еще в начале июня обратило внимание Центральной коллегии по управлению делами Российского Общества Красного Креста на то, что «вследствие возникновения военных действий на чехословацком фронте, а также на территории Западной Сибири, положение находящихся в этих районах военнопленных, подлежащих эвакуации, лишенных в настоящее время покровительства общегосударственной власти и международных законов, стало в высшей степени тяжелым и неопределенным»¹⁰.

В этих условиях часть пленных стран Тройственного союза предпочла при приближении чехословаков покинуть места своего расквартирования и скрываться в ближайших лесах, организуя там стихийные «партизанские» отряды. Полагаем, что один из таких отрядов и вошел в историю как рассматриваемая здесь «турецкая рота».

Иными словами, речь идет о воинской части хотя и реально существовавшей, но временной, нестойкой и «страшно далекой» от принципов пролетарского интернационализма, что подтверждается ее внезапным исчезновением уже в сентябре 1918 г., то есть после того, как положение личного состава «роты» стало менее тяжелым и более определенным.

2. Турецкий коммунистический отряд (по другим данным — «Восточный интернациональный отряд» и даже «Интернациональный восточный полк»), входивший в состав вооруженных сил

Крымской Советской Социалистической республики (КССР) в мае-июне 1919 года. К сожалению, об этой части известно едва ли не меньше, чем о предыдущей. М.Х. Султан Галлиев в свое время писал о том, что отряд был укомплектован «красными татарами и турецкими рабочими»¹¹. По мнению В.А. Воднева, «ядро» части «составляли турецкие военнопленные»¹². И.Ф. Черников утверждал, что обнаружил в бывшем Партийном архиве Крымского обкома Компартии Украины¹³ «интересные данные» о деятельности М. Субхи в Крыму в апреле 1919 г. «по формированию из бывших турецких военнопленных боевого отряда Красной армии»¹⁴. Правда, чем же эти данные так интересны, Черников, увы, не сообщил, что заставляет задуматься над позицией Персица, который предпочел лишь вскользь коснуться этого формирования¹⁵.

В целом же сегодня можно определенно говорить лишь о том, что в указанный период Субхи и ряд его соратников действительно находились в Крыму и, по крайней мере, пытались сформировать добровольческий интернациональный отряд, используя для этой цели две доступные им категории турецких подданных: собственно этнических турок и крымских татар.

Что касается первых, то здесь необходимо пояснить, что отсутствие в эти годы прямого сообщения между Советской Россией и Турцией, низкое влияние Стамбула на международной арене, финансовая немощь Османского Красного Полумесяца и ряд иных неблагоприятных факторов вплоть до 1921 г. существенно затрудняли репатриацию из России турецких военнопленных. В большинстве случаев последние направлялись на родину через Петроград, Оршу, а также черноморские порты — Одессу, Батуми, Поти и Севастополь. Причем порой турки репатриировались не вполне традиционным порядком. К примеру, в январе 1919 г. уполномоченным Османского Красного Полумесяца была вывезена из Уфы в Крым через Москву и Киев группа военнопленных в составе 145 чел., следующих, как видно из документов, «за свой счет до Симферополя для дальнейшей эвакуации на родину»¹⁶.

В свете изложенного трудно всерьез говорить о том, что турки проделывали столь долгий путь через охваченную социальным конфликтом страну лишь для того, чтобы выступить с оружием в руках на защиту КССР. Не исключено, конечно, что, ожидая неделями (а то и месяцами) подходящей «оказии» в образе идущего в турецкий порт судна и истратив последние средства, такие пленные могли стать «интернационалистами». Однако мы склонны полагать, что ядро отряда составляли все-таки не они, а те татары — коренные жители Крыма, которые еще в конце XIX в. эмигрировали в Турцию, натурализовались там, но не нашли применения своим силам и вернулись на родину, сохранив за собой турецкое подданство. После вступления Османской Империи в мировую войну 20 октября (2 ноября) 1914 г. эти люди были интернированы во внутренние регионы России, но, начиная с лета 1917 г., начали возвращаться в Крым.

Таким образом, даже если признать рассматриваемый отряд сформированным, считать его подлинно «турецким» можно лишь с известной долей условности.

3. *Турецкую роту (по другим данным — «Особую турецкую роту») Отдельного персидского интернационального отряда (позднее — полка) I Армии Туркестанского фронта.* Хотя в ходе Гражданской войны это подразделение никак не проявило себя и почти не упоминается в исторической литературе, оно, по нашим оценкам, явилось первым реальным турецким формированием в революционной России, причем таким, которое имеет наибольшие основания претендовать на звание «интернационального»¹⁷.

Правовой основой создания роты стал Приказ Реввоенсовета Республики (РВСР) от 26 августа 1919 г. № 1363/268, которым предписывалось «добровольцев: персов, турок, а также других мусульман восточных национальностей, набирать при военных комиссариатах Петрограда, Москвы, Казани, Симбирска и Самары и затем направлять в распоряжение Революционного Военного Совета (РВС) Туркестанского фронта. Набор производит Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б)». Далее приказ требовал от РВС фронта «из направленных вышеуказанными комиссариатами добровольцев формировать отдельные батальоны, которые в дальнейшем и в пределах фронта развертывать в крупные войсковые соединения»¹⁸.

Небезынтересно отметить, что хотя формулировки названного приказа звучат ясно и недвусмысленно, штаб Туркестанского фронта не сразу решился на формирование «отдельных батальонов» из вышеуказанных добровольцев. Лишь 3 апреля 1920 г., под давлением персид-

ских (а возможно и турецких) коммунистов, он запросил РВСР о том, «насколько такие формирования допустимы». Обращает на себя внимание и ответная телеграмма РВСР, достойная того, чтобы быть опубликованной полностью: «Согласно заключению Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП (б) по формированию интернациональных частей Красной армии, формирование из персидских и турецких солдат более роты представляется нецелесообразным, так как политическая благонадежность указанных национальностей Военной комиссии совершенно неизвестна»¹⁹.

Таким образом, помимо того, что РВСР попросту уклонился от прямого ответа; помимо того, что он не подтвердил и не опроверг собственный приказ от 26 августа 1919 г. № 1363/268 (который, к слову, никогда не отменялся и до июля 1920 г. не изменялся); помимо того, что он не считал нужным выяснять точку зрения Центрального бюро (ЦБ) коммунистических организаций народов Востока, которому создание таких формирований прямо вменялось в обязанность, этот орган почему-то заинтересовался мнением Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП (б) по формированию интернациональных частей Красной армии — учреждения, на которое создание воинских частей из представителей зарубежных стран мусульманского Востока никогда не возлагалось и формированием которых оно никогда не занималось.

Тем не менее, рассматриваемый отряд в составе около 300 персов и турок был сформирован уже в апреле 1920 года. Как мы полагаем, принять такое решение, не вполне согласующееся с позицией РВСР, в данном месте и в данное время мог лишь Командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе (хотя прямых доказательств этому нами не выявлено).

Турецкая рота существовала в составе отряда как минимум до сентября 1920 года. Причем небезынтересно отметить, что провозглашение в г. Энзели в июне того же года Гилянкой Республики вызвало тревогу у военнослужащих роты, не желающих сражаться за интересы Ирана, пусть и революционного. В этой связи в сентябре 1920 г. политотдел персидского отряда даже направлял в орган-предшественник ЦК КПТ — Центральное бюро Турецких коммунистических организаций (ЦБ ТКО) письмо, в котором то ли жаловался, то ли выговаривал турецким коммунистам по поводу того, что «в последнее время замечаются побег и дезертирства красноармейцев турков»²⁰.

4. *1-й стрелковый полк турецкой Красной армии (по другим данным — «1-й стрелковый турецкий полк», «Турецкий стрелковый красный полк»)*. Хотя речь идет о самой крупной (до 800 чел.) и наиболее боеспособной турецкой воинской части, сформированной в рассматриваемый период на территории, подконтрольной советской власти, даже во времена особенно активных исследований движения иностранных интернационалистов в нашей стране, то есть в 60-е — 70-е гг. XX в., «красный турецкий полк» удостоился лишь фрагментарного упоминания в работах Ю.А. Багирова, А.Б. Кадишева, И.А. Таиряна и немногих других авторов²¹.

В этой связи отметим, в первую очередь, что инициатива создания данной воинской части всецело принадлежала турецким коммунистам, особенно активно развернувшим свою деятельность в Баку сразу же после установления советской власти в Азербайджане (28 апреля 1920 г.). Не позднее 20 июня 1920 г. названная инициатива была поддержана РВСР, признавшим необходимым формирование «специальных турецких частей на случай возможной помощи революционному движению в соседних мусульманских странах» и возложившим эту обязанность на Ревком Азербайджана и РВС Кавказского фронта²².

Полагаем, что данному решению способствовали как переориентация к весне 1920 г. вектора «мировой революции» с Запада на Восток, так и стремительное военно-политическое сближение летом того же года Советской России с правительством Великого Национального собрания Турции (ВНСТ), возглавляемым Мустафой Кемалем (Ататюрком). Правда, последнее довольно долго взирало на полк откровенно настороженно, и еще 7 сентября, незадолго до отправки этой воинской части в Турцию, представитель ВНСТ заявлял, что его страна «в людском составе не нуждается». Впрочем, спустя две недели эта позиция была изменена на прямо противоположную²³.

Характерно, что основную работу по комплектованию полка личным составом взяло на себя ЦБ ТКО, поддержанное командованием XI Красной армии Кавказского фронта. Энергия, проявленная летом 1920 г. немногочисленными турецкими коммунистами и социалистами, поистине

впечатляет. В поисках добровольцев из числа еще остающихся в России бывших военнопленных и интернированных соотечественников, ЦБ ТКО командировало своих людей в Поволжье, Центральные регионы страны, на Северный Кавказ и даже на Урал. Основные и наиболее успешно функционировавшие так называемые «агитационно-вербовочные бюро (пункты)» были развернуты в Астрахани, Екатеринодаре (ныне Краснодар), Майкопе, Нальчике, Ростове-на-Дону, Ставрополе и на х. Романовский (ныне г. Кропоткин Краснодарского края).

Численность полка росла столь быстро, что Субхи уже к концу июля поставил перед собой еще более амбициозные цели. 3 августа 1920 г. он обратился в президиум Съезда трудовых горцев Кубанской области и Черноморского округа с просьбой «поддержать и ускорить формирование черкесских конных полков и передачу их в Баку в красную турецкую дивизию», так как «страницы прошлого полны указаний на то, что черкесы всегда близко к сердцу принимали интересы братского турецкого народа»²⁴. Поскольку на данную просьбу съезд никак не отреагировал, ЦБ ТКО поставило вопрос об укомплектовании дивизии путем мобилизации турецких подданных, проживающих на территории Азербайджана. Однако эта идея не нашла поддержки уже у органов советской власти.

К середине октября 1920 г. формирование полка было, в основе своей, завершено. Его личный состав получил неплохую политическую подготовку, а доля коммунистов в нем приближалась к 7 %. Вопреки распространенному сегодня мнению о материальной заинтересованности иностранцев, поступавших на службу в Красную армию, денежное содержание военнослужащих полка трудно назвать высоким. Жалованье всех офицеров (вне зависимости от занимаемой должности) составляло 7,5 тыс. руб., а рядовых — 3,5 тыс. руб. в месяц. При этом в Баку в этот период сотня папирос стоила 1 600 руб., услуги носильщика на вокзале оценивались в 50 руб., а поездка на извозчике обходилась в среднем в 500 рублей²⁵.

К отличительным чертам этой части следует отнести: комплектование исключительно на добровольной основе, этноконфессиональное единство личного состава и, что самое главное, общую и конкретную для всех цель — вернуться на родину (вне зависимости от действительных политических убеждений и дальнейших планов отдельных лиц).

Последнее обстоятельство во многом объясняет тот успех, который сопутствовал формированию полка и, одновременно, уже само по себе дает основания поставить под сомнение его революционный и интернациональный характер. В этой связи не можем не заметить, что в свое время А.Н. Хейфец вольно или невольно выразился совершенно справедливо, как по форме, так и по существу, когда написал, что «после советского переворота (то есть после 28 апреля 1920 г. — В.Л.) в Баку начали съезжаться турецкие военнопленные для возвращения при первой возможности на родину. Они создали добровольческий полк»²⁶. То есть не «интернациональный», но лишь «добровольческий». В пользу сказанного говорит и письмо командира полка от 20 сентября 1920 г., в котором тот сообщал Субхи, что 96 турок, накануне прибывших в качестве пополнения из Астрахани, отказываются от зачисления в полк, мотивируя это тем, что они направлялись в Баку для своей последующей репатриации, а не для продолжения службы²⁷.

Однако, как бы то ни было, в середине октября 1920 г. полк был направлен из Баку через Агdam, Шушу, Горис и Ангелаут в Нахичевань на соединение с частями турецкой Восточной армии. В ноябре, при попытке пробиться через территорию Армении, полк потерял свыше 450 чел. убитыми, ранеными и пленными, после чего был отведен в Баку и находился здесь до конца 1921 г., когда Анкара потребовала его возвращения на родину.

Помимо частей и подразделений названных выше, в отечественной исторической литературе можно встретить упоминания и о других «красных турецких формированиях». Однако информация эта не всегда выглядит достоверной. Так, Л.И. Жаров и В.М. Устинов в свое время сообщали, что «в состав интернационального батальона, участвовавшего в обороне Астрахани в 1918—1919 гг., входила турецкая рота». Никаких подтверждений данному факту в документах российских архивохранилищ и в опубликованных материалах нам обнаружить не удалось. Сами Жаров и Устинов подкрепляли свое утверждение ссылкой на «Известия ВЦИК» от 7 декабря 1918 года²⁸. Однако нетрудно убедиться в том, что в указанный день «Известия» ни о чем подобном не сообщали. В номере от 7 декабря 1918 г. упоминается лишь о митинге, прошед-

шем 5 декабря в Доме Союзов, на котором выступил, в частности, Субхи. Однако говорил он о пролетарском движении на своей родине, но вовсе не об обороне Астрахани²⁹.

В отличие от названных авторов, З.И. Ибрагимов и Т.М. Исламов сделали ставку не на газетную статью, а на куда более серьезные источники — документы бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Азербайджанской ССР (ЦГАОР Азерб. ССР)³⁰. Это позволило им «выявить», по крайней мере, четыре турецких воинских формирования, существовавших в Закавказье в 1920 г., а именно:

1) специальный коммунистический отряд в составе 2-го полка XI Красной Армии (без указания бригады или дивизии);

2) турецкий стрелковый полк, насчитывавший свыше 700 бойцов;

3) отряд турецких интернационалистов под командованием М. Эмина;

4) турецкий стрелковый полк в составе 28 дивизии Красной армии³¹.

При этом Ибрагимов и Исламов то ли не заметили, то ли не пожелали замечать того, что во всех четырех случаях они говорят... об одной и той же воинской части: все о том же 1-м стрелковом полку турецкой Красной армии, который:

а) на начальной стадии своего формирования (июнь-июль 1920 г.) именовался «отрядом» и входил в состав 2-го *запасного* полка XI Армии;

б) насчитывал в своем максимальном составе (на середину октября 1920 г.) свыше 700 человек;

в) состоял под командованием Мамеда Эмина;

г) 9 ноября 1920 г. поступил в оперативное подчинение 28-й стрелковой дивизии советской Красной армии.

Более того, Ибрагимов и Исламов вообще нигде прямо не упомянули о 1-м стрелковом полку, но указали, опять же со ссылкой на ЦГАОР Азерб. ССР, что в сентябре 1920 г. в Азербайджане было начато формирование 2-го турецкого стрелкового полка³². И хотя создание такой воинской части лишь предполагалось, но в действительности так никогда и не было начато, мысль о ней, похоже, некритически заимствовал Ц.П. Агаян. Причем, в одной своей работе означенный автор подтвердил (без каких-либо ссылок), что 2-й полк действительно «формировался»³³. В другой — пошел гораздо дальше, написав (опять же без ссылок), что в сентябре 1920 г. 2-й турецкий стрелковый полк «сформировался»³⁴.

Что касается зарубежной историографии, то известные нам работы практически ничего не добавляют к сказанному. К примеру, такие турецкие историки, как Я. Аслан, Х. Динамо, Я. Кючюк, М. Тунчай, упоминают в своих исследованиях только названный выше 1-й стрелковый полк турецкой Красной армии³⁵. Некоторое исключение представляет собой разве что монография их соотечественника А. Сайлгана, который хотя и крайне лаконично, но касается участия турок в борьбе с белочехами под Казанью в 1918 году³⁶.

Ничем не лучше выглядит западноевропейская и американская историография. Например, Ю. Яныкдаг (США) называет лишь тот же 1-й стрелковый полк, причем, повышая его уровень до «бригады» и увеличивая численность до 1 000 чел., тогда как в действительности списочный состав этой части не достигал и 800 человек³⁷. В свою очередь Г.Л. Робертс (США) допускает (но не более, чем «допускает»), что еще в апреле 1920 г. «несколько небольших подразделений турецкой Красной армии, сформированных из членов турецкой компартии, действительно могли участвовать во вторжении в Азербайджан»³⁸.

Обобщая изложенное, считаем возможным утверждать, что в 1918—1920 гг. в структуре Красной армии насчитывалось до четырех интернациональных (или квазиинтернациональных) турецких формирований, в которых, по нашим оценкам, могло проходить службу не более 1000—1200 человек. Принимая во внимание тот факт, что за годы Гражданской войны в Советской России было создано свыше 500 различных интернациональных отрядов, рот, батальонов, легионов, полков, бригад и даже дивизий, общая численность которых определяется в пределах от 200 до 300 тыс. человек, надо признать, что доля турок в этой массе выглядит совершенно ничтожной.

И хотя еще в марте 1919 г., выступая на 1-м конгрессе Коминтерна, Субхи заявлял о том, что «в настоящее время на различных фронтах России принимают деятельное участие тысячи

турецких красноармейцев, борющихся для защиты Советской власти»³⁹, мы склонны согласиться скорее с британскими историками Е.Х. Карром и Р.В. Дэвисом, назвавшими ссылку Субхи на «тысячи» «безусловно значительным преувеличением»⁴⁰.

Сказанное выше вплотную подводит нас к вопросу о причинах, детерминировавших столь скромное место и роль турок в интернациональных формированиях Красной армии. Рассматривая их, нельзя не обратить первоочередного внимания на относительно незначительное общее количество турецких военнопленных. Среди примерно 2 млн 342 тыс. военнослужащих Центральных держав, плененных Россией в 1914—1917 гг., османы составили лишь 64,5 тыс. чел., то есть не более 2,8 %⁴¹. Вместе с тем, мы не видим оснований и для абсолютизации данного факта, ибо в рассматриваемых хронологических рамках численность турок в России была вполне сопоставима с числом итальянцев, китайцев, румын и представителей ряда иных национальностей, куда более широко вовлеченных в интернациональное движение.

Более убедительной (во всяком случае, на первый взгляд) выглядит ссылка на низкую популярность среди турок идей социального переустройства общества. Данное обстоятельство предопределялось: слабым развитием в предвоенной Турции политических течений левого толка; малограмотностью основной массы пленных; практическим отсутствием в Оттоманской армии сословных перегородок между офицерами и нижними чинами; «языковым барьером», затрудняющим ведение среди османских пленников социалистической агитации и иными подобными факторами. В то же время у нас нет оснований и не соглашаться с Персицем в том, что к 1918 г. «большинство турецких военнопленных несли в себе большой заряд недовольства прогнившим султанским режимом»⁴², ибо этот тезис имеет слишком много подтверждений.

В какой-то степени все происходящее можно объяснить фатализмом и индифферентностью османов, уходящими корнями в их национальный характер. Однако помимо того, что речь идет о явлениях исключительно второстепенных, размах национально-освободительного движения в самой Турции в тех же 1918—1920 гг. никак не свидетельствует в пользу ни турецкого фатализма, ни турецкой индифферентности.

В этой связи мы приходим к выводу, что основные причины рассматриваемого явления лежали в совершенно иной плоскости и включали в себя следующее:

I. Органы Советской власти и РКП (б) длительное время предпочитали не замечать ни турецких политиков левого толка, ни попыток создания ими своих красных отрядов.

Между тем, мысль о турецких формированиях впервые прозвучала еще 22 июля 1918 г. на Конференции делегатов социалистических организаций военнопленных и рабочих турок, открывшейся в Москве в помещении Комиссариата по делам мусульман Наркомнаца РСФСР. В своем Послании Совнаркому Конференция ясно заявила о том, что «ставит себе задачей организацию молодых сил мусульманского пролетариата для жестокой и непримиримой классовой борьбы до конца, с оружием в руках, с международной буржуазией, во имя жизни и торжества социалистического интернационала»⁴³. Свое дальнейшее развитие и конкретизацию этот вопрос получил на Первом Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, проходившем в Москве в период с 4 по 12 ноября 1918 года. В резолюции Съезд высказался о необходимости «принять спешные меры к сконцентрированию турецких военнопленных — рабочих и крестьян в целях создания из них Красной армии и направлении их на Южный фронт»⁴⁴. И хотя ЦК РКП (б) уже в декабре 1918 г. утвердил решения съезда, вплоть до появления названного выше Приказа РВСР от 26 августа 1919 г. № 1363/268, то есть на протяжении 8 месяцев, никаких мер, тем более «спешных», «к сконцентрированию турецких военнопленных» принято не было.

Добавим к сказанному, что ни один из четырех представителей организаций турецких военнопленных, участвовавших в работе съезда, в том числе и Мустафа Субхи, не вошел в члены ЦБ коммунистических организаций народов Востока, а И.В. Сталин, выступивший на съезде по поручению ЦК РКП (б), говорил в своей речи об Афганистане, Индии, Китае, Персии и даже Японии, но ни словом не обмолвился о Турции.

Достаточно характерным нам представляется и тот факт, что в работе I Конгресса Коминтерна в марте 1919 г. Субхи, хотя и участвовал как член секции ЦБ восточных народов, но лишь с совещательным голосом. В 1933 г. при подготовке к изданию материалов Конгресса выясни-

лось, что речь лидера турецких коммунистов «Этого можно ждать от Турции, от Востока» в протоколах вообще отсутствует. Ее пришлось восстанавливать по тексту, опубликованному в свое время в Известиях ВЦИК, где она, кстати, размещена самой последней, после выступлений представителей не только Германии, Австро-Венгрии и Франции, но и Сербии, Армении, Болгарии, Персии и Китая⁴⁵.

II. Структура органов управления Советским государством и РКП (б) длительное время оставалась не приспособленной к созданию воинских формирований именно из турок.

Образованная еще в июне 1918 г. Военная комиссия при Федерации иностранных групп РКП (б) по формированию интернациональных частей Красной армии сыграла в создании последних поистине ключевую роль. Однако представители стран мусульманского Востока, как уже говорилось ранее, остались за рамками компетенции и Комиссии, и самой Федерации иностранных групп.

ЦБ коммунистических организаций народов Востока вплоть до начала 1920 г. раздирали серьезные внутренние противоречия. К тому же, основным объектом деятельности этого органа выступало мусульманское население бывшей Российской Империи. Даже авторы увидевшей свет в 1987 г. энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» должны были признать, что работа Отдела международной пропаганды ЦБ коммунистических организаций народов Востока «из-за нехватки сил и средств широкого развития не получила»⁴⁶.

Примерно то же можно сказать и о ЦМВК при Наркомвоене. К работе с турками здесь приступили лишь в мае 1919 г., когда в этом органе был создан Регистрационно-вербовочный отдел, первыми задачами которого, наряду с множеством других, являлись две: «вербовка добровольцев (татар); вербовка пленных турок, персов (народностей Востока)».

Впрочем, говорить о том, что «к работе с турками здесь приступили», будет некоторым преувеличением. При изучении Сведений о деятельности регистрационно-вербовочного отдела ЦМВК с 1 мая 1919 г. по 1 февраля 1920 г., то есть за девять наиболее критических месяцев Гражданской войны, в разделе «Турки и другие национальности народов Востока» нам удалось обнаружить лишь одну запись, свидетельствующую о том, что в Уфимской губернии было завербовано 103 человека (без указания числа именно турок), снабженную примечанием: «Добровольцы-турки влиты в Туземный батальон при 2-й отдельной приволжско-татарской бригаде»⁴⁷.

III. На протяжении всей Гражданской войны советское руководство лишь эпизодически пыталось реализовать идею создания интернациональных формирований из турок. Причем этим попыткам были присущи непоследовательность, противоречивость и стремление избежать какого-либо взаимодействия с турецкими политическими силами, в том числе и левого толка.

Хорошей иллюстрацией тому может служить уже рассмотренный нами процесс реализации Приказа РВСР от 26 августа 1919 г. № 1363/268. Нелишним будет добавить к сказанному, что этот Приказ, предусматривавший создание турецких формирований в Туркестане, был издан почему-то именно тогда, когда Субхи вместе с наиболее активной частью своих сторонников находился на Украине и был фактически отрезан от Центра.

Однако наиболее ярким доказательством приведенного выше тезиса мы считаем тот факт, что, поддержав в июне 1920 г. инициативу ЦБ ТКО о формировании в Азербайджане турецких частей, РВСР уже 16 июля 1920 г. издал совершенно противоположный по смыслу Приказ № 1342/226 следующего содержания:

1. Всех добровольцев персов, турок и других мусульман восточных национальностей, набранных при военных комиссариатах Москвы, Петрограда, Казани, Самары и Симбирска немедленно направлять в гор. Самару в распоряжение Заволжского военного округа.

2. В дальнейшем продолжать производить набор добровольцев при военных комиссариатах Москвы, Петрограда, Казани, Симбирска, Саратова, Уфы, Омска, Иркутска, Ростова и других городов, в районе коих окажутся персы, турки и другие, и затем направлять их в гор. Самару в распоряжение Заволжского военного округа.

3. Всех персов, турок и других мусульман восточных национальностей, находящихся во всех частях Республики, за исключением действующих на фронтах и в Туркестане, направлять также в гор. Самару отдельными командами.

4. РВС Заволжского округа направляемых вышеуказанными комиссариатами и воинскими частями персов, турок и других вливать в формирующиеся батальоны.

Далее Приказ гласил, что в административно-хозяйственном отношении эти батальоны подчиняются Штабу Заволжского военного округа (ЗавВО). Ответственность за их формирование и снабжение возлагалась на Командующего войсками ЗавВО, а ЦМВК поручалось содействие их укомплектованию⁴⁸.

Уже в августе 1920 г. в округе была развернута масштабная работа по выполнению данного Приказа. Однако в последующие месяцы ни военкоматы, ни ЦМВК так и не смогли направить в Самару ни одного добровольца, а из воинских частей прибыло... лишь 2 красноармейца, которые, судя по их именам, вряд ли принадлежали к этническим туркам (Ахмед Чумбаев и Насарат Курманов)⁴⁹. Таким образом, попытка РВСР создать, независимо от Субхи, «собственную» турецкую Красную армию окончилась полным провалом, особенно бросающимся в глаза на фоне успехов ЦБ ТКО в Баку.

Резюмируя изложенное, считаем возможным выделить в работе по созданию турецких воинских частей и подразделений, проводимой в Советской России в 1918—1920 гг., три следующих этапа:

Первый охватывает период примерно с июня 1918 г. по август 1919 г., когда турецкие формирования создавались либо стихийно, либо усилиями исключительно турецких политиков прокоммунистической ориентации. Органы Советской власти и РКП (б) видимого участия в данном процессе не принимали.

Второй этап простирается с августа 1919 г. по июнь 1920 года. В этот период формирования из турок создавались руководством Советской России, которое действовало хотя и без опоры на турецких политиков левого толка, но при некотором вмешательстве с их стороны.

К третьему этапу мы относим период с июня по октябрь 1920 г., когда формирования создавались органами Советской власти действующими, в одном случае, в тесном взаимодействии с турецкими коммунистами, в другом — совершенно независимо от последних.

Наибольший успех в этой работе был достигнут на заключительном этапе, во многом благодаря инициативной роли ЦБ ТКО. Однако успех этот носил кратковременный и запоздалый характер, так как к середине 1920 г. основная и самая активная часть военнопленных османов уже покинула пределы России.

Примечания

1. См., например: АВЕРЬЯНОВ П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Тифлис. 1900; БЕЛОВА Е.В. Православные народы Австрийской и Османской империй в Прутском походе 1711 г. — Вопросы истории. 2009, № 10, с. 149—152; КРБЕКЯН В.Г. Участие армян в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Ереван. 2004; РУСЕЕВ Е.М. Борьба молдавского народа против османского ига. Кишинев. 1968; СЕМЁНОВА И.В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. — Балканский исторический сборник. Кишинев. 1970, с. 319—351.
2. Имеются в виду: русско-турецкие войны 1676—1681, 1686—1699, 1710—1713, 1735—1739, 1768—1774, 1787—1791, 1806—1812, 1828—1829, 1877—1878, а также Крымская война 1853—1856 и первая мировая война 1914—1918 годов.
3. См., например: Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. М. 1961; КЛАДТ А.П., КОНДРАТЬЕВ В.А. Братья по оружию. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в России. 1917—1922. М. 1960; МАНУСЕВИЧ А.Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917 г. М. 1965; ОЧАК И.Д. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1914—1921). М. 1966; СУСЛОВ И.Н. Немецкие интернационалисты в Сибири. Революция 1917 г. в России: история, культура, современность, поиски путей примирения и согласия; материалы регион. науч. конф. ОмГУ. Омск. 1997, с. 81—84.
4. СУБАЕВ Н. Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917—1920 гг.). Интернационалисты в боях за власть Советов. М. 1965, с. 346—347.
5. ЕГО ЖЕ. Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории. — Эхо веков (Гасырлар Авазы). 1999, № 1/2, с. 281.
6. Гражданская война в Поволжье. Казань. 1974, с. 252.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-3333, оп. 3, д. 541, л. 54, 75; оп. 8, д. 25, л. 13, 14, 16, 47, 49, 178.
8. В настоящее время — «Российский государственный архив социально-политической истории».
9. ПЕРСИЦ М.А. Турецкие интернационалисты в России. — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1967, № 5, с. 65.
10. ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 8, д. 6, л. 178; ф. 3341, оп. 1, д. 42, л. 5.
11. МИРСАИД СУЛТАН ГАЛИЕВ. Избранные труды. Казань. 1998, с. 337.
12. ВОДНЕВ В.А. Замечательный сын турецкого народа. — Вопросы истории КПСС. 1983, № 2, с. 114.
13. В настоящее время документы названного архива хранятся в «Государственном архиве в Автономной Республике Крым».
14. ЧЕРНИКОВ И.Ф. О некоторых материалах по истории советско-турецких отношений. Турция. История, экономика, политика. М. 1984, с. 124.
15. ПЕРСИЦ М.А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 — июль 1920). Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. Сб. статей. М. 1969, с. 87.
16. ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 3, д. 330, л. 1—2.
17. Об этой роте кратко говорится в работах: ЖАРОВ Л.И., УСТИНОВ В.М. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М. 1960, с. 103—104; СОЛОГУБОВ И.С. Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918—1921 гг.). Ташкент. 1961, с. 154 и некоторых других.
18. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 25872, оп. 1, д. 1366, л. 4.
19. Там же, д. 1365, л. 1, 4.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 181, д. 23, л. 32.
21. БАГИРОВ Ю.А. Из истории советско-турецких отношений, 1920—1922 гг. (по материалам Азерб. ССР). Баку. 1966, с. 24; КАДИШЕВ А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М. 1960, с. 336—343; ТАИРЯН И.А. XI Красная армия в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Армении. Ереван. 1971, с. 122—138.
22. РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 15; ф. 195, оп. 10, д. 1, л. 1—2; оп. 11, д. 23, л. 10.
23. РГАСПИ, ф. 85, оп. «С» (Турция), д. 68, л. 2; ф. 495, оп. 181, д. 23, л. 30.
24. Там же, ф. 495, оп. 181, д. 10, л. 178.
25. Там же, д. 13, л. 75; д. 18, л. 38.
26. ХЕЙФЕЦ А.Н. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на угнетенные народы Востока. Великий Октябрь и народы Востока. Сборник. М. 1957, с. 56.
27. РГАСПИ, ф. 495, оп. 181, д. 99, л. 5.
28. ЖАРОВ Л.И., УСТИНОВ В.М. Ук. соч., с. 103.
29. Известия ВЦИК. 7.XII.1918, с. 2.
30. В настоящее время — «Государственный архив Азербайджанской Республики».
31. ИБРАГИМОВ З.И., ИСЛАМОВ Т.М. Интернационалисты в борьбе за власть Советов в Закавказье. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. Сб. статей. М. 1971, с. 224—225.
32. Там же, с. 224.
33. АГАЯН Ц.П. В.И. Ленин и создание Закавказских советских республик. Ереван. 1976, с. 196.
34. ЕГО ЖЕ. Вековая дружба народов Закавказья. Ч. 2. Ереван. 1972, с. 24.
35. ASLAN Y. Türkiye Komünist Fırkası'nın kuruluşu ve Mustafa Suphi: Türkiye komünistlerinin Rusya'da teşkilatlanması, 1918—1921. Ankara. 1997, s. 123; DINAMO H.İ. Kutsal isyan: Milli Kurtuluş Savaşı'nın gerçek hikayesi. 5 Kitap. İstanbul. 1986, s. 352, 372; KÜÇÜK Y. Sırlar. İstanbul. 2004, s. 144; TUNÇAY M. Türkiye' de sol akımlar, 1908—1925. İkinci basım. Ankara. 1967, s. 107.
36. SAYILGAN A. Solun 94 yılı (1871—1965). Başlangıçtan günümüze. Türkiyede sosyalist-komünist hareketler. Ankara. 1968, s. 95, 96.
37. YANIKDAĞ Y. Ottoman Prisoners of War in Russia, 1914—22. — Journal of Contemporary History. 1999, № 1, p. 80—81.
38. ROBERTS G.L. Commissar and Mullah: Soviet-Muslim Policy from 1917 to 1924. Boca Raton. 2007, p. 90.
39. Цит. по: Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М. 1933, с. 245—246.
40. CARR E.H., DAVIES R.W. A History of Soviet Russia: The Bolshevik revolution, 1917—1923. V. 3. L. 1964, p. 74.
41. Приведено по данным: ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 6, д. 25, л. 7; Россия в мировой войне 1914—1915 года (в цифрах). М. 1925, с. 41; RACHAMIMOV A. POWs and the Great War: captivity on the Eastern front. N.Y. 2002, p. 39.
42. ПЕРСИЦ М.А. Турецкие интернационалисты в России..., с. 59.

43. ГАРФ, ф. Р-1318, оп. 17, д. 20, л. 2.
 44. Жизнь национальностей. 17.XI.1918, с. 6; 24.XI, с. 2.
 45. Известия ВЦИК. 6.III.1919, с. 4.
 46. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М. 1987, с. 648.
 47. РГВА, ф. 17, оп. 1, д. 93, л. 10, 12, 19.
 48. Там же, ф. 11, оп. 15, д. 24, л. 18.
 49. Там же, ф. 25872, оп. 1, д. 1366, л. 5—9, 35—37, 39—40.

С.О. ШАЛЯПИН. Церковно-пенитенциарная система в России XV—XVIII веков. Архангельск. ИПЦ САФА. 2013. 240 с.

Если говорить о научной проблематике историко-правовых исследований в России, то можно выделить три основных группы тем исследований: хорошо изученные, мало изученные и практически не изученные. Именно к третьей группе относится рецензируемая монография.

Взаимоотношения между государством и церковью являются сторонами единой научной проблемы и «давно привлекают правоведов, историков, религиоведов, философов, являясь объектом глубокого изучения и оживленных научных дискуссий» (с. 9).

Еще известный правовед и философ И. Бентам выделял религиозную санкцию наряду с физической и нравственной, подчеркивая, что она представляет собой наказание, направленное на неблаговидное поведение, нарушающее Божьи принципы¹. В русских источниках, начиная уже с XIV в., наряду с физической санкцией говорится о правилах поведения христианина, и нередко в светском законодательстве, помимо официальной государственной санкции дополнительно устанавливается религиозное наказание. По мнению видного русского правоведа В.В. Есипова, «различие между греховным и преступным деянием проецируется на их искупление, покаяние и наказание», между которыми он видел резкое различие².

В советские времена, в силу господствовавшей идеологии социалистического государства, старались особо не упоминать о том, что возникновение права шло бок о бок с христианскими принципами, закрепленными в светском законодательстве. Изменившиеся политические условия развития государства позволяют говорить об этом, как об устоявшемся факте.

Можно согласиться с мнением автора монографии, который, в частности, отмечает: «К огромному сожалению, взаимосвязь и взаимовлияние религиозной догматики и символики и догмы и символов права до настоя-

щего времени не являются очевидными для значительной части правоведов» (с. 10). Как доказательство можно отметить, что до сих пор в историко-юридических исследованиях не существует единого мнения в отношении характера наказания, отбываемого в монастыре. Некоторые ученые считают его дополнительным к государственному, некоторые пытаются квалифицировать заключение в монастырь как вид ссылки (В.Д. Жижин, Ф.Г. Сафронов) или даже как разновидность тюремного заключения в системе пенитенциарных наказаний вообще (М.Н. Гернет, В.А. Рогов, М.Г. Детков).

Автор отмечает, что это самостоятельный вид заключения и предлагает применять «ко всем разновидностям принудительно помещения в монастырь, производимым по воле светских или церковных властей», термин «монастырская ссылка» или «монастырская пенитенциарная практика» (с. 15).

С.О. Шаляпин устанавливает точные хронологические рамки действия этого самостоятельного наказания, отмечая, что «во второй половине XVIII столетия монастырская ссылка как самостоятельное явление отмирает, полностью уступая место классическим формам светских наказаний (тюремное заключение, ссылка, каторга и пр.), что явилось следствием процесса поглощения светской властью публично-правовых функций церкви» (с. 15). Автор приходит к выводу, что «монастырская ссылка это совершенно особое сложносоставное явление церковно-правовой жизни русского общества» (с. 16).

С точки зрения структуры исследования, монография выстроена достаточно логично. Глава первая посвящена источникам и историографии церковно-пенитенциарной системы, классификации стоящих проблем. Во второй главе рассматриваются правовые и канонические основания средневековой церковно-

пенитенциарной доктрины. Третья глава посвящена причинам возникновения монастырской пенитенциарной системы XV—XVIII вв. и регулированию ее в русском законодательстве рассматриваемого периода. Как особенность в IV главе выделяется монастырская пенитенциарная система на русском севере в XVI—XVII веках.

Обращаясь непосредственно к тексту монографии, хотелось бы детально остановиться на основных вопросах данного исследования. Автором справедливо отмечается, что работа по введению в научный оборот материала, «...проливающего свет на эволюцию российского церковного суда и церковных наказаний, сегодня далека от завершения...» (с. 21).

Говоря о легитимности наказания, автор отмечает, что «... в XVII веке монастырская ссылка рассматривалась церковными и светскими властями как повседневное явление, не требующее обоснования законности ее использования ссылками на греховный характер проступка того или иного лица, отсылаемого в монастырь...» (с. 25).

Значительной трудностью при исследовании явилось то, что правовые законодательные акты, регулирующие процесс монастырской ссылки, сохранились практически в единичных экземплярах. Поэтому основную группу источников составили, так называемые нарративные источники, то есть данные летописей, воспоминания свидетелей и очевидцев, литературные и фольклорные памятники. В монографии Шалапина подчеркивается, что вопрос о легитимности этого вида наказания рассматривался в России уже в конце XVI века. В частности автор отмечает: «В известнейших произведениях русского эпистолярного и публицистического наследия XVI—XVII вв. многократно поднимается вопрос о правомерности и каноничности использования монастырей в качестве мест заключения» (с. 31). Широкое использование разнообразных источников дает основание говорить о достаточно полном раскрытии темы данного исследования.

Интересной представляется мысль автора о двух направлениях в изучении монастырской ссылки, сложившихся в историко-правовой области: «Первое... непосредственно связано с бурным развитием историко-правовой науки (в конце XVIII — начале XIX вв. — А. С.), инициируемым реформами, и поисками новых, малоизученных объектов исследования для нее... и конечно, феномен монастырской ссылки

ки не ускользнул от самого пристального их внимания. И, второе — публицистическое направление зародилось на волне общественного интереса к монастырской ссылке, как к отмирающему, но все еще существующему во второй половине XIX века явлению» (с. 35).

Данное исследование считалось бы неполноценным, если бы не были подняты архивные источники. И здесь автором была проделана огромная работа. Исследованы материалы таких архивов, как РГАДА, РГИА, Государственный архив Архангельской области, архивные фонды северных монастырей, сохранность которых, как отмечает сам автор, значительно выше, «нежели архивных коллекций, сформированных иными отечественными обителями...» (с. 18).

Используя такую источниковую базу, проведя анализ законодательства, изучив мемуары, вполне можно делать новые, порой оригинальные выводы о роли этого вида наказания в истории нашей Родины в XV—XVIII веках.

Глава вторая посвящена правовым и каноническим основаниям средневековой церковно-пенитенциарной доктрины. В ней последовательно рассматриваются библейские корни церковно-пенитенциарной системы, а также византийская система, ее практика и влияние на русское общество в рассматриваемый период.

В древних библейских источниках уже в те далекие времена ставили во главу угла не жестокость наказания, а его неизбежность. Говоря об изоляции преступников, отмечалось наличие тюремного заключения, что позволяет сделать вывод, как отмечает автор, что «включение упоминаний о санкциях в текст Библии само по себе являлось в глазах последующих поколений иудеев и христиан достаточным основанием для их применения в юридической практике» (с. 63).

Церковная доктрина, с точки зрения оценки преступного деяния, прежде всего, говорит о покаянии, а не о жестокой каре. Речь идет о «болезни души грешника» и искреннее покаяние гораздо важнее самой жестокой кары, учил Христос. Ибо Бог желает не мучений и смерти грешника, а его исправления и жизни.

Склонение к покаянию предписывалось производить через троекратное обличение преступника (первое — без свидетелей, второе — в присутствии 2—3 свидетелей, третье — от лица церкви) (с. 64). Поэтому логично звучит вывод о том, что «... в понятие “пенитенциарная практика” необходимо вкладывать смысл покаян-

но-исправительных, а не только карательных действий» (с. 67). Здесь же автор подробно рассматривает византийскую церковно-пенитенциарную доктрину и практику ее применения.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет глава третья монографии, поскольку она посвящена формированию отечественной церковно-пенитенциарной системы XV—XVIII веков. В ней с позиций канонического права говорится о возникновении церковно-пенитенциарной практики в Древней Руси. Отмечается, что «российская каноническая практика в первые века распространения христианства лишь осваивала гигантский комплекс норм Номоканона и иных византийских и болгарских юридических сводов» (с. 85).

Как и все древнерусское законодательство в тот период времени, церковно-пенитенциарная практика была пронизана духом меркантилизма. Все сводилось к санкциям в виде штрафов, взимаемых в пользу епископа, а упоминания о заключении в монастыри, как о виде лишения свободы, в древнерусских летописях, отмечает автор, отсутствуют. Лишь Устав Ярослава впервые упоминает «понятие в дом церковный...». И в основном это касалось преступлений против нравственности, совершенных женщинами. В отношении режима пребывания, места его нахождения, срока историко-юридической науке ничего не известно.

В связи с этим, автор делает правильный вывод о том, что «практика вынужденного и насильственного пострижения в монашество приобретает явные репрессивные черты уже в удельную эпоху...» (с. 87).

Таким образом, начало широкого использования этого вида наказания — конец XIV — начало XV в., а складывание монастырской пенитенциарной системы в России — XV—XVII века.

В монографии указывается, что «монастырская ссылка в известных формах предстает именно как смешанная церковно-светская покаянно-наказующая мера. Однако, по мере усиления доминирующего влияния государства на церковные дела, религиозную практику и правовую сторону жизни церкви в XVII и особенно в XVIII веке вопросы регулирования монастырской пенитенциарной практики поглощались государственным правотворчеством...» (с. 131).

Необходимо отметить, что на протяжении XVII—XVIII вв. шло огосударствление церковного наказания в светском законодательстве. Это было связано с тем, что церковная юрис-

дикция, особенно в эпоху абсолютизма, сужается в связи с расширением юрисдикции светского феодального государства. Этим вопросам посвящен параграф третьей главы третьей, который называется «Регулирование церковно-пенитенциарной практики в русском законодательстве в XVII—XVIII вв.». Отмечается, что XVIII столетие — это век секуляризации многих сфер жизни русского общества.

Задача петровской политики абсолютизма заключалась в том, чтобы подчинить все виды деятельности на «пользу российскому государству», и церковь не являлась исключением. Поэтому в работе справедливо отмечено, что с «1701 г. церковно-судебные функции частично, а церковно-пенитенциарная система полностью перешли под контроль государства...» (с. 135).

Усиление зависимости церкви от государства проявилось и в том, что монастырская ссылка уже в начале XVIII в. стала обычным светским тюремным заключением, а церковное покаяние превратилось в дополнительную форму наказания.

Новизна работы особенно наглядно проявляется в главе четвертой «Монастырская пенитенциарная система на русском Севере в конце XVI—XVIII веках». Автором монографии собран уникальный материал в русских церковных обителях на Севере страны, что позволяет делать новые выводы. Во-первых, в параграфе втором «Режим монастырской ссылки XVI—XVII вв.» отмечается, что «проблема исследования режима российской средневековой тюрьмы и ссылки, в том числе и монастырской, остается весьма актуальной ввиду того, что до настоящего времени введен в научный оборот весьма незначительный объем архивных источников, проливающих свет на положение узника...» (с. 187). Во-вторых, автор подвергает сомнению некоторые виды церковно-пенитенциарного наказания, например, «земляные тюрьмы». Шаляпин с достоверностью установил, что «в монастырях Беломорья... под “земляной тюрьмой” определено подразумевалась не яма, а каменный каземат в подклети храма или иного монастырского здания, в котором не был настлан деревянный пол» (с. 219). Автор подчеркивает, что вопрос о режиме монастырской ссылки и устройстве средневековых темниц в русских монастырях давно приобрел в исторической и историко-правовой науке легендар-

ный характер. Как правило, исследователи, используя одну и ту же источниковую базу, репрезентативность которой вызывает определенные сомнения, повторяют неправильные выводы. В-третьих, если в общепринятом смысле и в целом в историко-правовой литературе мы говорим лишь о «монастырской ссылке» как единственно церковно-пенитенциарном наказании, то автор подробно рассматривает это широкое понятие, как институт, и сообщает читателям о других, ранее неизвестных широкому кругу исследователей формах отбытия монастырской ссылки. Например, «подначальство», заключавшееся в принудительном водворении в монастырь с отдачей под духовное руководство надежного лица из числа братии.

Мы практически не располагаем сведениями о режиме содержания монастырских ссылных. А он тоже, как доказывает автор, был разный. Некоторые «сидельцы» содержались в изолированной келье, и при ней была команда караульчиков из постоянных членов обители. Некоторых заковывали в кандалы и регулярно водили на церковные службы и «увещательные беседы монахов с колодниками носили обязательный характер».

Государственное наказание и церковное покаяние — вот две составляющие кары за содеянное преступление, и в этом принципиальное отличие от государственного наказания вообще. Правда, автор справедливо отмечает, что «на протяжении XVII столетия в обиход монастырской пенитенциарной практики все настойчивей проникает термин «тюрьма», используемый чаще всего в актах, исходящих из светских органов власти...» (с. 190). Другими словами, постепенно изоляция в монастырской обители становится аналогом светской тюрьмы.

В конце исследования делается вывод о том, что «режим монастырской ссылки в обителях Архангельского Севера на протяжении XVII в. изменялся в том же направлении, что и пенитенциарная практика Русской Православной Церкви в этот период вообще. Автор делает важный вывод, отмечая, что «на фоне сохранения отличительных черт монастырской пенитенциарности, таких как покаянно-увещательная практика (в форме отдачи “под начал”, обязательного исполнения церковных обрядов и участия в службах), продолжался процесс обмирщения монастырской ссылки через введения в нее откровенно репрессив-

ных составляющих, заимствованных из уголовно-карательной и административной практики государства» (с. 205).

В Заключении дается обстоятельная оценка проведенному научному исследованию, отмечается, что необходимость «всестороннего изучения феномена российской церковно-пенитенциарной системы... обусловлена, как потребностью в пересмотре ряда историографических стереотипов, так и степенью разработанности данной проблемы в различных науках (каноническом и светском правоведении, отечественной истории, религиоведении)...» (с. 236).

На наш взгляд, автор приходит к верному выводу, говоря о том, что монастырскую ссылку нельзя рассматривать в качестве исключительно церковно-покаянной меры или разновидности светской карательной политики, ибо она занимает промежуточное положение между областями государственной и церковной юрисдикции.

Интересным, на наш взгляд, является предложение о введении в научный оборот нового термина — «пенитенциарная деятельность монастырей». Размышляя над соотношением основополагающих понятий «наказание» и «покаяние» в реальной пенитенциарной практике русских монастырей, Шаляпин приходит к выводу о «...существовании феномена подмены второго первым в ходе постепенного расширения практики монастырской ссылки в России» (с. 237).

Можно согласиться, что «двойственная церковно-светская природа явления монастырской ссылки, ставившая в тупик исследователей русского права, не вписывается вполне ни в область государственной карательной практики, ни в область канонического права» (с. 238).

Безусловно, как и всякая научная работа, исследование Шаляпина не может быть абсолютно идеальным. В связи с этим, хотелось бы высказать некоторые замечания, предложения, рекомендации, которые в целом не умаляют высокой ценности исследования.

По нашему мнению, работа бы только выиграла, если бы автор не ограничился исключительно церковно-пенитенциарной системой, а показал бы ее связь с действующим в XV—XVII вв. русским законодательством вообще: Судебником 1550 г., в котором впервые вводится тюремное заключение, Стоглавом 1551 г., Судебником Федора Иоановича 1589 г. и др. Хотя параграф 3 главы третьей посвящен это-

му направлению, но охватывает более поздний период — конец XVII — начало XVIII века.

Интересно было бы развить идею «о том, что монастырская ссылка — это не столько вид церковно-пенитенциарного наказания в XV—XVIII вв., сколько форма политической расправы с оппозицией, поскольку рассматривалась как повседневное явление, не требующее обоснования законности... или ссылками на греховный характер проступка (с. 25).

Необходимо было бы использовать в работе юридические термины, такие, как «состав преступления», «объективное вменение», «правовое регулирование» и т. п.

Вызывает некоторое удивление довольно маленькое Заключение, всего 1,5 страницы (с. 237—238). Думается, что оно должно быть большим по объему. И, наконец, остается только сожалеть, что такой маленький тираж книги, изданной в Архангельске (всего 100 экз.) делает эту работу недоступной для ознакомле-

ния широкому кругу историков и ставит ее в раздел библиографических редкостей.

В заключение еще раз хотелось бы отметить, что это новое, оригинальное исследование, выполненное на стыке наук истории государства и права, канонического права, религиоведения, пенитенциарной практики деятельности монастырей является достаточно уникальным и вносит значительный вклад в историю церковно-пенитенциарной системы России в XV—XVIII веках. Надеемся, что оно не останется незамеченным в историко-правовой науке.

А.С. СМЫКАЛИН

Примечания

1. БЕНТАМ И. Введение в основание нравственности и законодательства. М. 1998.
2. ЕСИПОВ В.В. Грех и преступление, святотатство и кража. СПб. 1894.

W. CHU. *The German Minority in Interwar Poland*. Cambridge University Press: Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo, Delhi, Mexico City. 2012. 320 p.

В. ЧУ. *Немецкое меньшинство в Польше в период между мировыми войнами*. Издательство Кембриджского университета: Кембридж, Нью-Йорк и др. 2012. 320 с.

История немецкого национального меньшинства в Польше в период между двумя мировыми войнами находится в центре исследовательского интереса историков, как Германии, так и Польши. За последние годы ими созданы крупные труды, посвященные отдельным аспектам истории немцев в регионах Польши (Верхней Силезии, Познани, Центральной Польше, Волыни). При этом уже достаточно давно не предпринималось попыток создать обобщающее исследование о польских немцах.

И вот, наконец, подобное исследование вышло из-под пера американского историка, профессора университета Висконсин (Миллуоки) Винсона Чу. Автор занимается исследованием отдельных аспектов истории немецкого меньшинства уже на протяжении более 10 лет и сумел за это время стать одним из ведущих авторов в этой области.

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из шести глав,

введения, заключения, библиографии, а также указателя имен и терминов.

Вполне понятно, что осветить все аспекты общественно-политической и культурной жизни немецкого меньшинства в Польше в межвоенный период в рамках одной книги крайне сложно. Автору необходимо было расставлять приоритеты, и он поместил в центр своего исследования историю немцев в Лодзинском районе.

Истории лодзинских немцев посвящены третья, пятая и шестая главы. При этом хронологически материал выходит за рамки данного периода: отправной точкой исследования является 1900 год, а конечной — год 2000. Однако такой хронологический разброс не вредит общей композиции книги. Автор справедливо подчеркивает, что история лодзинских немцев представляет собой отдельный историко-культурный феномен, который зародился до начала XX столетия. Именно тогда Лодзь, с ее немецким и еврейским населением, занятым в про-

мышленности, стала «Восточным Манчестером» или «Польским Манчестером» (с. 116). Здесь проживало, по разным данным, от 500 тыс. до 600 тыс. немцев. Крупнейшими центрами немецкого расселения и экономической активности были города Радом, Лодзь, Томашов. Небольшие немецкие диаспоры проживали в Варшаве, а также в некоторых восточно-польских районах, в частности, в Белостоке.

Метрополией национальных меньшинств Средней Польши и всего государства был индустриальный центр Лодзь. 30% его населения составляли евреи и немцы. Для этого региона был характерен быстрый промышленный рост и урбанизация. Так, в 1921 г. в Лодзи проживало 452 тыс. чел., а в 1931 — более 600 тысяч. В районе Лодзи немцы составляли до 70% занятого в промышленности населения. Всего здесь проживало ок. 180 тыс. человек. Это были, в основном, промышленные рабочие, текстильщики, ремесленники и мелкие собственники. Неслучайно, Лодзь была одним из центров социал-демократического движения в Царстве Польском и в независимой Польше. Даже в условиях экономического кризиса начала 1930-х гг. немцы в Лодзи сохраняли сильные экономические позиции. Город был так же центром немецких банков и кредитных организаций: в 1925 г. их насчитывалось 80.

Немцы бывшего Царства Польского первыми делегировали своих депутатов в польский парламент (1919 г.), претендуя в начале 1920-х гг. на ведущие политические роли среди всех немцев Польши, что приводило к серьезным разногласиям с политическими лидерами Познани, Поморья и Верхней Силезии. Созданная Адольфом Айхлером Немецкая народная партия (Deutsche Volkspartei) была допущена к участию в первых выборах польского сейма 1919 г. и даже завоевала два депутатских мандата. Однако в том же году польские власти запретили эту организацию, а ее председатель А. Айхлер был вынужден бежать в Германию. Преемниками Айхлера стали Август Утта, Людвиг Вольф-старший и Эдуард фон Беренс. В начале 1920-х гг. именно на фон Беренса и лодзинских немцев делала ставку в Берлине, рассчитывая создать единую политическую организацию для всех немцев Польши. Однако, как это показывает автор в своей книге, лодзинские немцы не были готовы к такой роли. Их лидеры к середине 1920-х гг. по разным причинам уже не

были активны на территории Польши, а новые руководители предпочли сосредоточиться на внутренних проблемах (с. 124—126).

Приход к власти нацистов привел к резкой политической активизации немцев в Польше. В западных регионах страны активно действовала Младонемецкая партия Польши (Jungdeutsche Partei für Polen) во главе с инженером Рудольфом Виснером, которая стояла на национал-социалистических позициях, сохраняя при этом формальную лояльность Польскому государству.

Автор справедливо подчеркивает, что лодзинские немцы оставались, в массе своей, чужды национал-социалистической агитации со стороны младонемцев, но они оказались подвержены радикализации из-за столкновений с местными еврейскими организациями. После прихода к власти в Германии нацистов, еврейские объединения в Лодзи призвали к бойкоту германских товаров. Апофеозом немецко-еврейского противостояния стали события 9 апреля 1933 г. — так называемого «Кровавого Вербного воскресенья», когда в Лодзи и других городах Средней Польши прошли анти-немецкие акции, и даже дошло до погромов. Высшей точкой «Кровавого воскресенья» стала демонстрация перед германским консульством, а также штурм немецкой гимназии, которая была забросана камнями.

Анализируя этот непростой эпизод из истории немецко-еврейских взаимоотношений в Лодзи и округе, которые вплоть до этого момента характеризовались как добрососедские и спокойные, профессор Чу констатирует, что немецкая националистическая пресса возложила вину за произошедшее исключительно на евреев. Эта точка зрения имеет хождение и в современной историографии. С ней не согласен автор книги, который приводит факты, говорящие о том, что активную роль в погромах сыграла не только организация сионистов Лодзи во главе с Д. Розенблаттом, но и польская радикальная организация Союз обороны западных границ (Związek Obrony Kresów Zachodnich). Сами события «Кровавого воскресенья» автор склонен трактовать как провокацию, результатом которой воспользовались сторонники германских национал-социалистов.

Чу отмечает, что «хотя лидер Немецкой народной партии Август Утта и получил разъяснения от Розенבלата, он все равно остался при своем мнении о роли Сионистской организации

в событиях» (с. 214—215). В результате, с апреля 1933 г. прекратилось сотрудничество немецких и еврейских политических организаций. Этот день ознаменовал радикализацию лодзинских немцев, которые, как и немцы в других регионах Польши, стали все больше поддаваться националистической агитации и пропаганде, ощущать себя скорее немцами, нежели немецкоязычными гражданами Польской республики. Этим фактором активно пользовались в нацистской Германии, разжигая среди польских немцев ненависть и вражду по национальному признаку. Несмотря на некоторую стабилизацию германо-польских отношений после подписания германо-польского договора о ненападении 1934 г., немцы в Польше оставались заложниками антипольских планов Гитлера.

Основное изложение материала книги заканчивается событиями 1939 года. В этом контексте Чу был вынужден обратиться к вопросу о том, сыграли ли польские немцы роль пятой колонны нацистов при нападении на Польшу? Однозначного ответа на этот вопрос автор не дает, констатируя лишь, что события «Кровавого воскресенья» в Бромберге и прочие антинемецкие акции первых дней войны были использованы национал-социалистической пропагандой для еще большего разжигания антипольских настроений, а данные о жертвах среди этнических немцев были многократно преувеличены (с. 249).

В заключительных разделах книги профессор Чу указывает на большое историческое значение в истории Польши межвоенных лет «лодзинцев», которыми он считает сообщество этнических немцев и евреев, сложившееся в этом регионе еще до 1918 года. Автор полагает, что этих людей вполне можно считать «лодзинскими европейцами», сумевшими преодолеть расовые, национальные и религиозные барьеры (с. 275). Справедливости ради

следует отметить, что оснований для такого вывода в книге достаточно много. Тем не менее, он не продиктован общей канвой изложения, в центре которого стоят все-таки польские немцы, история их общественно-политической жизни и деятельности в рамках Второй Республики.

В целом же следует констатировать, что мы имеем дело с современным, квалифицированным историческим исследованием профессора Чу. Достоверность приводимых им фактов и аргументов определяется прекрасным знанием источников (он провел кропотливую работу в архивах Германии, Польши и США) и современной исследовательской литературы.

Рецензируемая книга написана по-английски, поэтому возникла проблема адекватной передачи имен собственных, в первую очередь — географических названий. Автор акцентирует на этом внимание в небольшом Введении, где уточняет, что общепринятые названия, такие как «Варшава», «Краков», «Померания» передаются им в английской транскрипции. Что касается локальных наименований областей и населенных пунктов, то здесь Чу использовал исторические немецкие названия: «Lodzer», «Posener», «Bielitzer», что вполне объясняется спецификой предмета рецензируемого исследования.

Таким образом, мы имеем дело с первым крупным исследованием в американской историографии, посвященным истории немецкого национального меньшинства в Польше в период между двумя мировыми войнами. Остаётся пожелать автору увидеть перевод своего труда на немецкий и другие европейские языки. Книга, несомненно, будет интересна и российским читателям.

С.В.КРЕТИНИН

Редакция журнала «Вопросы истории» с глубоким прискорбием сообщает о том, что 8 июня 2014 г. на 85-м году жизни скончался сотрудник журнала, член редколлегии Виктор Лукич Сорокин.

Пройдя большой жизненный путь, имея опыт работы в высших органах государственной власти, Виктор Лукич быстро включился в творческую работу коллектива редакции, став образцом честного и добросовестного отношения к своим обязанностям. Его отличали доброта, отзывчивость, жизнелюбие и умение находить выход из трудных ситуаций. Память об этом достойном человеке навсегда останется в наших сердцах. Выражаем глубокое соболезнование его родным и близким.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, В.Л. Сорокин,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 7, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.06.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 3093. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**